

П. Ш У Л Ь Ц

МАВЗОЛЕЙ
НЕАПОЛЯ
СКИФСКОГО

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
« ИСКУССТВО »

М О С К В А

1 9 5 3

ПРЕДИСЛОВИЕ

В истории русской науки есть ряд блестящих археологических открытий, позволивших совершенно по-новому оценить целые исторические эпохи далекого прошлого нашей Родины.

К таким открытиям можно отнести результаты раскопок многих царских скифских курганов: Мельгуновского, Келермесского, Куль-Обского, Чертомлыцкого, Александропольского, курганов Солоха и Карагодеуашх.

Мельгуновский курган, раскопанный в 1763 году, и дополняющий его раскопанный позднее Келермесский курган (1903) дали многочисленные высокохудожественные изделия из золота и других материалов, познакомившие нас с культурой ранних скифов архаического периода (VII—VI века до н. э.). Раскопки Куль-Обского кургана (1831), Чертомлыцкого (1862) и кургана Солоха (1912—1913) обогатили коллекции Эрмитажа замечательными изделиями из драгоценных металлов, относящимися к культуре скифов классической, средней, поры (V—IV века до н. э.). Курганы Александропольский (1851) и Карагодеуашх (1888) дали новый богатейший материал по культуре поздних скифов раннеэллинистического времени (III век до н. э.) на территории Приднепровья и Нижней Кубани.

В советское время были произведены широко известные раскопки курганов скифо-сарматской эпохи в Северной Монголии (Ноин-Ула, 1924—1925 годы) и на Алтае (Пазырык, 1927—1929, 1947—1950 годы). В эту же серию крупных достижений советской археологии, имеющих мировое значение, являющихся гордостью нашей отечественной науки, можно ввести открытие мавзолея близ Симферополя на территории Неаполя Скифского, столицы государства поздних скифов. Это открытие, осуществленное советскими археологами

в 1946 году ¹, вписало новую главу в изучение скифской культуры позднейшего периода (последние века до нашей эры — первые века нашей эры). Вопросы, остававшиеся до сих пор дискуссионными, с открытием мавзолея и других памятников Неаполя Скифского встали на почву неопровержимых фактов. Стало ясным, что скифы, вопреки утверждениям многих западных ученых, выдающих скифов за диких азиатских кочевников, создали свое государство, что они строили города и погребальные сооружения городского типа, что они были знакомы с каменной архитектурой и, не ограничиваясь так называемым „звериным стилем“, в котором доминировали изображения животных, создали в искусстве свой монументальный стиль.

Открытие и раскопки мавзолея Неаполя Скифского с его многочисленными погребениями представителей скифской знати осуществлены Тавро-скифской археологической экспедицией, организованной в 1945 году Институтом истории материальной культуры Академии наук СССР и Музеем изобразительных искусств имени А. С. Пушкина ². В дальнейшем, начиная с 1948 года, руководство экспедицией перешло к Крымскому филиалу Академии наук СССР. В работах экспедиции участвовал в 1945—1948 годах Крымский областной музей краеведения. Руководил экспедицией старший научный сотрудник ИИМК АН СССР и ГМИИ П. Н. Шульц, в настоящее время заведующий отделом истории и археологии Крымского филиала Академии наук СССР. Деятельное участие в создании экспедиции принимал народный художник СССР С. Д. Меркуров. Наиболее ценные находки поступили в Музей изобразительных искусств имени А. С. Пушкина.

Описание таблиц с датировками погребений составлено в настоящей книге научным сотрудником ИИМК АН СССР Н. Н. Погребовой.

Предлагаемая вниманию читателей первая развернутая публикация находок в мавзолее познакомит широкого читателя с источниками, открывающими новую страницу в богатой и многогранной истории культуры и искусства нашей Родины.

Редакция

ВВЕДЕНИЕ

В жизни древних народов погребальный обряд имел неизмеримо большее значение, чем в средние века и особенно в новое время. В условиях первобытно-общинного строя родовые могильники и могилы племенных вождей способствовали укреплению родовых и племенных связей. В условиях рабовладельческих древневосточных деспотий могилы властителей своими размерами внушали массам идею незыблемости отношений господства и подчинения. В обстановке античного рабовладения надгробные памятники закрепляли в памяти живых гражданские деяния, а иногда и портретный облик умерших. Погребальный обряд и погребальные сооружения древнего мира, например пирамиды Египта или курганы южнорусских степей, являлись вместе с тем ярчайшими показателями своеобразия условий жизни, культуры, быта, религиозных и художественных представлений тех или иных племен и народностей. В погребальном обряде сказывались особенности не только материальных и социальных условий исторического развития древних народов, но и всего склада их мышления. Правда, при изучении древних погребальных сооружений и связанного с ними погребального обряда необходимо учитывать, что эта область деятельности человека наиболее консервативна и что погребения отражают изменения жизненных условий и религиозных представлений обычно с большим запозданием.

Погребальный обряд и погребальные сооружения имели у скифов, как на это обратил внимание еще Геродот, исключительно большое значение³. Недаром же скифский царь Иданфирс заявил посланцу персидского царя Дария, что скифы немедленно вступят в бой с персами, если только они попробуют разрыть и разорить могилы их предков⁴.

Скифские курганы с их богатым инвентарем долгое время являлись сначала единственным, а затем основным и решающим археологическим источником изучения развития скифской культуры. Скифские поселения вплоть до советского времени, за немногими исключениями, не привлекали к себе внимания археологов⁵. Это способствовало ошибочному представлению о том, что курган являлся чуть ли не единственной формой погребальных сооружений скифов.

Коренные изменения в этом вопросе внесены систематическими раскопками Неаполя Скифского⁶ и его некрополя, произведенными в 1945—1950 годах Тавро-скифской археологической экспедицией. Эти раскопки полностью опровергли представление о том, что скифы хоронили только в курганах. Напротив, исследования некрополя Неаполя Скифского доказали, что переход скифов в Крыму к новым условиям — оседлой, сельской и городской жизни — сопровождался изменениями их погребальных обрядов, вытеснением обычая хоронить в курганах и распространением сооружений нового типа. Среди них мы встречаем подбойные могилы, земляные склепы без курганной насыпи⁷ и склепы, высеченные в скале⁸. У городских стен Неаполя Скифского возводится надземный каменный мавзолей — усыпальница скифской знати⁹ или же, что весьма вероятно, фамильная усыпальница скифского царя Скилура, одного из самых прославленных скифских царей. Скилур жил во второй половине II века до н. э.¹⁰ и, по свидетельствам Плутарха и Аполлонида, имел восемьдесят сыновей¹¹.

Мавзолей Неаполя Скифского противостоит скифским курганам как новая городская форма погребального сооружения, созданная в столице скифов в условиях сложившегося рабовладельческого скифского государства. Именно поэтому исследование мавзолея приобретает столь большое научное значение.

Недостаток письменных и археологических данных не позволяет еще решить многие важнейшие вопросы истории скифского государства. Мы еще не знаем с достаточной определенностью, когда оно возникло, какие формы эксплуатации являлись в нем основными, каков характер его политического строя.

Мы разделяем мнение тех специалистов, которые связывают первые признаки скифской государственности с царством Атея в IV веке до н. э. В общественном строе поздних скифов преодолевались и отмирали пережитки военной демократии и первобытно-общинного строя, доминировали формы примитивного рабовладения, которые еще не приобрели, вероятно, в полной мере характера античного рабства, и имел место принудительный систематический сбор дани натурой у земледельческого населения. Этот сбор дани в условиях позднескифского государства, быть может, представлял собой своего рода зародышевую форму натуральной ренты.

Судя по остаткам гончарных мастерских, производивших посуду на сбыт (скифские городища Красное и Альминское), и широкой торговле хлебом, у скифов уже имели место начатки товарного производства. Немногочисленные находки монет свидетельствуют о том, что денежное обращение не получило еще широкого развития.

Раскопки Неаполя Скифского раскрыли перед нами особенности самобытной культуры поздних скифов. Ее своеобразные черты наиболее ярко выступают в памятниках архитектуры, скульптуры и стенной живописи. Наряду с этим следует указать, что в Неаполе Скифском, по преимуществу в первый период его существования, сопровождавшийся расцветом города (III—II века до н. э.), прослеживается влияние эллинистической культуры. Это влияние проникало в первую очередь из греческих городов и государств, расположенных в Крыму и по всему северному берегу Черного моря. Греческие воздействия сказались в строгой планировке ряда сооружений Неаполя по странам света параллельно городской стене, в некоторых приемах строительной техники, в заимствовании греческой письменности для официальных надписей, в чеканке монет в Ольвии с изображением скифских царей и во многом другом.

В период второго расцвета Неаполя Скифского в I—II веках н. э. ранее преобладавшие эллинистические влияния сменяются проникновением значительных элементов сарматской культуры, воздействие которой сказывалось и раньше, но в меньшей мере. Длительное существование мавзолея и в особенности богатство и разнообразие открытого в нем археологического материала позволяют осветить различные стороны жизни поздних скифов.

Исследование мавзолея выясняет завершающий этап развития погребального обряда скифов, знакомит нас с характером художественного ремесла и культурными взаимосвязями Неаполя Скифского, раскрывает перед нами достижения скифской каменной архитектуры городского типа, уточняет наши представления об антропологических особенностях поздних скифов в Крыму и вместе с тем проливает свет на новые социальные связи, отраженные в обряде и инвентаре погребений.

Мавзолей Неаполя Скифского выступает перед нами как погребальный памятник государственного характера, призванный закрепить новые отношения господства и подчинения, разрушившие старые родовые узы. Родовой строй для Неаполя Скифского находился уже позади, но в укладе жизни жителей города и особенно в их погребальном обряде долго еще сохранялись самые разнообразные пережитки родовых отношений. И в архитектурных формах и в обряде погребений черты варварства соединены с новыми чертами формирующейся скифской цивилизации. Эллинистические влияния и наличие в погребальном обряде и инвентаре сарматских элементов не уничтожили ярко

выраженного скифского своеобразия в архитектурном облике мавзолея и представленном в нем ритуале.

Мавзолей Неаполя Скифского — яркое явление своеобразной, сохраняющей самобытность культуры поздних скифов. Он вместе с тем интересен и в чисто историческом отношении, так как является дополнительным аргументом в пользу того, что скифское государство и его столица Неаполь Скифский сравнительно быстро восстановились после тяжелых поражений, нанесенных скифам иноземными войсками Митридата Понтийского во главе с полководцем Днофантом и херсонесскими войсками (110—106 годы до н. э.)¹². Скифское государство и его столица, как показали раскопки, вновь окрепли в первые века нашей эры.

Процесс развития культуры скифов, в частности их художественной культуры, вопреки распространенному ошибочному представлению, продолжался по меньшей мере тысячелетие, и мавзолей Неаполя Скифского является одним из заключительных звеньев этого многогранного, яркого и длительного процесса.

Мавзолей возник в исторических условиях сначала наступательной, а затем оборонительной объединенной борьбы скифов, роксоланов и тавров против Херсонеса, поддержанного вторжением понтийских войск в Крым. В это же время вспыхнуло восстание Савмака на Боспоре.

В обстановке внутренней и внешней борьбы мавзолей с его гробницами приобретал особое значение: он являлся выражением крепнущих сил позднескифского государства в кульминационный момент борьбы скифов за свою независимость и свободу.

Исследование мавзолея и найденных в нем многочисленных художественных изделий еще далеко от своего полного завершения. Настоящая публикация дает возможность как специалистам, так и широкому кругу читателей познакомиться с основными материалами, найденными в мавзолее и хранящимися в Музее изобразительных искусств имени А. С. Пушкина.

ОТКРЫТИЕ И РАСКОПКИ МАВЗОЛЕЯ

4 августа 1946 года, перед началом раскопок Неаполя Скифского, мною был совершен осмотр земляного вала, образовавшегося над руинами оборонительной стены, защищавшей город с южной, наиболее уязвимой для нападения стороны (рис. 1)¹³. На участке, где можно было ожидать местонахождение центральных городских ворот и башен¹⁴, на небольшом холме, у вершины вала я увидел несколько свежих ям от выборки глины. В обресе одной из ям под массивом плотной глины были заметны человеческие кости. Для осмотра костей был привлечен препаратор-остеолог Крымского областного краеведческого музея И. Т. Глобенко, подтвердивший их древнее происхождение.

Наличие погребения у городской стены представляло несомненный научный интерес. 6 августа 1946 года мы начали здесь раскопки, порученные на данном участке старшему научному сотруднику Музея изобразительных искусств имени А. С. Пушкина, впоследствии сотруднику ИИМК АН СССР Н. Н. Погребовой.

На второй день раскопок обнаружили следы древних каменных стен и ступеней каменной лестницы. На третий день было открыто погребение в деревянном прямоугольном ящике. В нем лежал костяк мужчины с хорошо сохранившимся черепом. Бронзовая прямоугольная пряжка, найденная в погребении, доказывала его древнее происхождение (табл. XV, 7). Под этим ящиком оказались еще два погребения в деревянных ящиках, поставленных один на другой.

Когда было установлено, что эти погребения завалены рухнувшими на них сырцовыми кирпичами, раскоп был расширен, и в дальнейшем, после исследования сырцового завала и его удаления, работы производились широкой пло-

Симферополь (восточная часть)
№ 1346
№ 9

МАСШТАБ
0 50 100 150 200

Рис. 1. План Неаполя Скифского

щадью в границах каменного сооружения, приближающегося в плане к квадрату. Стены сооружения были строго ориентированы с запада на восток и с севера на юг. Вдоль западной стены шла каменная лестница, в восточной имелся дверной проем. Значительное число обнаруженных в сооружении древних погребений убедило нас в том, что у стен Неаполя Скифского открыт мавзолей (рис. 2).

Рис. 2. Вид на руины мавзолея с запада

Плохая сохранность истлевших деревянных ящиков и не менее плохое состояние костяков, пострадавших от обвала каменных и сырцовых стен и деревянных плах перекрытия, крайне затрудняли исследование погребений. В отдельных участках мавзолея деревянные погребальные ящики ставились один над другим до шести ярусов. Костяки верхних ящиков нередко проваливались сквозь истлевшие днища в нижние. Разборка погребений требовала большой тщательности, осторожности и терпения. Во многих из них были обнаружены золотые изделия, резные камни и бусы, частью из полудрагоценных камней.

Когда в северо-западном углу мавзолея была обнаружена каменная гробница (рис. 3), работа достигла особого напряжения. Средняя перекрывающая гробницу плита еще в древности своим концом опустилась вниз, и через образовавшееся отверстие ее заполнила земля.

С большим волнением мы приступили к расчистке. В таких случаях перед археологом встает вопрос: не побывали ли здесь грабители? Первые признаки были неутешительны. Кости оказались сдвинутыми, так же как и многочисленные украшения. Но вскоре выяснилось, что костяк был лишь потревожен

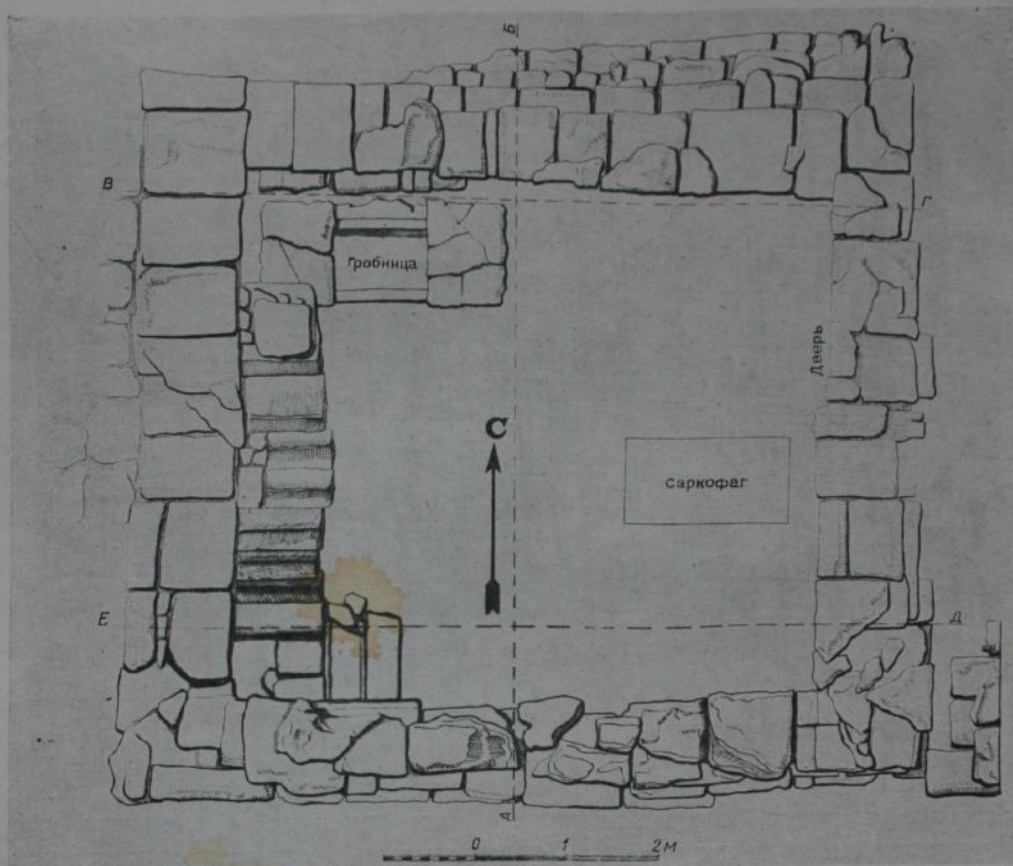

Рис. 3. План мавзолея

опустившейся плитой. К нашей общей радости, могила оказалась неразграбленной. Каждый час расчистки подтверждал, что здесь необычное, редкое по своему богатству и своеобразию погребение какого-то особо выдающегося человека. К концу расчистки стало ясным, что перед нами главное в мавзолее — быть может, царское погребение.

Работа всего коллектива сотрудников Симферопольского отряда экспедиции (руководитель научный сотрудник ЛОИИМК АН СССР Карасев А. Н.) стала особенно сложной, когда началась расчистка остатков истлевшего деревянного саркофага с резными украшениями, раскраской и позолотой, находив-

Рис. 7. Дверь мавзолея. Вид с востока

*

РАСПОЛОЖЕНИЕ ПОГРЕБЕНИЙ

В мавзолее было обнаружено семьдесят два человеческих погребения, в середине между этими погребениями были захоронены четыре коня. В северо-западном углу мавзолея находилась каменная гробница с самым древним и самым богатым мужским погребением, вероятно, царским. У восточной стены, к югу от входа, несколько позже была погребена в пышном деревянном саркофаге

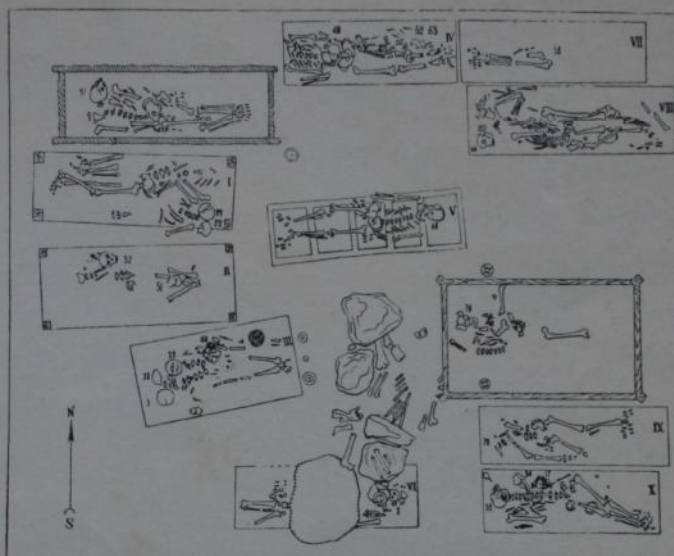

Рис. 8. Расположение погребений в мавзолее. Нижний ярус

знатная женщина, возможно, царица. Все остальные погребения находились в прямоугольных ящиках из соснового дерева (рис. 8). Всего в мавзолее обнаружено тридцать семь ящиков; в восьми наиболее крупных находилось по несколько костяков в каждом; шесть ящиков имели парные погребения взрослых; в пяти — были погребения взрослого с ребенком; в восемнадцати, меньшего размера, находились одиночные погребения.

Среди наиболее древних захоронений преобладали групповые — семейные; для них были предназначены крупные ящики с угловыми столбиками, стоявшие по преимуществу на полу мавзолея. В верхних, более поздних ярусах, в ящиках меньших размеров преобладали одиночные погребения.

44

Ящики группировались в мавзолее по трем рядам: вдоль западной стены, по середине мавзолея и вдоль восточной стены. Ориентированы они в соответствии с архитектурой мавзолея, по преимуществу с запада на восток, за исключением шести ящиков, поставленных с севера на юг. Два ящика у лестницы оказались несколько сдвинутыми, вероятно при постройке лестницы. Костяки лежали в вытянутом положении; 45% погребенных были ориентированы головой на восток, 45% — на запад и 10% — на юг и север.

В западном ряду, примыкающем к каменной гробнице, ящики были поставлены в два яруса, один над другим. Всего здесь было десять ящиков. В центральном ряду наряду с конскими погребениями находилось семь ящиков. Некоторые из них также были поставлены один над другим. Наибольшее количество (двадцать ящиков) находилось в восточном ряду, по сторонам деревянного саркофага. Ставились они здесь иногда до шести ярусов, один над другим.

Количество и расположение деревянных ящиков в определенной системе, увязанной с главными погребениями в каменной гробнице и деревянном саркофаге, наводят на мысль о фамильном характере мавзолея, о длительном его существовании и о одновременности его погребений. Последнее подтверждается погребальным инвентарем.

Подобного рода памятник является пока что единственным в Северном Причерноморье.

КАМЕННАЯ ГРОБНИЦА

Среди всех погребений мавзолея резко выделяется своим монументальным характером каменная гробница (рис. 9). Она расположена в северо-западном углу, удаленном от входа в мавзолей, и представляет собой каменный ящик, сложенный из плит, опущенных в прямоугольное углубление, вырубленное в скале. Плиты гробницы сделаны из белого нуммулитового известняка хорошего качества и тщательно отесаны. Каждая из продольных стенок гробницы сложена из трех плит, торцовые имеют по одной плите. Гробница была перекрыта тремя массивными плитами, из которых западная, лежавшая над головой покойника, рустованная. Средняя плита, как указывалось выше, опустилась и несколько потревожила погребение. Размеры гробницы — 2,30 × 0,96 м, глубина — 0,95 м.

Монументальный облик гробницы хорошо увязан с формами мавзолея и вызывает в памяти каменные ящики горных тавров. Но гробницы тавров представляют собой массивные ящики, нередко рассчитанные на большое количество погребений в каждом. Обычно они сооружались из четырех боковых толстых, грубо обработанных плит, перекрытых пятой. Гробница в мавзолее

сложена из одиннадцати тщательно отесанных плит, имеет четкую прямоугольную форму и предназначена для погребения одного человека. По сторонам гробницы, у ее углов, были четыре углубления для деревянных стояков, на которых, очевидно, был навешен полог.

Покойшийся в гробнице костяк погребенного, по определению антропологов, принадлежал пожилому мужчине. Он лежал на спине, головой на запад. Левая рука была вытянута вдоль туловища, правая, согнутая в локте, положена на пояс. Костяк и инвентарь были несколько сдвинуты опустившейся плитой (табл. I, а), однако положение костей и инвентаря поддается реконструкции (табл. I, б). Последняя выполнена О. И. Домбровским.

Погребение в каменной гробнице выделялось среди остальных особым богатством и разнообразием инвентаря. В гробнице сохранились обрывки пелены из льняной ткани, украшенной тонкими красными полосками; ею, очевидно, был покрыт покойник. Одét он был в кафтан и штаны, расшитые золотом, что подтверждается сохранившимися частями вышивки и множеством обрывков золотых нитей, найденных при расчистке погребения. На ногах заметны были остатки кожаной обуви. Рукава и штаны перевиты тонкой золотой спиралью (табл. II, 1). Головной убор, к сожалению, не сохранился, повидимому ему принадлежали три круглые золотые бляхи позднеэллинистического времени (табл. XXX, 18 а—в) с погрудными изображениями юного Аполлона (табл. III, 1). Полы кафтана были богато орнаментированы множеством нашитых золотых бляшек. Они располагались ритмическими рядами, создавая красивый разнообразный узор (рис. 10). Среди них выделяется шесть основных типов. Мы встречаем здесь распространенный в скифских погребениях мотив стилизованной волны¹⁸, вероятно, заимствованный из Греции, а также мотив звезды, бутона, условное изображение пчелы или мухи; встречаются бляшки в миниатюре, изображающие круглые орнаментированные щиты. Помимо перечисленных бляшек, одежда покойного была украшена золотыми тонкими цилиндрическими пронизями и бусинами в виде жемчужин. Особо выделяются рельефные львиные головки, держащие в пасти цепочки с подвесками (табл. III, 2 а, б, в). Глаза их инкрустированы цветной пастой. Несмотря на миниатюрность, они выполнены очень тщательно.

В мотивах золотых украшений обращает внимание сочетание образов, связанных с небом (звезды), с водой (волна), с землей (растительный мотив — бутон). Наряду с этими образами, имеются атрибуты, связанные с человеком (щиты); львиные головки с подвесками могли иметь символическое значение „оберега“, и вместе с тем они подчеркивали силу и власть покойного.

Кафтан погребенного был перепоясан скифским наборным поясом из накладных железных пластинок; к нему прикреплялись бронзовые пряжки и крючки для подвешивания оружия. Два крючка на кольцах воспроизводят

Рис. 9. Каменная гробница после раскопок. Вид с востока

головки водоплавающих птиц (табл. XIV, 2, 3). Одна пряжка повторяет старый скифский мотив в виде фигурки животного с повернутой назад головой (табл. XIV, 4). У левого бедра был привешен кожаный колчан, от которого сохранилась большая золотая пластина треугольной формы с закругленным концом и рельефными, диагонально расположенными линиями (табл. IV, 19). Эта пластина украшала нижнюю часть колчана, выше он орнаментировался множеством небольших тонких золотых бляшек треугольной или овальной формы с пунктирным орнаментом. Несколько ниже колчана были найдены железные трехгранные черенковые и втульчатые наконечники стрел (табл. V, 1, 2, 3, 5, 6, 7, 8, 9, 10, 11). У правого бедра был подвешен меч в ножнах, отделанных серебром; второй, короткий меч был найден в ногах покойника. Его навершие было оформлено серебряной орнаментированной обкладкой (табл. V, 15 а, б). Здесь же лежали три больших втульчатых железных наконечника копий (табл. VI, 1—3) и наконечник дротика; во втулках сохранились остатки дерева от древков. Справа, в ногах, был положен железный шлем с бронзовыми украшениями на козырьке, с волютами по бокам и с остатками нащечников (табл. I, а, б).

На крестце костяка был найден золотой ромбовидный щиток фибулы с четырехлепестковой розеткой, рассчитанной на инкрустацию (рис. 21, табл. V, 13)¹⁹. На кисти правой руки — бронзовый браслет, на пальцах — два бронзовых перстня.

Наиболее интересной чертой погребения являлось пышное облачение покойного. В гробнице обнаружено свыше восьмисот золотых изделий. Эти золотые предметы частью имеют аналогии в скифских, частью в греческих, в частности в боспорских изделиях эллинистического времени. Но некоторые украшения (бляшки от колчана) встречаются впервые и своеобразны по стилю.

Вкус к варварской пышности в убранстве покойного сочетается, таким образом, с использованием греческих золотых изделий (медальоны с изображениями Аполлона). Великолепие украшений подчеркивало богатство и власть погребенного и имело, несомненно, и культовое значение, поскольку золото в представлении скифов было священным металлом. Сверкающее золотом облачение скифа, погребенного в каменной гробнице, вероятнее всего, было специально предназначено для погребального ритуала.

Характерной деталью инвентаря являлись звериные мотивы крючков и пряжек. В них мы имеем последние звенья развития скифского звериного стиля, который приобрел в условиях городской культуры Неаполя Скифского уже пережиточный, условный характер.

Монуументальность каменной гробницы, а с ней, очевидно, связано и сооружение мавзолея, богатство вооружения и пышность одежды дают осно-

бики с вершинками в виде шишек пинии (рис. 14). Эти столбики представляли собой, вероятно, пережиточную форму угловых шестов, поддерживавших балдахин, типичный для скифских царских погребений³⁰.

Верхняя часть саркофага, в котором находилось погребение, как уже было сказано, имела форму прямоугольного ящика с четырехскатной крышей и площадкой посередине. Стенки гроба были со всех сторон украшены резной гирляндой, выполненной в плоском рельефе. Ветви, плоды и цветы, составляющие гирлянду, перехвачены лентами, изгибы которых чередуются с рогами

Рис. 12. Рельеф на крыше деревянного саркофага
(гипсовая отливка)

изобилия. Вторая, более пышная и густая гирлянда окаймляла со всех сторон крышку гроба. В этой гирлянде обращают на себя внимание цветы, напоминающие ромашку, ветви пинии с иглами и шишками, лавровые ветви. Гирлянда также перевита лентами (рис. 12). Ее резные детали и накладные рельефы выделялись на розовом фоне. Ленты в гирляндах были позолочены, некоторые из цветов — голубые, другие — с белыми лепестками и золотой сердцевиной. Позолочены были шишки и иглы пинии, листья лавра и лепестки цветов. Среди лавровой листвы резко выделялись яркокрасные ягоды (табл. VIII).

Резная гирлянда, вырисовывающаяся на темнокрасном фоне стенок саркофага, в отличие от рельефа на крышке, была только позолочена. Позолочены были и угловые столбики, головки их были расписаны синей краской.

Повидимому, на крыше саркофага, на ее горизонтальной площадке, с двух сторон высились скульптурные резные фигуры львиноголового крылатого грифона (рис. 13) и сфинкса. Остатки этих фигур обнаружены рядом с частями разрушенного саркофага. Фигуры фантастических животных были позолочены,

*

Рис. 13. Фигура львиноголового грифона. Деталь деревянного саркофага (гипсовая отливка)

а крылья с внутренней стороны расписаны розовой, голубой и белой красками.

На постаменте на белом фоне выделялись вызолоченные колонки и гипсовые медальоны.

Деревянный саркофаг мавзолея является уникальным памятником истории мирового искусства. Он не имеет прямых аналогий; дошедшие до нас деревянные саркофаги Боспора значительно проще и строже и по своей структуре и по своей отделке³¹. Отличительной чертой саркофага из мавзолея Неаполя Скифского является его торжественная двухъярусная структура и пышность убранства. В сравнительно невысоком рельефе гирлянд при характерной плоскости резьбы мастеру удалось достигнуть исключительной сочности. Характерны также угловые столбики — пережиток старых скифских традиций — и венчающие крышу геральдически расположенные фигуры оберегающих саркофаг фантастических животных. Мотив резных фигур „оберегов“, повидимому, был характерной чертой оформления коньков крыш скифских сооружений, о чем мы можем судить по „оберегам“ — конькам в росписи склепа № 9 некрополя Неаполя Скифского³². Приземистые фигуры грифонов и сфинксов, поддерживавшие

саркофаг, резко отличаются от более свободных по своим позам фантастических животных, венчающих погребальное сооружение (цв. вкл. I).

Отдельные мотивы и элементы убранства саркофага, так же как и сочетание в расцветке розовой, голубой краски и позолоты, можно встретить в искусстве эллинистического Востока и Боспорского царства. Но для саркофага Неаполя Скифского характерно особое сочетание этих мотивов и элементов, подчиненных задаче создать царственное погребальное сооружение. Предполагается, что саркофаг Неаполя Скифского был выполнен искусным боспорским резчиком на скифский заказ с учетом вкуса заказчика или же скифским мастером, получившим выучку на Боспоре. Этим, вероятно, и объясняется особая жизнерадостность и реалистичность в передаче растительных мотивов гирлянд, в которых условность полихромии и нарядность скульптурной декорировки соединяются с живым народным чувством природы.

Эта черта роднит резьбу саркофага с русской полихромной народной деревянной резьбой.

Рядом с саркофагом, у его северо-западного угла, были найдены обломки сосуда на ступенчатой прямоугольной подставке, с витыми ручками, украшенного наклепными круглыми розетками и букраниями. Сосуд расписан розовой, зеленой и черной красками и позолочен. Он слабо обожжен, вылеплен от руки и был, несомненно, специально сделан для погребального ритуала.

В результате ограбления и разрушения саркофага кости в нем переместились, что не дало возможности установить положение покойника. Судя по местонахождению черепа и позвонков, погребенная здесь женщина лежала головой на запад. Грабеж был произведен поспешно; грабители не успели захватить ряд ценных вещей, из них особенно интересны золотые нашивные пластинки в форме сегментов, с точечным орнаментом по краю и растительным мотивом в виде усиков вьющегося растения (цв. вкл. II, 1—3).

Характерно, что каждая из трех пластинок выбита на различных штампах. Чрезвычайно интересен массивный золотой медальон с изображением варваризованной головы горгоны, окруженной лучами (табл. XXX, 10). Красива золотая нашивная розетка (цв. вкл. II, 6). Массивный витой перстень украшен цветной стеклянной вставкой (цв. вкл. II, 5). От ожерелий сохранились разрозненные сердоликовые и разноцветные пастовые бусы. Большая золотая игла напоминает золотую иглу из женского погребения скифского царского кургана Солоха (цв. вкл. II, 7)³³.

В инвентаре обращает внимание сочетание скифских вещей, вероятно, местной работы (золотая игла, пластинки с растительным орнаментом, лунница), с привозными, вероятно, боспорскими изделиями (золотая розетка)³⁴.

К сожалению, инвентарь, найденный в саркофаге, не имеет вещей, поддающихся точной датировке. Можно лишь приблизительно определить, что время погребения — не ранее I века до н. э. и не позже I века н. э.

Под саркофагом, на полу мавзолея, была найдена херсонесская бронзовая монета с изображениями головы богини Херсонас в башенной короне на

Рис. 14. Угловой столбик
деревянного саркофага
(гипсовая отливка)

лицевой стороне и оленя — на оборотной (рис. 15). Монета датируется концом II века — первой половиной I века до н. э. Мало вероятно, что монета попала под саркофаг после того, как он был поставлен в мавзолее. Характер массивного перстня также позволяет датировать саркофаг не ранее I века до н. э.

Итак, погребение в саркофаге, в отличие от погребения в каменной гробнице, было совершено после войн скифов с Диофантом и Херсонесом

Рис. 15. Бронзовая херсонесская монета
(найдена в мавзолее)

и является доказательством того, что мавзолей использовался для погребений знатных лиц в период вторичного расцвета Неаполя Скифского, начавшегося на рубеже нашей эры и продолжавшегося при скифском царе Фарзое ³⁵.

Роскошный характер саркофага и богатство отдельных найденных в нем вещей, которых в погребении до его ограбления было, вероятно, значительно больше, позволяют предполагать, что в саркофаге была погребена особо знатная скифская женщина, быть может, царица.

ПОГРЕБЕНИЯ В ДЕРЕВЯННЫХ ЯЩИКАХ И КОНСКИЕ ЗАХОРОНЕНИЯ

Среди погребений мавзолея выделяются семейные захоронения в крупных деревянных ящиках. Ящики сделаны из соснового дерева и обычно имеют невысокие ножки и по четыре угловых столбика, прямоугольных в сечении, поднимающихся (до 0,40 м высоты) над крышкой ящика ³⁶. Крышки в большинстве случаев плоские, иногда с плоской верхней частью и двумя боко-

выми скатами. Некоторые из ящиков были покрыты левкасом и окрашены красной краской. Часто около ящиков этого типа находились отпавшие от стенок гипсовые маски или медальоны. К сожалению, сохранность последних настолько плохая, что ничего нельзя сказать о характере изображений. Остальные ящики — меньших размеров. Многие из них были покрыты плотным, но тонким слоем глины; возможно, что глиняная обмазка заменяла засыпку гроба землей.

К каменной гробнице примыкали погребения военачальников вместе с членами их семей (рис. 8). Так, в ящике первом (I) рядом лежали два мужских костяка и один женский, головами на восток. Покойники были положены на звериную шкуру, застилавшую дно гроба. При костяке старшего мужчины лежал наборный пояс из железных пластин и бронзовый уздечный набор из четырех колец с зажимами для ремней (табл. XIII, 6), на груди золотая бляшка местной скифской работы с выразительным изображением широколицей богини (табл. XXX, 11). Одежда военачальника была украшена золотыми нашивными бляшками в виде миниатюрных умбонов. У младшего мужчины у левого бедра лежал кожаный горит (футляр для лука и стрел), орнаментированный бронзовыми бляшками, и трехгранные наконечники железных стрел (табл. XIII, 2—5). На воина, повидимому, был надет плащ, судя по найденной у плеча бронзовой фибуле.

С погребенной женщиной было положено бронзовое зеркало, разбитое на двадцать кусков, и деревянный футляр от него с ободком, окрашенный в красный цвет. Обычай разбивать зеркала характерен для сарматского погребального обряда этого времени³⁷. На груди женщины были найдены бронзовая фибула и бусы от ожерелья из сердолика, янтаря и стеклянной пасты.

Дно ящика II также было застлано звериной шкурой, в нем лежало пять костяков: два мужских, два женских и один подростка. Верхний мужской костяк лежал головой на запад, все остальные — головами на восток. Среди погребенных мужчин один выделялся большим ростом и богатым вооружением. У его левого бедра лежал длинный железный меч (1,02 м длины) латенского типа, предназначенный для рубки с коня, с перекрестием в виде опрокинутой чаши (табл. VII)³⁸. Здесь же найден кожаный горит, украшенный круглыми бронзовыми бляшками, внутри него находились железные черенковые трехгранные стрелы. Рядом с черепом была обнаружена железная секира с остатками деревянной рукояти (табл. XI, 3)³⁹. Справа от военачальника лежало навершие, представляющее полый железный шар на изогнутом стержне (табл. XI, 2). У правого бедра находились железные кольчатые удила с восьмеркообразными псалиями, бронзовый уздечный набор местной работы в виде колец с зажимами и прямоугольной пряжкой с фигуркой животного. На туловище зверька штампом выдавлены кружки (табл. XIII, 7). Фигурка выпол-

нена в несколько угловатой примитивной манере и как бы имитирует в бронзе резную костяную или деревянную поделку. На глаза покойного были положены золотые лицевые пластины — наглазники (табл. XXIX, 10)⁴⁰. Одежда его была богато украшена многочисленными разнообразными золотыми бляшками в виде умбонов, масок и пр. (табл. XXIV). Особенно интересны нашивные золотые пластинки местной работы, вероятно изображающие пучки молний (табл. XXIV, 9, 10). На втором костяке также были найдены золотые наглазники, но другого типа, на пальцах — бронзовые перстни, у плеча — фибула.

Около женского костяка лежало бронзовое зеркало эллинистического типа с длинной ручкой, оканчивающейся мордой кабана (табл. XVII, 1)⁴¹. От ожерелий найдено много бус из горного хрусталя, сердолика, янтаря, гагата, стекла (табл. XXIV).

В ящике III также было обнаружено семейное погребение с четырьмя костяками, лежавшими головами на запад. В ногах покойников были поставлены сосуды: греческий кувшинчик бурого лака позднеэллинистического типа (табл. XX, 1) и простая чашка местной работы. Здесь же стояла чрезвычайно интересная, вылепленная от руки, подвесная курильница черного лощения с резным орнаментом, инкрустированной белой пастой (табл. XXI). Этот тип местных сосудов встречается в курганных погребениях крымских скифов и имеет ярко выраженный ритуальный характер⁴². Тут же было положено железное орнаментированное навершие, быть может, парадный жезл (табл. XI, 1). Инвентарь погребения отличается богатством и разнообразием. Здесь найдены золотые наглазники и нагубник (табл. XXIX, 4, 5, 8), две золотые бляшки с погрудным изображением божеств позднеэллинистического типа (табл. XXX, 12), сходные с бляшками из каменной гробницы; много ярких, разноцветных бус из стеклянной пасты и полудрагоценных камней; среди подвесок интересны амулет из желтой пасты в виде женской фигуры, сидящей на корточках (табл. XXXI, 1), а также гротеск александрийского типа из финикийского стекла, изображающий мужскую бородатую голову с выпученными глазами (цв. вкл. III, 2).

Но самая выдающаяся находка из этого погребения — это сердоликовый скарабей, судя по выделке, египетско-александрийского происхождения. Скарабей был завезен в Северное Причерноморье в виде полуфабриката, и уже здесь искусный местный мастер вырезал на его оборотной стороне портретное изображение головы бородатого скифа в остроконечном головном уборе (табл. XXXII, 1 а, б, в, и табл. XXXIII)⁴³. Индивидуальные портретные и типические этнографические черты изображаемого человека, несмотря на малый размер камня, переданы в высшей степени выразительно. Образ скифа на резном скарабее пополняет серию портретных изображений скифов, найденных в Неаполе, а также воспроизведенных на монетах из Ольвии⁴⁴.

Рис. 16. Скифская курильница лепной работы
Из погребения XIX

Гемма с портретом скифа является уникальным произведением причерноморской глиптики и пока не имеет прямых аналогий, хотя скифы в резных камнях неоднократно воспроизводились⁴⁵.

Время погребения в ящике III определяется найденными здесь флаконом позднеэллинистического типа (табл. XVIII, 2), а также бронзовыми зеркалами. Одно из них — большое, раннесарматского типа, другое — меньших размеров, с короткой ручкой (табл. XVII, 2). Оба зеркала относятся ко II веку до н. э.

Все погребения нижнего горизонта западного ряда, примыкающие к каменной гробнице (ящики I, II, III), датируются концом II века до н. э. и были совершены уже после ее сооружения. Это подтверждается положением ящика I, перекрывшего вырубку в скале, в которой была установлена каменная гробница. Следовательно, деревянный ящик был здесь помещен позже установки и засыпки каменной гробницы. В комплексе рассмотренных погребений

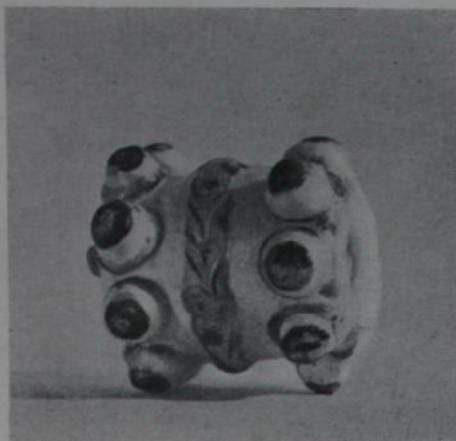

Рис. 17. Бусина из цветной пасты
из конского погребения

обращает на себя внимание почетное место, отведенное в них военачальникам. Их захоронения сопровождалось богатым вооружением, они отличаются пышностью украшений и наверхиями, быть может, являвшимися знаками власти, своего рода скипетрами.

Погребения второго, верхнего яруса этого же ряда (ящики XI, XVIII, XIX, XX) относятся к несколько более позднему времени, но, судя по найденным здесь флаконам позднеэллинистического типа (табл. XVIII, 1), не выходят за пределы I века до н. э. Из находок выделяются вторая глиняная подвесная курильница лепной работы, черного лощения, с глубоко врезанным изображением солнца (рис. 16), золотые подвески от ожерелья в виде миниатюрных

амфор (табл. XXV, 2—7) и резной костяной амулет, изображающий примитивную человеческую фигурку на корточках (табл. XXVIII, 3).

Курильницы с белой инкрустацией, найденные в погребениях III и XIX, представляют собой особый тип ритуальных местных сосудов, в которых можно уловить связь со старыми традициями раннетаврской керамики кизилкобинского типа с белой инкрустацией⁴⁶.

Одной из характерных черт в инвентаре погребений верхнего и нижнего ярусов является обилие золотых лицевых пластин — наглазников и нагубников (табл. XXIX). Наглазники имитировали глазное яблоко, а ресницы изображались гравировкой. Этот погребальный обычай, распространенный в Неаполе Скифском в позднеэллинистическое время, позже, в I веке н. э., проник в Херсонес, где он встречается в ритуале знатных погребений местной знати в пристенных каменных склепах⁴⁷.

Обычай класть золотые пластинки на глаза и рот покойника, может быть, имел характер „оберега“, охраняя погребенного от „злых сил“. Этот обычай имеет нечто общее с положением погребальных золотых масок, встречающихся в Северном Причерноморье в сарматскую эпоху⁴⁸.

Самыми поздними погребениями западного ряда были бедные одиночные мужские захоронения в ящике XXI и стоящем над ним ящике XXVI. Оба они относятся ко времени после сооружения лестницы, которая была возведена не ранее второй половины I века до н. э.

Основное место в центральном ряду занимают конские костяки. К сожалению, установить точно их расположение, время и последовательность захоронения невозможно: они были разграблены еще в древности, кости сдвинуты с места. Ранние конские захоронения были завалены каменными плитами, присыпаны землей и поверх них были совершены новые, над которыми позже был погребен мужчина.

Лучше других сохранился костяк коня № 3, остальные сильно разрушены. Около одного из них была найдена крупная разноцветная бусина из стеклянной пасты с характерными бугорками (рис. 17).

Эта бусина, очевидно, украшала голову коня. Около другого находилась крупная прямоугольная железная пряжка скифского типа от подпруги⁴⁹. Рядом с конским захоронением был обнаружен костяк собаки⁵⁰.

Тут же, к востоку от лошадей, находилось одиночное мужское погребение в простом прямоугольном ящике, на днище которого хорошо сохранились поперечные перекладины. Покойник лежал на спине, головой на восток, с вытянутыми руками и ногами. Ни одной вещи при нем найдено не было. Непосредственное соседство погребенного с конями и отсутствие инвентаря позволяют предположить, что здесь был похоронен слуга—конюх⁵¹.

У северной стены в ящике IV находилось погребение женщины с двумя младенцами, положенными у нее в ногах. Руки ее были скрещены на поясе. На руках и на ногах матери и младенца были надеты бронзовые браслеты (табл. XVI, 7). В правой руке — бронзовое зеркало в круглом деревянном футляре. Низки стеклянных бус в несколько рядов располагались вокруг кистей рук. Были ли они нашивной каймой на рукавах одежды или браслетами, сказать трудно. Аналогичные бусы были расположены вокруг ног, очевидно, они украшали обувь.

У противоположной, южной стены, в ящике XXIV находилось одиночное погребение воина с коротким железным мечом с кольцевым навершием (табл. X, 1) и бронзовой пряжкой на поясе, состоящей из двух колец с изображением трагической маски между ними (табл. XV, 8). Одежда была украшена нашивными умбоновидными бляшками, на пальцах — бронзовые

Рис. 18. Костяная выкружка из погребения XIII

кольца и бронзовый браслет на руке. Погребение датируется мечом сарматского типа не ранее I века до н. э.

Над ящиком XXIV был расположен ящик XXVIII с одиночным мужским погребением. При нем найдена лишь одна бронзовая пряжка с овальной дужкой и подвижным шипом (табл. XVI, 6). В ногах взрослого лежал детский костяк с бронзовой гривной с орнаментированными концами, здесь же найдено много бисера из египетской пасты. Пряжка, так же как и гривна (табл. XVI, 1), датирует погребение I веком до н. э. — I веком н. э.

Погребения в центральном ряду как в нижнем, так в особенности и в верхнем ярусе по своим находкам значительно беднее погребений западного ряда. Некоторые, например в ящике V, вовсе лишены инвентаря.

Характерно и то, что поздние погребения в центральном ряду ориентированы, в отличие от нижних, с севера на юг (ящики XXII, XXIII, XXIV, XXVIII).

Больше половины всех ящиков было сосредоточено у восточной стены мавзолея, по сторонам саркофага. Погребения здесь отличались особо плохой сохранностью. Они были повреждены обвалами стен и перекрытия, кроме того, при истлевании дерева верхние костяки проваливались в нижние ящики, и поэтому исследование захоронений восточного ряда представляло наибольшие трудности. В нижних ящиках, стоявших на полу мавзолея, преобладали семейные захоронения, одиночные располагались в верхних рядах. Все ящики, за исключением двух самых верхних, ориентированных с севера на юг, были поставлены параллельно деревянному саркофагу.

В северо-восточном углу мавзолея, в стоявшем на полу ящике VII, была погребена женщина. Найденная здесь бронзовая фибула латенского типа относится ко II веку до н. э.⁵² Обращают внимание множество разнообразных бус из стекла, гагата и янтаря и гранатовая вставка от перстня; интересен сердоликовый скарабей с изображением фантастического животного (табл. XXXII, 2 б). На ступнях ног лежали золотые бляшки в виде умбонов, которые были нашиты на кожаную обувь, следы которой в ящике обнаружены. Весь инвентарь позволяет датировать погребение концом II века до н. э.

Над ящиком VII стоял ящик XIII с деревянными столбиками по углам. В нем были обнаружены плохо сохранившиеся семейные погребения с шестью костяками. Они лежали на войлочной подстилке.

Инвентарь отличается разнообразием и богатством и относится, так же как и захоронение нижнего ящика, к концу II века до н. э. Здесь найдены бронзовая фибула среднелатенского типа (табл. XVI, 4), бронзовые зеркала позднеэллинистических типов: одно из них большое (табл. XVII, 5), другое маленькое, без ручки, разбитое, в деревянном футляре.

Особо выделяется серебряный круглый медальон с погрудным горельефным изображением Артемиды (табл. XV, 5). Медальон выполнен хорошим

Рис. 19. Серебряный медальон с изображением Артемиды
Из погребения XIII

греческим мастером позднеэллинистического времени⁵³. Изображение Артемиды дано в свободной живописной манере (рис. 19). Плечи и голова почти в фас, пышные волосы волнистыми прядями обрамляют слегка склоненное чуть повернутое влево лицо. Хитон скреплен застежкой с круглым щитком на правом плече у богини колчан. Медальон украшен по краю пунктирным орнаментом в виде волны⁵⁴ того же типа, что и на золотых украшениях каменной гробницы.

Среди золотых бляшек выделяются две с изображениями (табл. XXX, 9, 13), а также нашивные пластинки в виде пучков (табл. XXII, 6, 7). Любопытна костяная точеная выкружка (рис. 18). На ногах одной из погребенных женщин были надеты три бронзовых нагет с гранатом. Бусы разнообразны и яркие. Найдены бусы из сердолика, хрусталя, гагата, янтаря, стекла и разноцветной пасты (табл. X). Также найдены скарабей из зеленой египетской пасты с иероглифами (табл. X).

Значительное число скарабеев и других изделий египетского происхождения является примечательной чертой инвентаря некрополя Неаполя Скифского. Скарабей, как мы видим, встречаются и в мавзолее.

В двух верхних ящиках (XXIX и XXIII) были обнаружены мужские погребения с детскими костяками у бедер. В ящике XXIX найдены бронзовый браслет с закрученными концами (табл. XV, 3), небольшое количество бус и фрагменты алебастрового украшения. Судя по браслету, погребение может быть датировано I веком до н. э. — I веком н. э. Череп мужчины в верхнем ящике (XXIII) оказался пробитым холодным оружием. Никаких вещей при нем не обнаружено, несмотря на то, что признаков ограбления не видно.

Рядом, к югу от ящика VII находился ящик VIII с угловыми столбиками, стоявший непосредственно у дверного проема. В нем были погребены две женщины, лежавшие головами на запад. У черепов найдены фрагменты бронзовых зеркал и кости жертвенных животных. У одной из женщин имелись золотые украшения в виде нашивных умбоновидных бляшек и массивной пронизи в форме сдвоенной трубочки. На поясе — серебряная пряжка, на пальце — бронзовый перстень. Главное богатство погребения составляли многочисленные полихромные бусы из сердолика, горного хрусталя и разноцветной стеклянной пасты (табл. XXIII). Среди бус выделяется крупная янтарная пронизь. Большие бусы украшали грудь погребенных женщин, мелкие были нашиты на обувь. Погребение в ящике VIII, судя по тождеству бус и золотых изделий, вероятно, одновременно с погребением в деревянном саркофаге и скорее всего относится к I веку до н. э.

Над ним находилось одиночное мужское погребение с бедным инвентарем (XIV), на крышке ящика обнаружен скелет небольшой собаки.

Против дверного проема на полу стоял лишь один ящик (XV) с прямоугольными столбиками и следами розовой краски по левкасу. Дно ящика было орнаментировано рядами врезанных кружков. Ящик оказался разграбленным, но не до конца, в нем находился женский костяк, лежавший головой на запад. У черепа найдены две золотые бусины биконической формы, у левой ноги — большое бронзовое зеркало с широким ободком и короткой ручкой (табл. XVII, 4)⁵⁵; на нем лежал деревянный двусторонний гребень скифского типа⁵⁶. Погребение можно датировать, судя по характеру зеркала, не позднее I века до н. э.

Ящик XV закрыл вход в мавзолей, очевидно, уже после того, как саркофаг был внесен через дверной проем. К этому же времени относятся и заклад двери и засыпь площадки перед мавзолеем. Это обстоятельство может служить косвенным подтверждением датировки саркофага скорее I веком до н. э., чем I веком н. э.

После разграбления и разрушения саркофага над его останками был поставлен деревянный ящик XXXV, в котором были найдены два костяка головами на запад. В погребении, кроме двух золотых массивных сдвоенных трубчатых пронизей (цв. вкл. II, 10), ничего не найдено. По своему характеру они близки аналогичным пронизям в ящике VIII (табл. XXIII, 9). Вряд ли они относятся ко времени позднее I века н. э.⁵⁷

Южнее саркофага ящики были поставлены один над другим, их перекрывали поперек два ящика, поставленные рядом (XXXVI и XXXVII). Во всех них находилось по одному костяку, ориентированному попеременно на восток и запад.

Наиболее богатый инвентарь оказался в самом нижнем (IX) ящике; здесь, как и во многих других наиболее древних погребениях, были найдены золотые наглазники и нагубник (табл. XXIX, 1—3). Золотые бляшки в виде умбон и ромбов нашивались, очевидно, на одежду сверху вниз, так как были найдены лежащими вдоль позвоночного столба (табл. XXVII, 3—4, 9—14). Несколько бляшек оказалось внутри кожаного чехла (кармана?) у правого бедра. К поясу, украшенному серебряными накладками, была прикреплена серебряная чаша. Одежда была расшита мелкими стеклянными бусами.

В ящике XVI находок не оказалось; в XXV, стоящем над ним, был погребен мужчина, череп которого пробит холодным оружием. У головы найдены разбитое бронзовое зеркало, сероглиняная чашка, покрытая черной обмазкой, и железная трехлопастная стрела. У пояса — бронзовая пряжка с овальной дужкой и подвижным шипом (табл. XVI, 6), датирующая погребение I веком до н. э. — I веком н. э.

Верхние погребения содержали бедный и маловыразительный инвентарь.

В юго-восточном углу мавзолея ящики были поставлены в четыре яруса. Они сильно пострадали от обвалов стен и перекрытия мавзолея. В нижнем ящике (X) находилось семейное погребение двух взрослых, подростка и ребенка, лежавших головами на запад. Погребение датируется глиняным флаконом (табл. XVIII, 4) и светильником лепной работы с вытянутым рожком концом II—I веками до н. э. (табл. XX, 4). Около черепа ребенка найдено семнадцать нашивных круглых бляшек от головного убора или от повязки. Одежда была также украшена нашивными золотыми бляшками.

В ящике XXXII был погребен воин с коротким железным кинжалом (табл. X, 2)⁵⁸. Кинжал был вложен в деревянные ножны, окрашенные в красный цвет и позолоченные. У пояса лежали фрагментированные железные пряжка и фибула. В ногах была положена большая бычья кость.

В верхних поперечных одиночных мужских и женских захоронениях (ящики XXXVI и XXXVII) вещей не было, за исключением простой глиняной чашки с красной обмазкой.

Наиболее многочисленные и разновременные погребения у восточной стены относятся к трем основным этапам существования мавзолея. Ранние (ящики VII, IX, X, XIII), относящиеся к концу II века до н. э., одновременны с нижними погребениями западного ряда. Эти ящики находились в северо-восточных и юго-восточных углах мавзолея. Ко второму этапу можно отнести деревянный саркофаг и примыкающие к нему нижние погребения (VIII и XV). Обращает внимание, что в этих ящиках, как и в саркофаге, были похоронены исключительно женщины. Данная группа, занимающая центральную часть восточного ряда, относится скорее всего к I веку до н. э.

Верхние ярусы погребений с бедным инвентарем, а частью вовсе без вещей датируются I и началом II века н. э.

Характерной отличительной чертой погребений западного ряда являлось преобладание в них мужчин с разнообразным вооружением; напротив, в восточном ряду (в нижних его ярусах) преобладали женские костяки, и лишь в верхних оказалось одно захоронение воина с коротким мечом.

Такое распределение погребений в мавзолее, повидимому, не случайно. Оно было продиктовано, быть может, размещением двух главных погребений: мужского в каменном ящике и женского в саркофаге.

ВОПРОС О ВРЕМЕНИ ПОСТРОЙКИ И РАЗРУШЕНИЯ МАВЗОЛЕЯ

Оборонительная стена Неаполя, как показали раскопки, достигла максимальной мощности во II веке до н. э.⁵⁹, повидимому, при царе Скилуре и его сыне Палаке. Мавзолей сооружен впритык к внешнему панцирю протейхизмы городской стены (протейхизма датируется II веком до н. э.), следовательно, он построен не ранее II века до н. э. Построили его на площадке из выровненного и утрамбованного зольного слоя, в котором найдены обломки чернолаковой посуды и амфорные ручки с клеймами III—II веков до н. э. Таким образом, находки подстилающего слоя также подтверждают, что памятник был возведен не ранее II века до н. э. Уровень вымостки ворот, относящейся ко II веку до н. э., а также уровень пола мавзолея и окружающей его площадки совпадают по горизонту.

Характер кладки мавзолея, в которой в южной, восточной и западной наружных сторонах стен применена система „кордонами на ребро, плитами на образок“, и пропорции камней говорят скорее о II, чем о I веке до н. э.

Находки на полу мавзолея (херсонесская амфора II века до н. э., *рис. 20*) и в наиболее древних погребениях, в каменной гробнице и примыкающих к ней нижних захоронениях военачальников не дают ни одного предмета, который бы явно принадлежал к I веку до н. э. Напротив, все подпадающее

датировке вещи из этих погребений относятся ко II веку до н. э. Лишь херсонесская монета (рис. 15), найденная под саркофагом, попавшая сюда уже после постройки мавзолея, датируется концом II или первой половиной I века до н. э., не позднее середины I века до н. э.

Следовательно, наиболее вероятной датой сооружения мавзолея является II век до н. э., точнее — его конец.

Вопрос о том, построен ли мавзолей до походов Диофанта на скифов (110—106 годы до н. э.) или же непосредственно после этих походов, остается открытым. Монументальный характер памятника, сооруженного за пределами городских стен, следовательно, открытого и не защищенного от врагов, дает больше оснований предполагать, что мавзолей построен в мирное время, до войн с Диофантом. Против этого говорит то обстоятельство, что памятник остался неразрушенным и неразграбленным во время сдачи Неаполя Скифского Диофанту. Укажем лишь, что в декрете применена формула *παράδοτον*, что значит „сдали“⁶⁰. Мы ничего не знаем, на каких условиях и при каких обстоятельствах был сдан город. О его разграблении и разрушении во время сдачи нигде не говорится. Археологический материал доказывает, что участок стены и башня у центральных ворот, так же как и ворота, не были разрушены во время войн с Диофантом. Все вместе взятое дает основания датировать сооружение мавзолея временем, непосредственно предшествующим войне скифов против Херсонеса и войск Диофанта.

Ко времени этих войн могут относиться сооружение панцирной облицовки у южной и западной стен мавзолея и его превращение в своего рода привратную башню.

Продолжительность существования мавзолея как усыпальницы определяется находками в погребениях. Древнейшие из них датируются концом II века до н. э., позднейшие — началом II века н. э. Среди находок нет ни одного предмета, относящегося к III веку н. э. Следовательно, мавзолей существовал около двух с небольшим веков (конец II века до н. э. — начало II века н. э.).

Рис. 20. Херсонесская амфора, найденная на полу мавзолея около каменной гробницы

Для датировки последнего этапа существования мавзолея необходимо учесть состав находок в засыпи погребений, которые были завалены сверху рушеным сырцом. Толщина засыпи — 80—90 см. В ней встречен разновременный материал: от родосских амфор с клеймами (II век до н. э.) до обломков амфор II века н. э. В засыпи найдено, в частности, горло с ручкой от кувшина II века н. э. Разновременность находок объясняется тем, что для засыпи брали землю из культурного слоя. Окончательная засыпка всех погребений в мавзолее совершена, судя по находкам, не ранее II века н. э., вернее всего — в конце века. В слое рушеного сырца над засыпью нет хорошо датирующихся находок, но выше него встречаются обломки поздних амфор III века н. э.

Следовательно, мавзолей был разрушен в конце II века н. э., после чего центральные городские ворота уже перестали существовать и были перекрыты ямами с поздними находками III—IV веков н. э.

Обстоятельства разрушения мавзолея неясны. Обвалились ли сырцовые стены и перекрытие от ветхости или же он был разрушен руками людей, сказать трудно. Плотный слой, образовавшийся от упавших внутрь сырцовых кирпичей, камней и деревянных плах, скрыл под собою древние погребения и этим способствовал сохранению их от разграбления.

Не исключена возможность, что гибель мавзолея относится ко времени побед боспорского царя Савромата II над скифами (193 год н. э.), о которых говорит одна из надписей, найденная в Танаисе. Характерно, что это самая поздняя из известных нам античных надписей, упоминающих о скифах⁶¹. На территории Неаполя в это время у центральных городских ворот появляются погребения аланского военачальника и конных дружинников. Конский набор из крупных бронзовых блях круглой и подковообразной формы, обтянутых листовым золотом, найденный в погребении аланского военачальника в Неаполе Скифском, имеет прямые аналогии на Боспоре⁶².

О СОЦИАЛЬНОЙ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ И ЭТНИЧЕСКОМ СОСТАВЕ ПОГРЕБЕННЫХ

Вопрос об этническом составе людей, погребенных в мавзолее, представляет особый интерес. Имеем ли мы здесь однородный этнический элемент или же смешанный? Принадлежал ли мавзолей той или иной знатной скифской фамилии, или же в нем представлены наряду со скифами таврские, сарматские и греческие этнические элементы?

К сожалению, черепа погребенных сохранились очень плохо, почти все они раздавлены. Лишь немногие из них удалось реставрировать. Полевое исследование антропологического материала Неаполя Скифского было выполнено

Музеем антропологии МГУ. Дальнейшее изучение черепов проведено профессором Г. Ф. Дебецом. Выводы Г. Ф. Дебеца⁶³ сводятся к следующему: 1) среди черепов, найденных в мавзолее, обращает внимание полное отсутствие в них монголоидного элемента; 2) эти черепа европеоидны и более сходны со скифскими черепами из Приднепровья, в частности из скифских курганов Никопольского района, чем с таврскими, которые ближе к сарматским; 3) некоторые женские черепа имеют средиземноморский облик, в отдельных женских черепах наблюдаются даже негроидные черты. Это свидетельствует о том, что отдельные вкрапления средиземноморского элемента среди погребенных имели место (быть может, жены или наложницы-гречанки). Сарматских элементов в черепах не наблюдается.

Восстановление этнического портрета по черепу, найденному в каменной гробнице, было выполнено по поручению Музея антропологии МГУ М. М. Герасимовым⁶⁴. В красивой и выразительной голове скифа с волевым мужественным лицом, судя по восстановлению М. М. Герасимова, нет никаких признаков монголоидности. Реконструкция М. М. Герасимова наглядно подтверждает выводы Г. Ф. Дебеца. Изображение скифа на резном камне из мавзолея (табл. XXXIII) также дает образ, лишенный монголоидных черт, имеющий общие этнические черты с изображениями скифов на Куль-Обской и Чертомлыцкой вазах и гребне из кургана Солоха⁶⁵.

Вся совокупность антропологического и иконографического материала из Неаполя Скифского полностью и окончательно опровергает ложные концепции о якобы монгольском внеевропейском происхождении скифов⁶⁶.

Что касается социального состава лиц, погребенных в мавзолее, то очень вероятно связь основных погребений с царской фамилией, в особенности если в каменной гробнице действительно погребен скифский царь.

Богатство погребений, их характер, во всяком случае, отчетливо свидетельствуют о том, что в мавзолее погребены представители скифской знати. Вместе с ними были похоронены и их слуги. В частности, рядом с лошадьми был погребен, судя по всему, конюх. Рядом с деревянным саркофагом, где покоился прах особо знатной женщины, находилось бедное погребение, быть может, служанки. Если наши предположения правильны, то в соотношении погребений знати и слуг, представленном в нижних захоронениях, можно видеть пережитки старых форм домашнего рабства, сохранившегося в среде правящего рабовладельческого класса в Неаполе. Для более древнего времени патриархальное и домашнее рабство у скифов засвидетельствовано Геродотом⁶⁷ и представлено в погребальном обряде в царских скифских курганах⁶⁸.

Среди мужских погребений наряду с богатыми могилами военачальников имеются погребения простых воинов с бедным инвентарем. Обращает внимание, что в семейных погребениях внутри больших ящиков инвентарь

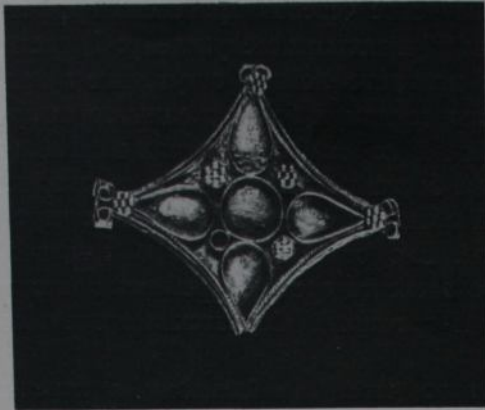

Рис. 21. Ромбовидный щиток фибулы.
Золото. Из каменной гробницы

распределяется по костякам неравномерно. Обычно наиболее богатые находки относятся к какому-либо одному костяку взрослого. Это говорит о том, что владелец богатого инвентаря являлся в семье старшим если не по возрасту, то по положению. Быть может, в этом отражены элементы социального и имущественного неравенства в богатых скифских фамилиях.

Если в нижних, наиболее древних погребениях социальное и имущественное неравенство проявляется достаточно ярко, то оно слабее выражено в верхних, позднейших погребениях, для которых характерны всеобщее обеднение инвентаря и переход к одиночным могилам.

Связано ли это обстоятельство с изменениями экономических условий, с ослаблением и обеднением когда-то сильной царской фамилии или же с тем, что культовая основа погребального обряда к этому времени изменилась, — сказать трудно.

СКИФСКИЕ, САРМАТСКИЕ И ГРЕЧЕСКИЕ ЭЛЕМЕНТЫ В ПОГРЕБАЛЬНОМ ОБРЯДЕ И ИНВЕНТАРЕ

В погребальном обряде в мавзолее основной и наиболее стойкой чертой является обычай хоронить в прямоугольных деревянных ящиках⁶⁹. Стойкость этого обычая, передававшегося из поколения в поколение, на протяжении трех веков, свидетельствует об этнической и культурной однородности основного контингента погребенных. Отступления от этих форм были допущены лишь дважды для особо знатных лиц (каменная гробница и деревянный саркофаг).

Второй примечательной чертой является обычай хоронить рядом с военачальниками их боевых коней или же класть в их могилы уздечные наборы и удила. Этот обычай, связанный с древнейшими погребениями мавзолея, является традиционным элементом скифского обряда, хорошо представленного в царских курганах. Характерно, что, помимо четырех захороненных коней, в мавзолее найдены отдельные конские кости от девяти особей. Погребенные в мавзолее кони, по определению проф. В. И. Цалкина⁷⁰, принадлежали к породе лошадей средних размеров. Культ коня и его громадное значение в жизни крымских скифов получили яркое отражение в искусстве Неаполя Скифского,

в котором коню принадлежала почетная роль ⁷¹. Наряду с конскими найдены и кости собаки. Одна из погребенных собак как бы охраняла мавзолей извне; вторая была положена на один из ящиков у двери, оберегая мавзолей изнутри, третья лежала около коней. Захоронения собак — черта, встречающаяся в скифском погребальном обряде ⁷². Любопытно, что наряду с конем собака воспроизводилась и в искусстве Неаполя Скифского как в скульптуре ⁷³, так и в живописи ⁷⁴.

Кости животных среди остатков жертвенной пищи встречены в очень многих погребениях мавзолея как ранних, так и более позднего времени. Обычно они находятся в головах погребенных, реже — в ногах. Больше всего костей лошади, крупного и мелкого рогатого скота, меньше — свиньи, зайца и птицы. Обычай класть в могилу жертвенное мясо широко распространен и в скифском и в сарматском погребальных обрядах.

Посуды в погребениях мавзолея встречено сравнительно мало. За редкими исключениями, она ставилась в изголовье. Сосуды, найденные в мавзолее, по преимуществу греческого происхождения. Для ранних погребений характерны глиняные флаконы для благовоний (табл. XVIII). Встречена одна херсонесская амфора (рис. 20). В более поздних погребениях преобладают кувшины и чашки, также подражающие греческим формам, но по преимуществу местной причерноморской работы (табл. XIX, XX). Среди обычных ремесленных сосудов выделяются своеобразием, сочностью форм и орнамента лощеные скифские лепные курильницы из погребений III и XIX (табл. XXI и рис. 16). Найден один местный светильник с рожком, лепной работы (табл. XX, 4).

Одной из выразительных черт погребального обряда является обычай разбивать зеркала и класть их разбитыми в могилы как в женские, так, позднее, и в мужские. Этот обычай широко представлен в сарматских погребениях Поволжья и Кубани. Сарматские влияния сказались и в инвентаре погребений, в частности в оружии (короткий меч с кольцевым навершием, железные черенковые стрелы) и в положении покойников (перекрещивание ног).

Несмотря на наличие стойких черт в погребальном обряде, сохранившихся на всем протяжении существования мавзолея, можно все же отметить происшедшие в нем изменения. Они сказались в переходе от семейных погребений к одиночным, а также в перемене типа ящиков: в поздних погребениях угловых столбиков уже нет. Если конские захоронения и уздечный набор встречаются в ранних погребениях, то их нет в поздних; если в ранних мужских погребениях оружие широко представлено, то оно почти полностью исчезает в поздних. Характерно также отсутствие золотых лицевых пластин в верхних ящиках, тогда как в нижних они являлись распространенной и выразительной чертой обряда. Наблюдается постепенное обеднение инвентаря, в частности почти полное исчезновение золотых украшений в верхних поздних погребениях.

Характерны и изменения в ориентации ящиков по странам света. Если в нижних, наиболее древних ярусах ящики располагались вдоль мавзолея с востока на запад, то ряд верхних, поздних ящиков положен поперек, с севера на юг. Покойники обычно клались на спину с вытянутыми ногами и руками. Иногда одна рука согнута в локте или же обе руки положены на пояс или на таз. Ноги иногда перекрещены, что характерно для сарматского обряда. Никаких признаков скорченности, характерной для таврских погребений, не обнаружено. Таким образом, положение костяков, за немногими исключениями, соответствует скифскому погребальному обряду.

В мавзолее получила свое наиболее яркое выражение характерная черта погребальных обычаев поздних скифов в Крыму: захоронение в фамильной усыпальнице большого числа людей, погребенных в несколько ярусов, один над другим. Этот обычай мы наблюдаем в каменных склепах позднескифских курганов близ Тавеля и в других курганах Крыма⁷⁵, а также в земляных склепах Неаполя Скифского⁷⁶. Возможно, что таким же образом хоронились покойники и в каменных склепах Неаполя, в некоторых из них было обнаружено до двадцати семи костяков. К сожалению, они были во время разграбления сильно потревожены⁷⁷.

Нельзя не обратить внимания на то обстоятельство, что обычай хоронить значительное число покойников в одном каменном ящике представлен в погребальном обряде горных тавров⁷⁸. Намного позже в средневековых склепах горного Крыма также применялись массовые захоронения⁷⁹. Имеем ли мы здесь длительную традицию, бытовавшую среди местного крымского населения, или же независимо возникающие обряды, сказать пока что еще трудно.

Таким образом, в погребальном обряде, представленном в мавзолее за все время его существования, доминировали скифские обычаи, осложненные сарматскими и эллинистическими влияниями. Таврские традиции сказались лишь в формах каменного ящика, в характере курильниц и, быть может, в обычае многочисленных захоронений в одной усыпальнице.

ХАРАКТЕР МЕСТНОГО ХУДОЖЕСТВЕННОГО РЕМЕСЛА

Находки в мавзолее Неаполя Скифского знакомят нас с самыми разнообразными изделиями художественного ремесла поздних скифов. Среди найденных здесь местных керамических изделий выделяются ритуальные сосуды двух типов. Около саркофага была найдена плохо сохранившаяся терракотовая ваза на прямоугольной ступенчатой подставке. Она отличается вычурными формами, яркой раскраской, позолотой и украшена рельефными налечами в виде букраниев и розеток. Этот сосуд, предназначенный для погребения, выполнен под явным влиянием эллинистических образцов.

Совсем иного характера местные лепные курильницы. В них нет и тени подражания импортным изделиям, они вполне самобытны. Форма курильниц массивная, устойчивая, компактная, переходы частей плавные. На черной блестящей выпуклой поверхности резко выделяется инкрустированный белой пастой солярный орнамент (рис. 16).

Среди золотых изделий в мавзолее наряду с привозными вещами, составляющими большинство, имеются местные подражания эллинистическим образцам и самобытные вещи, выполненные скифскими мастерами. Из первых выделяются найденные в каменной гробнице эллинистические золотые бляшки с изображением Аполлона (табл. XXX, 18, 19). Значительная часть привозных медальонов выполнялась на Боспоре. Доказательством этого является полное совпадение золотых бляшек из мавзолея с изображением головы богини (погребение II) с таким же рельефным изображением на бронзовом штампе, найденном в Тиритаке⁸⁰. Этот штамп представлял собой цилиндрический стержень, на конце которого имелось упомянутое рельефное изображение. Применялся он следующим образом. На какой-либо мягкий материал, обычно свинец, накладывалась бляшка из листового золота. На нее наставлялся штамп, по верхнему концу которого ударяли молотком. Рельефное изображение штампа вместе с золотой пластинкой вдавливалось в свинец, в результате чего получалось выпуклое изображение на бляшке.

Тиритакский штамп датируется В. Ф. Гайдукевичем III—II веками до н. э. Судя по аналогичным золотым бляшкам из Недвиговки⁸¹ и из погребения II в мавзолее, указанный штамп скорее всего относится ко II веку до н. э.

Из золотых вещей, подражающих эллинистическим образцам, но сохраняющих местное своеобразие стиля, следует отметить медальон из деревянного саркофага (табл. XXX, 10).

Но особой экспрессией отличаются изделия местной скифской работы, например золотая бляшка с изображением широколицей головы богини из погребения I (табл. XXX, 11). Свообразны золотые украшения в виде сегментов из деревянного саркофага (цв. вкл. II, 1—3) и круглые медальоны из электра из погребения III (цв. вкл. III, 7, 8).

Сочетание разнообразных золотых украшений, наиболее ярко представленных в каменной гробнице, имеет совершенно особый характер, пока еще нигде, кроме Неаполя Скифского, не обнаруженный, что позволяет выдвинуть вопрос о местных скифских торевах — золотых дел мастерах и бронзолитейщиках в этом крупнейшем центре культуры поздних скифов.

Те же черты своеобразия прослеживаются и в звериных мотивах бронзовых изделий, найденных в мавзолее (табл. XIV). Среди изображений зверей выделяется пряжка из каменной гробницы с фигуркой животного с повернутой назад головой (табл. XIV, 4). Этот мотив восходит в конечном итоге к изобра-

жениям оленей с повернутыми головами в скифском зверином стиле ранней и средней поры⁸². Однако формы животного здесь упрощены и сведены к пластической формуле, в которой породу зверя распознать уже трудно. Перед нами заключительное звено развития позднейшего скифского звериного стиля. Несколько иного характера аналогичная пряжка от уздечного набора из погребения одного из военачальников (табл. XIV, 5). И в данном случае трудно разобрать, изображена ли здесь собака или лошадь. Кружки на теле носят условный орнаментальный характер. В этом изображении чувствуется связь с приемами резьбы по дереву или по кости. Фигурка не лишена выразительности, но в ней отсутствуют пластические качества, представленные в пряжке из каменной гробницы. Ее формы несколько угловаты. В ней больше точек соприкосновения с сарматскими звериными изображениями⁸³. В дальнейшем в фигурных бронзовых изделиях Неаполя Скифского появились изображения человека. Примером этому может служить бронзовый крючок, очевидно для подвешивания меча, с изображением скифа, мчащегося на коне, найденный в Петровской балке у Неаполя⁸⁴. В этой поделке наряду с эллинистическими влияниями сказались реалистические искания в передаче образа всадника, характерные не только для художественного ремесла, но и для монументальной скульптуры и для стенной живописи Неаполя Скифского⁸⁵.

Изделия местного художественного ремесла из погребений мавзолея свидетельствуют о том, что это ремесло, воспринимая эллинистические, в частности боспорские, воздействия и развиваясь в сарматском окружении, сохранило тем не менее самобытность и своеобразие, свойственные художественной культуре поздних скифов в Крыму.

ВОПРОС О ГЕНЕЗИСЕ АРХИТЕКТУРНЫХ ФОРМ МАВЗОЛЕЯ

Чрезвычайно существенно было бы выяснить, из каких источников и традиций сформировалась архитектура мавзолея. Является ли он сооружением эллинистического типа, перенесенным на почву Неаполя Скифского, или же мавзолей возник на основе местной скифской архитектурной традиции?

Для решения этого вопроса рассмотрим план мавзолея, в котором основной чертой являются его пропорции, приближающиеся к квадрату. Эта особенность сразу же сближает мавзолей с традиционными формами скифских подкурганых склепов. Квадратная погребальная камера с деревянными стояками, поддерживающими перекрытие, является одной из основных форм погребальных сооружений курганов скифского времени в Среднем Приднепровье, в частности в районе Смелы⁸⁶, начиная с ранней скифской поры. Этот же принцип квадратности мы можем наблюдать в скифских курганах Прикубанских районов, напри-

мер в знаменитом Костромском кургане, в котором под насыпью находилось квадратное в плане сооружение из вертикально поставленных бревен, перекрытых четырехскатным шатром⁸⁷. Позже эта традиция перешла в квадратные сырцовые погребальные склепы Прикубанья⁸⁸. В Куль-Обском скифском кургане на Керченском полуострове мы также имеем квадратный, но уже каменный склеп с коротким дромосом. Любопытно, что дверной проем в склепе Куль-Обского кургана, так же как в мавзолее, находится не в центре стены, а сбоку, что резко выделяет его среди остальных погребальных сооружений Боспора с уступчатыми сводами⁸⁹. Нужно учитывать, конечно, что в структуре Куль-Обского склепа сказалось воздействие погребальной архитектуры курганов Боспора⁹⁰. Но традиционная связь Куль-Обского склепа с квадратным планом скифских погребальных сооружений не вызывает сомнений. В погребальных памятниках поздней скифской поры выдающийся интерес представляет каменный склеп кургана в Огузах⁹¹. В нем мы имеем также квадратный план с наличием характерного уступчатого каменного перекрытия. В Огузском склепе тоже несомненны воздействия боспорской архитектуры, но в нем имеются и местные строительные особенности, в частности сказавшиеся в наличии угловых камней, пандативов, которых мы не наблюдаем в столь ярко выраженных формах в боспорских склепах⁹².

Наличие сооружений, в которых применен в примитивной форме уступчатый свод, в курганах эпохи бронзы как в районах Приднепровья, так и в районах Прикубанья наглядно доказывают местные корни скифских склепов с уступчатыми сводами, типа Куль-Обы и кургана в Огузах⁹³.

Местные особенности каменной погребальной архитектуры крымских скифов чрезвычайно ярко сказались в склепе Белогорского скифского кургана, открытого Тавро-скифской экспедицией в 1947 году⁹⁴. В нем вместо пандативов применена более примитивная форма углового камня — „крюка“. Эти „крюковые“ камни мы наблюдаем и в мавзолее.

Таким образом, приближающийся к квадрату план мавзолея имеет совершенно ясную традиционную связь с квадратными каменными склепами и предшествующими им земляными квадратными камерами скифских курганов. Эта связь проявилась и в характерном, уже пережиточном здесь приеме применения камней-„крюков“. Мавзолей, следовательно, продолжает и развивает принципы скифских погребальных сооружений. Но если в скифских курганах склепы были подземными постройками, скрытыми под земляной насыпью, то мавзолей уже является памятником наземной скифской каменной архитектуры, сложившейся в городских условиях.

В скифских курганных склепах средней поры (V—IV века до н. э.), в частности в Куль-Обском кургане, характерно наличие сравнительно короткого дромоса. Процесс его укорочения в скифских курганах может быть

прослежен путем сопоставления Огузского кургана со сравнительно длинным дромосом с Белогорским, в котором он значительно укорочен. В мавзолее дромос уже отсутствует. В погребальном ритуале, связанном с мавзолеем, заменой коридора — дромоса — являлся проезд городских ворот, по которому погребальная процессия из города проходила к мавзолею, задерживаясь на площадке перед ним, служившей своего рода преддверием.

Мавзолей, таким образом, нельзя рассматривать изолированно от примыкающей к нему архитектуры города, он являлся его составной частью. Скифский обычай посыпания пола усыпальницы белой известняковой крошкой применен и на площадке перед мавзолеем, и в пролете центральных ворот, и на площади с парадным сооружением с портиками, на которых, как показали раскопки, стояли статуи и рельефы из мрамора, бронзы и известняка. Здесь же была найдена одна из надписей, упоминающая царя Скилура.

Следовательно, мы вправе рассматривать мавзолей как памятник скифского зодчества на последнем городском этапе его развития. Эллинистические воздействия сказались в архитектуре мавзолея по преимуществу в применении кладки в принципе „кордонами на ребро, плитами на образок“. Но эта система использована здесь лишь для одного ряда камней и только на трех стенах: восточной, южной и западной. Она выглядит не только как конструктивный, но и как декоративный прием, усиливающий художественную выразительность памятника.

Сущность архитектуры мавзолея — местная, скифская, самобытная, хотя в нем и имеются общие черты с архитектурой Боспора (боспорские склепы), Херсонеса (принцип пристенности), Ольвии и других греческих городов (система кладки „кордонами на ребро, плитами на образок“).

МАВЗОЛЕЙ — ПАМЯТНИК ГОРОДСКОЙ КУЛЬТУРЫ ПОЗДНИХ СКИФОВ

Связь мавзолея с городом выступает наиболее отчетливо в том, что он представляет собой пристенное погребальное сооружение. Он примыкает к городской стене и после превращения в башню становится органической составной частью городских укреплений, фланкируя и защищая центральные городские ворота.

Но основное значение мавзолея не ограничивалось его вторичной оборонительной функцией. Его сущность как государственного памятника заключалась прежде всего в том, что он являлся своего рода городской святыней. Его воздвигнули у городских ворот как фамильную усыпальницу для погребения знатного военачальника или же, быть может, скифского царя с его семьей и с его приближенными.

Своим местоположением и своими суровыми монументальными формами мавзолеей возвеличивал престиж погребенных. Он является уже памятником архитектуры, произведением искусства, знаменуя собой переход скифского общества от варварства к цивилизации. Мавзолеей, воздействуя на сознание граждан, как бы закреплял отношения господства и подчинения и вместе с тем сплачивал граждан скифского государства для защиты своей столицы и праха властителей и отцов города, погребенных у городской стены.

Почитание могил предков являлось древней и стойкой традицией скифов, ярко представленной на всем протяжении их исторического развития.

Не только во времена вторжения полчищ персидского царя Дария в земли скифов, но и во время вторжения полководца Митридата Евпатора Диофанта с понтийскими и херсонесскими войсками могилы предков и их защита сплачивали и воодушевляли скифов в их борьбе против иноземных завоевателей⁹⁵. В этом и заключалось большое политическое значение мавзолеей. Мавзолеей придавал стенам столицы скифского государства особый священный смысл.

Мавзолеей Неаполя Скифского возник накануне серьезных событий, когда вторжение чужеземцев поставило под угрозу рост и укрепление молодой скифской державы. Он вносил свою лепту в прогрессивную задачу укрепления независимости скифского государства, втянувшего племена и народности Северного Причерноморья, в частности тавров и роксолан⁹⁶, в общую борьбу против иноземных завоевателей.

Мавзолеей вместе с тем свидетельствует о значительных культурных достижениях крымских скифов в последние века до нашей эры, о стойкости их погребального обряда и об особом колорите их местного художественного ремесла.

Богатство погребений в I веке до н. э. говорит о том, что после временного поражения, нанесенного скифам силами Херсонеса и Понтийского государства, скифы быстро оправались, и город продолжал свое развитие.

Мавзолеей и позже не потерял своего значения городской святыни, когда в первые два века нашей эры скифское государство возобновило свою борьбу с Боспором, Херсонесом и римскими легионами, временно оккупировавшими отдельные участки побережья Таврического полуострова⁹⁷.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Изучение мавзолея Неаполя Скифского и его материалов далеко еще не закончено. Продолжающиеся раскопки вносят и внесут еще немало новых интересных данных, уточняющих крупное культурно-историческое значение этого памятника. Но уже и сейчас ясно, что мавзолей Неаполя Скифского является живым укором историкам, недооценивающим значение и уровень скифской культуры, отрицающим наличие скифского государства, ограничивающим хронологические рамки развития скифских племен пятью веками (VII—II века до н. э.), сводящим искусство скифов к звериному стилю и считающим их дикими азиатскими кочевниками внеевропейского происхождения.

Раскопки Неаполя Скифского и исследования его центрального памятника — мавзолея — полностью опровергают эти ложные представления, принижающие значение причерноморских скифских племен, образовавших одну из самых древних народностей нашей Родины и сыгравших, в особенности на берегах Днепра, немалую роль в процессах формирования культуры восточного славянства.

Мавзолей и все его архитектурное окружение наглядно свидетельствуют о том, что скифы не только в последние века до нашей эры, но и в первые века нашей эры продолжали свое историческое развитие, и о том, что они создали свое государство и свою городскую культуру, а в области зодчества утвердили свой необыкновенно простой и ясный монументальный стиль.

ПРИМЕЧАНИЯ

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

- АН — Академия наук
ВДИ — Вестник древней истории
ГАИМК — Государственная Академия истории материальной культуры
- ГИМ — Государственный исторический музей
ГМИИ — Государственный музей изобразительных искусств имени А. С. Пушкина
- ЗОО — Записки Одесского общества истории и древностей
ЗРАО — Записки Русского археологического общества
ИАК — Известия археологической комиссии
ИИМК — Институт истории материальной культуры
ИТОИАЭ — Известия Таврического общества истории, археологии и этнографии
- ИТУАК — Известия Таврической ученой архивной комиссии
КС ИИМК — Краткие сообщения Института истории материальной культуры
- КФ АН СССР — Крымский филиал Академии наук СССР
ЛГУ — Ленинградский государственный университет
ЛОИИМК — Ленинградское отделение института истории материальной культуры
- МАР — Материалы по археологии России
МИА СССР — Материалы и исследования по археологии СССР
МГУ — Московский государственный университет
ОАК — Отчет Археологической комиссии
СА — Советская археология
ТОИПК — Труды отдела истории первобытной культуры Эрмитажа
Уч. зап. МГПИ — Ученые записки Московского городского педагогического института
- InsPE — Inscriptiones orae antiquae septentrionalis Ponti Euxini
Цв. вкл. — цветная вклейка
Н. в. — натуральная величина

¹ П. Н. Шульц. Раскопки Неаполя Скифского. Общее собрание АН СССР, 10—13 июня 1947 г. Изд. АН СССР, 1947.

² П. Н. Шульц. Тавро-скифская экспедиция. „Известия АН СССР. Серия истории и философии“, 1947, т. IV, в. 3.

Н. Н. Погребова. Находки в мавзолее Неаполя Скифского. „Памятники искусства“. Бюллетень ГМИИ, № 2, 1947 г.

³ Геродот. IV, 71—73.

⁴ Геродот. IV, 127.

⁵ Исключениями являются исследования: А. А. Спицына, который произвел раскопки на территории Немировского городища (А. А. Спицын. Скифы и Гальштатт. Сборник археологических статей, поднесенных А. А. Бобринскому, 1911, стр. 155 и сл.); В. А. Городцова, копавшего Бельское городище (В. А. Городцов. Исследования Бельского городища. „Труды XIV археологического съезда в Чернигове“, 1911, т. III, стр. 93 и сл.) и В. И. Гошкевича, изучавшего скифские городища Нижнего Днепра (В. И. Гошкевич. Древние городища по берегам низового Днепра. ИАК, 47, стр. 117 и сл.). Об этом см. в статье Б. Н. Гракова и П. Н. Шульца „Скифо-сарматские памятники“ („Материалы к всесоюзному археологическому совещанию“, изд. АН СССР, 1945, стр. 48 и сл.).

⁶ П. Н. Шульц. Отчет о раскопках Неаполя Скифского за 5 лет. Рукопись хранится в архивах ИИМК АН СССР и КФ АН СССР.

⁷ В. П. Бабенчиков. Новый участок некрополя Неаполя Скифского. „Вестник древней истории“, 1949, № 1, стр. 111 и сл.

⁸ П. Н. Шульц. Тавро-скифская экспедиция в 1946 году. Раскопки склепов Неаполя. „Советский Крым“, Симферополь, 1947, № 5, стр. 55 и сл.

⁹ Н. Н. Погребова. Мавзолей Неаполя Скифского. „Краткие сообщения ИИМК АН СССР“, 1947, XXI, стр. 22 и сл.; она же, Отчет о раскопках мавзолея Неаполя Скифского в 1946 г. Рукопись отчета хранится в архиве ИИМК АН СССР.

¹⁰ О Скилуре сообщает Плутарх („Изречения царей и полководцев“. Скилур. Перевод у В. В. Латышева. „Известия древних писателей... о Скифии и Кавказе“, т. 1, СПб, 1890, стр. 496) и Страбон (VII, 4, 3; 4, 7). Имя Скилура высечено на одной из надписей, найденных в Неаполе Скифском (IosPE, I², 668). Ряд ценных соображений о деятельности Скилура высказал С. А. Жебелев в своей работе „Последний Перисад и скифское восстание на Боспоре“ („Вестник древней истории“, 1938, № 3, стр. 49 и сл.).

¹¹ Об этом у Плутарха (Латышев, ук. соч., стр. 496) и у Страбона (VII, 4, 3).

По версии Посидония, о которой сообщает Страбон, у Скилура было не 80, а 50 сыновей.

¹² О походах Диофанта против скифов говорится в декрете в честь Диофанта, найденном в Херсонесе (IosPE, I², № 352), а также и у Страбона (VII, 3, 17; VII, 4, 3; VII, 4, 7). Освещение вопроса о времени походов и их описания даны в упомянутой работе С. А. Жебелева. В декрете в целях восхваления Диофанта преувеличивается степень поражения, нанесенного понтийскими и херсонесскими войсками скифам (об этом в статье Э. И. Соломоник „О скифском государстве и его взаимоотношениях с греческими городами Северного Причерноморья“ в сборнике Керченского музея, Археология и история Боспора, Крымиздат, 1952, стр. 103 и сл.). Археологические исследования показали, что разрушения, нанесенные Неаполю греками, были не так уж велики и что жизнь в городе после войны скифов с Херсонесом не прерывалась и продолжалась как в I в. до н. э., так и в первые века н. э. Об этом ряд ценных соображений высказал А. Н. Карасев в статье „Раскопки Неаполя Скифского в 1948 г.“ („Вестник древней истории“, 1950, № 4, стр. 179 и сл.).

¹³ Южный участок, как и вся линия оборонительных стен Неаполя Скифского, нанесен на плане городища, съемка которого произведена Е. А. Столяревским в 1946 г. Публикация плана дана в статье П. Н. Шульца „Раскопки Неаполя Скифского в 1946 году“ (КС ИИМК, XXI, стр. 17, рис. 5). А. Н. Карасев в своей еще неопубликованной работе „Оборонительные сооружения Неаполя Скифского“, доложенной на пленуме ИИМК АН СССР в 1948 г., подробно разобрал структуру стен и историю их сооружения.

¹⁴ В 1834 г., когда остатки стен, башен и ворот Неаполя Скифского были еще частично заметны на поверхности городища, Дюбуа де Монпере произвел съемку его плана и обозначил на южном участке

оборонительных стен центральные ворота и фланкирующие их башни (Dubois de Montpereux. Voyage autour de Caucase et en Crimée, Paris, 1839—1843. Атлас, V, табл. 19). Розыск и исследование этих центральных ворот явились одной из задач раскопок Неаполя Скифского в послевоенный период. Их удалось обнаружить в 1947 г. (П. Н. Шульдц. Тавро-скифская экспедиция в 1947 г. КС ИИМК, XXVII, стр. 60 и сл.).

¹⁵ В 1949 г. П. Н. Шульдц произвел исследование участков мавзолея, которые вследствие их застроенности позднейшими сооружениями, в частности панцирной облицовкой и лестницей, не были раскрыты в 1946 г. (А. Н. Карасев. Раскопки Неаполя Скифского в 1949 г. КС ИИМК, XXXV, 1950, стр. 172). Это исследование показало, что вертикально поставленная стена мавзолея сооружена „впритык“ к внешнему панцирю протейхизмы, плоскость которой имеет легкий наклон, так как протейхизма слегка сужается к верхней своей части (отклонение от вертикали на 0,05 м на 1 м высоты). Образовавшийся прозор был заполнен мелким бутом. Исследование показало, что протейхизма сооружена до возведения мавзолея во II в. до н. э. и, следовательно, является древнейшим из известных сооружений этого рода в Северном Причерноморье. Дата протейхизмы, подтверждаемая находками, уточняет время постройки мавзолея: не ранее второй половины, скорее всего в конце II в. до н. э. Особенность протейхизмы Неаполя заключается в том, что обычно связанный с ней ров здесь отсутствует.

¹⁶ В кладках „кордонами на ребро, плитами на образок“, появившихся в Греции в IV в. до н. э., плиты, поставленные вдоль кладки „лицом“, чередуются с плитами, поставленными поперек кладки на ребро. Этот тип кладки распространен в античных городах Северного Причерноморья в эллинистическое время и применялся, по преимуществу в общественных

сооружениях, в Ольвии (Б. В. Фармаковский. Раскопки в Ольвии в 1902—1903 гг., ИАК, 13, СПб, 1906, стр. 11, рис. 5), в Херсонесе (К. Э. Гриневич. Стены Херсонеса Таврического. „Херсонесский сборник“, 1927, вып. 2, Симферополь, стр. 18, рис. 13; стр. 19, рис. 14), в Керкинитиде и Калос-Лимене (СА, III, 1937, стр. 253), в Фанагории (ВДИ, 2, 1938, стр. 340, рис. 4) и других центрах причерноморской античности.

¹⁷ А. Н. Карасев. Раскопки Неаполя Скифского в 1948 г., ВДИ, 1950, № 4, стр. 182. Дверь мавзолея — пока что единственный для Северного Причерноморья памятник этого рода, дающий возможность полной реконструкции.

¹⁸ Наиболее близкую аналогию дают золотые бляшки в виде волны из скифского погребения более раннего времени (III в. до н. э.) в одном из курганов в Огузах (ОАК, 1897, стр. 33, рис. 104. См. также: „Древности Геродотовой Скифии“, 1866, вып. 1, атлас, табл. II, рис. 7). Этот мотив часто использовался в скифском конском наборе (ОАК, 1913—1915, стр. 127, рис. 206; Античная декоративная живопись на юге России, СПб, 1913, атлас, табл. XVIII). Может быть, в Скифии данный орнамент генетически связан не с изображением волны, но с изображением орлиного когтя. Об этом — в статье К. Р. Малкиной (K. Malkina. Zu dem Skythischen Pferdegeschirrschmuck aus Craiova, „Prähistorische Zeitschrift“, 1928, XIX, стр. 152 и сл.).

¹⁹ Первая публикация щитка в статье Н. Н. Погребовой (КС ИИМК, XXI, стр. 27, рис. 11; описание на стр. 29). Ближайшую аналогию дает щиток фибулы из Бесленевки на Таманском полуострове, найденной в кургане № 25 с находками III—II вв. до н. э. Фибула хранится в Эрмитаже.

²⁰ Страбон, VII, 4, 3; 4, 7; Плутарх, Изречения царей и полководцев. Скилур (В. В. Латышев. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе, т. 1, СПб, 1890,

стр. 496). Судя по Страбону (VII, 4, 3), о Скилуре писали также Аполлонид и Посидоний.

²¹ Из декрета в честь Диофанта мы узнаем, что приморские города западного побережья Крыма — Керкинитиды и Калос-Лимен к моменту походов Диофанта, т. е. в конце II в. до н. э., находились в руках скифов (IosPE, I², № 352). Археологическими исследованиями П. Н. Шульца установлено наличие на западном побережье Крыма значительного числа скифских городищ и селищ (П. Н. Шульц. О работах Евпаторийской экспедиции. СА, 1937, вып. III; Археологические исследования в РСФСР, 1934—1936 гг. Изд. АН СССР, 1941, стр. 265 и сл.).

²² А. В. Орешников. О монетах скифских царей из Ольвии. ЗРАО, новая серия, IV, 1890, стр. 21 и сл.; его же, „Экскурс в область древней нумизматики Черноморского побережья“. I. Монеты царей гетов и царей скифов, М., 1914, стр. 1—23. А. Н. Зограф. Античные монеты. МИА СССР, 16, изд. АН СССР, 1951, стр. 137 и сл.

²³ О том, что войска скифов во главе с Палаком, сыном Скилура, подошли к Херсонесу, говорят Страбон (VII, 4, 3), А. Л. Бертье-Делагард (Раскопки в Херсонесе. МАР, СПб, 1893), а затем К. Э. Гриневич (Стены Херсонеса Таврического, „Херсонесский сборник“, в. 2, Севастополь, 1927, стр. 27, 30) отмечают на стенах Херсонеса эллинистического периода наличие явных признаков проломов и ударов таранов (об этом см.: Г. Д. Белов. Херсонес Таврический. Изд. Гос. Эрмитажа, Л., 1948, стр. 47, 49 и сл.). Не исключена возможность, что это следы действия скифских стенобитных орудий времени походов скифов во главе с Палаком на Херсонес.

²⁴ Данные об этом приведены в упомянутой работе С. А. Жебелева о скифском восстании на Боспоре (ВДИ, № 3, 1938, стр. 49 и сл.).

²⁵ В 1827 г. в Неаполе Скифском был

найден известняковый пьедестал статуи царя Скидура, о чем свидетельствовала надпись с его именем, начертанная на древнегреческом языке на лицевой стороне пьедестала. Первую публикацию надписи дал Бларамберг в работе: „De la position de trois forteresses Tauro-Scythes, dont parle Strabon“, Odessa, 1831. Ряд ценных дополнений и поправок к толкованию надписи внес В. В. Латышев (IosPE, I², № 668, стр. 504—505).

²⁶ П. Н. Шульц. Скульптурные портреты скифских царей Скидура и Палака (КС ИИМК, XII, 1946, стр. 44 и сл.). Раскопками Неаполя Скифского в 1949—1950 гг. установлено, что перед центральными воротами внутри города находилось парадное сооружение с двумя портиками. Западный портик находился против мавзолея, на расстоянии 28 м к северу от него. У портика обнаружены капители колонны, обломки бронзовых и мраморных статуй, известняковых рельефов и посвячительной надписи богине земледелия Деметре. Это парадное сооружение, от которого сохранились, к сожалению, лишь жалкие остатки, так же как и найденные возле него обломки древнегреческих надписей, статуй и рельефов, относится ко II в. до н. э. (А. Н. Карасев. Раскопки Неаполя Скифского в 1949 г. КС ИИМК, XXXVII, стр. 169). Не исключена возможность, что именно здесь, против мавзолея, на фоне стены портика, между его колоннами, были установлены рельефы с изображениями скифских царей и статуя Скидура, а также надписи на мраморных пьедесталах посвячительных статуй греческим божествам, поставленных военачальником или навархом скифского государства Посидеем, сыном Посидея (IosPE, № 671—673). Траншеи раскопок Бларамберга и Уварова, где были найдены рельефы и надпись, пролегают рядом с портиком.

Мавзолей, находившийся за пределами городских стен, дополнялся, таким образом, внутри города ансамблем парадных архитектурных, скульптурных и эпиграфических

памятников. Погребальные процессии, направлявшиеся из города в мавзолей, проходили через этот ансамбль.

²⁷ О. И. Домбровский. Деревянный саркофаг из мавзолея на городище „Неаполь Скифский“. Рукопись хранится в архиве КФ АН СССР.

²⁸ Определение древесных остатков, найденных в Неаполе Скифском и в мавзолее, дано проф. Н. А. Троицким. Свои выводы он суммировал в статье „Растительный покров Неаполя Скифского“. Рукопись хранится в архиве КФ АН СССР.

²⁹ Капители колонн на античных деревянных саркофагах, как правило, ионийские. Однако на Боспоре известен случай обнаружения миниатюрного деревянного саркофага с коринфскими капителями.

В 1842 г. в Керчи Д. Г. Карейша в одном из курганов обнаружил „искусной работы красивый деревянный гроб, украшенный сверху воткнутыми в крышку резными ветками и листьями. Бока же его были убраны коринфскими полуколонками с алебастровыми лепными капителями и базами, которые, равно как и богатые резные карнизы, были покрыты местами разными красками. По углам подножие гроба было украшено небольшими выточенными со вкусом изделиями“ (ЗОО, т. I, 1844, стр. 616 и сл.). Данный „саркофаг“ содержал серебряную урну с пеплом и был перекрыт, повидимому, чепраком с бронзовыми бляхами, обтянутыми золотой фольгой. Характер конского набора говорит о том, что погребение принадлежало, по всей вероятности, аланскому военачальнику и относится к рубежу II—III вв. н. э. Аналогичные конские наборы найдены в Анапе (ОАК, 1881, СПб, 1883, стр. IV и сл.) и в Неаполе Скифском (КС ИИМК, XXXVII, 1951, стр. 170, рис. 56). К сожалению, Карейше не удалось сохранить интереснейший саркофаг, выполненный боспорским резчиком для представителя местной конной дружинной знати. Он явился бы интересным поздним

дополнением к саркофагу Неаполя Скифского. Привожу литературу по данному памятнику („Древности Боспора Киммерийского“, т. 1, Введение, стр. LXX и сл.; т. II, рис. LXXXI, СПб, 1854; Г. Спасский. Боспор Киммерийский с его древностями и достопримечательностями, М., 1846, стр. 144 и сл.; „Античная декоративная живопись“, стр. 48 и сл., прим. 1).

При реконструкции саркофага из мавзолея Неаполя Скифского О. И. Домбровский учитывал характер коринфских капителей, изображенных в росписи внутренних стен Керченского каменного саркофага I в. н. э., хранящегося в Эрмитаже („Античная декоративная живопись“, атлас, табл. ХСI), а также расписных капителей из жилых домов, обнаруженных на Митридате в 1889 г. (Там же, табл. LI, 2—4).

³⁰ Судя по Геродоту, детально описавшему погребальный обряд царских скифов (IV, 71), среди последних имел место обычай сооружать балдахины на копьях над прахом умершего царя. Приведем выдержку из этого описания: „Когда у них умрет царь, здесь выкапывают большую четырехугольную яму... здесь кладут труп в могилу на подстилке, по обеим сторонам его втыкают копья, на них кладут доски и покрывают их камышом...“ (В. Латышев. Известия древних писателей... о Скифии и Кавказе, т. 1, СПб, 1893, стр. 30). Признаки угловых столбов для балдахины обнаружены в одном из скифских курганов близ Симферополя (ОАК, 1892, стр. 7 и сл.). Не исключена возможность, что данный обычай унаследован скифами от киммерийцев. На Северном Кавказе погребение с балдахином засвидетельствовано для эпохи бронзы в знаменитом Майкопском кургане (ОАК, 1900, стр. 34 и сл.; Б. В. Фармаковский. Архаический период на юге России. МАР, 1914, № 34, стр. 15 и сл.). Впоследствии этот обычай был применен в курганах близ Анапы. Так, например, в камере большого склепа кургана Султан-гора параллельные перекладины

были предназначены для ковра, осенявшего стоявший в центре гроб (ОАК, 1882—1888, стр. XXVIII, „Античная декоративная живопись“, стр. 64, прим. 1; стр. 80, прим. 3). Применение балдахины в погребальном обряде царских скифов прослежено на археологическом материале М. И. Артамоновым (М. И. Артамонов. Этногеография Скифии. „Ученые записки ЛГУ. Серия истор. наук“, 1, 13, Л., 1949, стр. 139 и сл.).

³¹ Watzinger. Griechische Holzarkophage aus der Zeit Alexanders des Grossen, Leipzig, 1909; А. П. Иванова. Черты местного стиля в деревянной резьбе Боспора римского времени. „Труды отд. античного мира“, т. 1, изд. Гос. Эрмитажа, Л., 1945, стр. 167 и сл. Там же дальнейшая литература.

³² П. Н. Шульц. Работы Тавро-скифской экспедиции (1945—1946 гг.). „Памятники искусства“. Бюллетень ГМИИ № 2, М., 1947, стр. 26 и сл., рис. 9.

³³ Н. И. Веселовский. Из находок в кургане Солоха. ИАК, приложение к вып. 52, стр. 192 и сл.

³⁴ Сходные золотые розетки неоднократно встречались в боспорских курганах Керченского и Таманского полуостровов эллинистического времени, а также в скифских курганах Приднепровья. Близкие аналогии дают розетки из могилы № 2 Артюховского кургана (ОАК, 1880, табл. II, 11). Сравни также с розетками Чмыревой могилы (ОАК, 1898, стр. 22, рис. 39; ОАК, 1909—1910, стр. 129, рис. 192) и Солохи (ОАК, 1913—1915, стр. 135, рис. 221). Розетка из мавзолея принадлежит к кругу наиболее ранних из найденных в нем изделий.

³⁵ О царе Фарзое и времени его царствования мы можем судить по его сравнительно многочисленным монетам, в частности золотым, найденным главным образом в Ольвии. Иконография Фарзоя прослеживается от его юного возраста до старческих лет. Он правил долго. См.: А. В. Орешников. О монетах скифских царей из

Ольвии (ЗРАО, новая серия, т. IV, СПб, 1890, стр. 21 и сл.); его же, Монеты царей гетов и скифов (Экскурс в область нумизматики Черноморского побережья, М., 1914, стр. 1—23.). А. В. Орешникову удалось доказать, что деятельность Фарзоя относится к I в. н. э. Датировку Орешникова принял А. Н. Зограф в своем исследовании „Античные монеты“ (МИА СССР, 16 изд., АН СССР, 1951). Интересный доклад о монетах Фарзоя прочла в ГМИИ в 1949 г. Н. П. Розанова, подготовившая соответствующую статью. Повидимому, именно при Фарзое скифы вновь подошли к стенам Херсонеса Таврического и осадили его (Б. Н. Граков. Термин „Σχόλια“ и его производные в надписях Северного Причерноморья. КС ИИМК, XVI, 1947, стр. 86 и сл.).

³⁶ Структуру погребальных ящиков мавзолея и их размеры как в плане, так и в разрезе удалось с наибольшей четкостью проследить при разборке погребений в западной части мавзолея, перекрытых упавшей каменной лестницей. В 1949 г. ступени лестницы были мной удалены, что позволило детально исследовать находившийся под ними земляной массив, перекрывавший остатки деревянных ящиков с характерными угловыми столбиками. Эти столбики представляли собой, по всей вероятности, пережиточную форму угловых стоек, предназначенных для балдахина. В более рафинированных формах этот пережиток представлен в деревянном саркофаге мавзолея, где угловые колонки приобрели уже характер декоративной детали, утратившей свой былой конструктивный смысл.

³⁷ Значительное число разбитых зеркал обнаружено в сарматских погребениях районов Нижней Волги и Кубани (И. В. Синицын. Археологические раскопки на территории Нижнего Поволжья. „Ученые записки Саратов. Гос. Университета“, 1947, т. XVII, стр. 17; К. Ф. Смирнов. Сарматские курганные погребения в степях Поволжья и южного Приуралья. „Доклады и сообщения института МГУ“, 1947, вып. 5).

³⁸ Меч подобного типа встречен в Северном Причерноморье впервые. Наиболее близкие аналогии дают районы Галлии и относятся к средней латенской поре (J. Déchelette. Manuel d'archéologie, т. II, ч. 3, стр. 394, 396).

³⁹ Железные секиры применялись в вооружении скифов. Наиболее полный материал по скифским секирам собран в диссертации А. И. Мелюковой (А. И. Мелюкова. Вооружение, войско и военное искусство скифов, автореферат дисс., изд. АН СССР, 1950, стр. 15, 19). Текст диссертации в архиве ИИМК АН СССР. Железные секиры, помимо мавзолея, найдены при раскопках одного из погребений Неаполя Скифского (ОАК, 1895, стр. 19) и в скифском кургане близ Симферополя (ОАК, 1891, стр. 78 и сл., рис. 58). Довольно часто секиры встречались в курганах скифо-сарматской эпохи на Таманском полуострове и в районах Кубани (ОАК, 1912, стр. 52). Но они были особенно распространены в скифский период в Приднепровье.

⁴⁰ Обычай наложения на глаза и губы покойников наглазников и нагубников, широко представленный в обряде ранних погребений мавзолея, рассмотрен в специальной работе Н. Н. Погребовой „Золотые лицевые пластины из погребений мавзолея Неаполя Скифского“. Рукопись хранится в архиве КФ АН СССР.

⁴¹ Бронзовые зеркала с аналогичной ручкой в виде морды кабана встречаются в эллинистическое время как на территории Греции, так и в Италии, в частности в Этрурии. Сходное зеркало из Этрурии хранится в Музее изобразительных искусств. Оно датируется III в. до н. э.

⁴² Н. И. Веселовский в 1895 г. обнаружил две подвесные курильницы без орнамента в одном из скифских курганов Крыма. Обе хранятся в областном краеведческом музее в г. Симферополе и по своим формам близки курильницам из мавзолея. Сходная курильница с резным орнаментом обнаружена

В. П. Бабенчиковым в 1949 г. в одном из погребений в курганной насыпи на средней террасе некрополя Неаполя Скифского. Погребение датируется I в. до н. э.—I в. н. э. Там же найдены обломки курильницы с вертикальными реберчатыми выступами и черной лощеной поверхностью. Рукописи отчета хранятся в архивах ИИМК АН СССР и КФ АН СССР. О курильницах смотри в статье Т. Н. Троицкой „Скифские курганы Крыма“ (Известия Крымского отдела географического общества Союза ССР, в. 1, Крымиздат, 1951, стр. 85).

⁴³ Египетское происхождение скарабея, завезенного в Неаполь Скифский, может быть, через Родос, из Александрии, Накратиса или же из каких-либо иных центров производства скарабеев эллинистического времени, выяснено В. В. Павловым в работе „Скарабей из Неаполя Скифского“. Рукопись хранится в архиве ИИМК АН СССР. Однако портретное изображение скифа на щитке скарабея явно местного, причерноморского происхождения. Далекими его иконографическими прототипами являлись, вероятно, воспроизведения скифов в Боспорской торевтике, о которых мы можем судить, в частности, по знаменитой Куль-Обской вазе. Головной убор скифа также имеет ближайшие аналогии на Боспоре. Вспомним хотя бы изображение бородастого силена в высокой остроконечной шапке, оттиснутое круглым штампом на тулове боспорского сосуда раннеэллинистического времени, хранящегося в Керченском музее. Однако, в отличие от этих отдаленных боспорских прототипов, воспроизводящих типические образы скифов или же „скифообразных“ силенов и кабириков, изображение скифа на скарабее из Неаполя имеет явно портретный характер. Оно выполнено незаурядным местным мастером, сумевшим в миниатюрных формах резного камня соединить элементы индивидуальной характеристики с передачей этнического своеобразия. В портрете сказалось наблюдение природы при использовании традиций боспорского

художественного ремесла и эллинистического портрета.

⁴⁴ В своей работе о скульптурных портретах скифских царей (КС ИИМК, XII, 1946) я попытался вскрыть особые черты скифской портретной скульптуры, в которой при широком типическом обобщении этнических черт индивидуальные стороны портретного изображения выявляются с особой реалистической резкостью, не свойственной греческому идеализирующему портрету. Примером этого могут служить изображения скифского царя Фарзоя на монетах из Ольвии, где с большей остротой, чем это обычно для ольвийских монет, подчеркнуты возраст и индивидуальные черты, например характерный курносый нос. В этом, вероятно, сказалось влияние скифского заказа на работу ольвийских мастеров монетного дела. Вторая особенность скифской портретной скульптуры заключалась в ярко выраженном тяготении к плоскостной, рельефной форме изображения. В этом, вероятно, сыграли свою роль навыки резьбы по дереву, кости и известняку. Эти же черты проявились в портрете скифа на скарабее. Высказывавшиеся соображения о том, что на резном камне из мавзолея изображена голова кабира или Одиссея, мне представляются необоснованными.

⁴⁵ М. И. Максимова. Античные печати Северного Причерноморья. ВДИ, 1937, № 1, стр. 251 и сл.; М. И. Максимова. Этрусский скарабей с изображением скифа, „Сообщения ГАИМК“, 1926, 1, стр. 267 и сл. В первой из упомянутых работ М. И. Максимова подчеркнула, что „широкое распространение обычая пользоваться печатями связано, повидимому, с образованием классового общества и с основанием государства...“ М. И. Максимова пришла к выводу о том, что среди скифской правящей верхушки „в связи с началом накопления ею богатств создаются уже предпосылки для появления печатей“ (ВДИ, 1, 1937, стр. 261). Наличие печатей среди знатных людей, погребенных в мавзолее,

симптоматично. Наряду с другими фактами геммы, найденные в мавзолее, свидетельствуют о значительной социальной и имущественной дифференциации среди населения Неаполя Скифского в последние века до н. э.

⁴⁶ Мотив солнца с лучами, выгравированного на тулове курильницы из погребения XIX (рис. 16), встречается в керамике кизил-кобинского типа. Так, например, солнце с лучами изображено на обломке сосуда с черным лощением из пещеры „Кизил-Коба“, хранящемся в областном краеведческом музее в г. Симферополе. Обломок воспроизведен в работе П. Н. Шульца „Кизил-кобинская культура“ (Архив КФ АН СССР). В скифских курильницах Крыма именно от кизил-кобинской культуры унаследован старый обычай заполнения резного орнамента белой пастой. Длительное сохранение старых форм посуды, а также мотивов и технических приемов орнаментации в скифских сосудах ритуального назначения вполне естественно. Курильницы Крыма имеют специфические, локальные особенности, связанные, вероятно, с их местным, кизил-кобинским происхождением. Они отличаются, хотя и имеют и общие черты, от ритуальных скифских курильниц лепной работы, найденных в Ольвии (ИАК, 8, стр. 57, рис. 63), в районах Нижнего Днепра и Ворсклы (этой группе сосудов посвящает специальную заметку С. И. Капошина). Курильницы встречались не только в скифских курганах и погребениях Крыма, но и в жилых кварталах Неаполя Скифского, по преимуществу в слоях последних веков до н. э. В областном краеведческом музее хранится курильница из раскопок Неаполя Скифского 1926 г. Обломки курильниц обнаружены во время раскопок на городище в 1948 (раскоп „Б“) и в 1949 г. (раскоп „А“).

⁴⁷ Г. Д. Белов. Римские пристенные склепы в Херсонесе. „Херсонесский сборник“, вып. 2, стр. 115, рис. 8; стр. 219, рис. 292; стр. 245, рис. 19; ОАК, 1891,

стр. 140, рис. 155, стр. 144, рис. 173; ОАК, 1892, стр. 21, рис. 10. 1. Наглазники и нагубники из Херсонеса отличаются от найденных в мавзолее не только по времени (они датируются I—II вв. н. э.), но и по стилю. Выполнены херсонесские лицевые пластины в сухой, графической манере и схематичнее лицевых пластин из мавзолея, в которых связь с натурой в отдельных случаях еще чувствуется. Среди херсонесских лицевых пластин встречаются очкообразные наглазники, отсутствующие в мавзолее. Аналогичные очкообразные наглазники обнаружены в 1950 г. в одном из погребений Чернореченского могильника, в Севастопольском районе, близ Инкермана. Погребение датируется II в. н. э. Отсюда можно сделать вывод, что лицевые пластины проникли в Херсонес и в прилегающие к нему районы и распространились здесь в первые века нашей эры, т. е. в период, когда роль скифского, а затем и сарматского элемента в быту Херсонеса возросла. Золотые наглазники встречены и в Ольвии и в Керчи. Они распространились вплоть до приуральских районов (ОАК, 1898, стр. 47, рис. 82; стр. 48, рис. 83). Вопрос о том, как возник обычай наложения лицевых пластин в Неаполе Скифском, где он представлен наибольшим количеством экземпляров, остается открытым. Очкообразные наглазники встречены на Кубани в погребении Ярославской станицы, которое датируется II в. до н. э. и, быть может, предшествует мавзолею (ОАК, 1896, стр. 58, рис. 283; Скифия и Боспор, стр. 561). Еще более ранние лицевые пластины обнаружены в Грузии на реке Алгети (Б. А. Куфтин. Археологические раскопки в Триалети, т. 1, Тбилиси, 1941, табл. IX, стр. 40, рис. 37). Б. А. Куфтин, повидимому, занижает дату этих пластин, относя их к ахеменидскому времени. В значительно более древнее время золотые лицевые пластины были распространены на Кипре (F. H. Marshall. Catalogue of the Jewellery Greek, Etruscan and

Roman, London, 1911, табл. I—III). Н. Н. Погребова в упомянутом выше докладе выдвинула мысль о проникновении лицевых пластин в Скифию из районов Средиземноморья через Переднюю Азию и Кавказ. Полагаю, что данный обычай мог возникнуть и независимо у разных племен, на сходных ступенях их исторического развития.

⁴⁸ Лицевые пластины являются своего рода заменителями погребальных масок. В Северном Причерноморье в скифо-сарматскую эпоху маски из листового золота засвидетельствованы для Ольвии (А. С. Уваров. Исследования о древностях Южной России и берегов Черного моря, 1, 1851, стр. 43; П., 1851, атлас, вып. 1, табл. XIV) и для Боспора (Древности Боспора Киммерийского, стр. 13, табл. 1; И. Толстой и Н. Кондаков. Русские древности, III, СПб, 1889, стр. 24; Скифия и Боспор, стр. 247 и сл.; В. Ф. Гайдукевич. Боспорское царство, стр. 214, рис. 78). На парфянские прототипы этих масок указали И. Толстой и Н. Кондаков (ук. соч., стр. 24). Напомню, что золотая маска была обнаружена и в одном из Сидонских саркофагов (L. Pollak. Klassisch-antike Goldschmiedearbeiten im Besitze Nelidow, Leipzig, 1903, табл. VII, 40).

В 1930 г. золотая маска была обнаружена во Фракии в погребении VI в. до н. э. („Revue Archéologique“, 1934, рис. 5). Если мы учтем, что золотые маски в еще более древнее время встречены и в Египте и в Микенах, то отсюда можно сделать вывод, что не только лицевые пластины, но и золотые маски возникали независимо у разных племен и народностей на сходных ступенях их исторического развития.

⁴⁹ Данный тип крупных прямоугольных железных пряжек с язычком, предназначенных для конской подпруги, имел широкое распространение и длительно бытовал в Скифии.

⁵⁰ Обычай захоронения собаки вместе с ее хозяином, а иногда и вместе с его

конями имел место у скифов и представлен в Крыму и на Таманском полуострове. Так, например, в первом кургане Васюринской горы у лестницы, которая вела в склеп, был обнаружен остов собаки („Античная декоративная живопись...“, стр. 42). Близ Нимфея на Керченском полуострове рядом с погребением скифского воина обнаружено захоронение лошади и собаки („Скифия и Боспор“, стр. 389). Погребения собак встречались в скифских курганах Нижнего („Скифия и Боспор“, стр. 437) и Среднего Приднепровья (А. Бобринский. Курганы и случайные археологические находки близ местечка Смелы, П., 1894, стр. 85, кург. 188; „Скифия и Боспор“, стр. 483 и 520). Наиболее ярко обряд погребения собаки представлен в мавзолее Неаполя Скифского, где встречено три захоронения собак: при входе в мавзолей, на притолоке двери и у дверного проема внутри мавзолея, а также около коней. Этот обычай в Крыму имел место и в доскифских погребениях. Так, например, в одной из ям раннетаврского поселения VII—VI вв. до н. э. близ Инкермана в 1950 г. наряду с человеческим погребением встречено захоронение собаки (Отчет Х. И. Крис о раскопках раннетаврского поселения близ Инкермана. Хранится в архиве Музея пещерных городов в г. Бахчисарае).

⁵¹ По свидетельству Геродота (IV, 71), скифы царские при погребении царя вместе с ним хоронили „одну из наложниц царя, предварительно задушив ее, а также виночерпия, повара, конюха, слугу, вестника, лошадей...“ (В. Латышев. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе, 1893, I, стр. 30—31). Картина царского погребального обряда, нарисованная Геродотом, отчасти подтверждается археологическими данными. В кургане Куль-Оба, близ Керчи, в каменном склепе (IV в. до н. э.) наряду с погребением царя или же военачальника обнаружены погребения его жены, слуги-конюха и кости коня (Древности Боспора Киммерийского, I, Введение, стр. XXXII и

сл.; И. Толстой и Н. Кондаков. Русские древности в памятниках искусства, II, стр. 25 и сл.; „Скифия и Боспор“, стр. 377 и сл.; В. Ф. Гайдукевич, Боспорское царство, стр. 267, там же дальнейшая литература). Старый скифский обычай убийства конюха и его захоронения около коней, как уже пережиточная обрядовая форма, мог сохраниться вплоть до времени Скилура и Палака, когда и был обнаружен мавзолеем.

⁵² J. Déchelette. Manuel d'archéologie, т. II, ч. 3, стр. 1073, рис. 442 и стр. 1102, рис. 455.

⁵³ Прямых аналогий серебряному медальону-фибулы из погребения в ящике XIII пока что подобрать не удалось. Прототипами изделий этого рода являлись посеребренные медальоны III в. до н. э. Хороший образец подобного более раннего медальона встречен в конском погребении второго склепа Васюринской горы („Античная декоративная живопись“, атлас, табл. XXIV, 5; текст на стр. 55). Женская голова медальона из Васюринского склепа проще и компактнее по своим формам, чем бюст Артемиды на медальоне из мавзолея. Наклон и поворот головы Артемиды сложнее, формы горельефнее, лепка деталей рассчитана на живописную игру света и тени. Медальон с изображением Артемиды относится явно к более позднему времени, чем медальон Васюринской горы. Он выполнен, вероятно, во II в. до н. э. Стилистически к нему ближе горельефные изображения голов и бюстов богини в центральной части дна серебряных чаш конца эллинизма. Примером может служить погрудное изображение менады на чаше из эллинистического Египта (E. Pernice. Hellenistische Silbergefäße im Antiquarium d. Königlichen Museum, Berlin, 1898, taf. 3—4).

⁵⁴ Данная техническая деталь сближает наш медальон с изделиями Боспорской торевтики. Посеребренные и позолоченные медальоны и бляхи эллинистического Боспора постоянно украшались по краю пунк-

тирным орнаментом в виде волны („Античная декоративная живопись“, атлас, табл. XXIV, 3).

⁵⁵ Наиболее близкие аналогии дают бронзовые зеркала раннесарматских Прохоровских курганов Заволжья (МАР, 37, П., 1918, табл. II, 3; табл. IV, 34; табл. V, 4). Зеркала этого же типа встречаются и в раннесарматских погребениях Кубани II—I вв. до н. э. (ИАК, I, стр. 102, рис. 25).

⁵⁶ Аналогичные гребни найдены на Боспоре. Так, например, в одном из погребений близ Керчи в ларчике оказался деревянный двусторонний гребень (ОАК, 1899, стр. 50, рис. 96).

⁵⁷ Прямых аналогий к сдвоенным трубчатым пронизям из мавзолея подобрать пока что не удалось. Не исключена возможность, что данное украшение является поделкой местной скифской работы. Оно принадлежит к тому кругу изделий, которые вносят черты ярко выраженного своеобразия в облик инвентарных комплексов мавзолея.

⁵⁸ Ближайшие аналогии короткому мечу из погребения в ящике XXXII мы находим среди мечей из некрополей Боспорского царства (Ginters W. Das Schwert der Skythen und Sarmaten in Südrussland, 1928) и Северного Кавказа (Археологические исследования в РСФСР. 1934—1936 гг. Изд. АН СССР, 1941, стр. 241, 243).

⁵⁹ Вопрос о стенах Неаполя детально рассмотрен в обстоятельной, к сожалению еще неопубликованной, работе А. Н. Карасева, посвященной оборонительным сооружениям столицы поздних скифов. Доклад на эту тему прочтен А. Н. Карасевым на пленуме ИИМК АН СССР в 1948 г. Сжатое освещение вопроса дано в двух его статьях: „Раскопки Неаполя Скифского в 1948 г.“ (ВДИ, 4, 1950) и „Раскопки Неаполя Скифского в 1949 г.“ (КС ИИМК, XXXVII, 1951). Как показало исследование, толщина стен Неаполя ко времени деятельности Скилура и Палака достигла 8,5 м. Столь широких стен не имел, судя по имеющимся археологическим данным, ни

один древний город Северного Причерноморья.

⁶⁰ Ios PE, I², 1916, № 352.

⁶¹ Ios PE, II, № 423. Об этой надписи упоминает Б. Н. Греков в работе „Термин „Σκῆθαι“ и его производные в надписях Северного Причерноморья“ (КС ИИМК, XVI, 1947, стр. 87 и сл.); ряд соображений по данной надписи высказал В. Ф. Гайдукевич в своей книге „Боспорское царство“ (изд. АН СССР, 1948, стр. 335 и сл.). В. Н. Дьяков считает, что в надписи упоминается договор, заключенный Савроматом II с римлянами („Таврика в эпоху римской оккупации“. „Ученые записки МГПИ“, т. XXVIII, вып. 1, стр. 89).

⁶² В 1842 г. в одном из курганов в Керчи обнаружена каменная гробница, в которой находился деревянный саркофаг, упоминавшийся уже выше (ЗОО, т. 1, 1849, стр. 616 и сл.). На крышке саркофага было положено „покрывало“, убранный по краям 40 бронзовыми бляхами, обтянутыми золотой фольгой, „прикрепленными к коже, пришитой к покрывалу“. Полагаю, что Ашик, копавший курган, ошибочно принял конский чепрак и кожаное седло за „покрывало“. Характерные крупные, подковообразные, круглые и „каплевидные“ бляхи, несомненно, принадлежали конскому набору сармато-аланского характера, вероятно, украшавшему чепрак и седло. Керченский набор, хранящийся в Эрмитаже, тождествен конскому набору из Неаполя Скифского, также, вероятно, украшавшему седло и чепрак, положенные в ногах погребенного воина (А. Н. Карасев. Раскопки Неаполя Скифского в 1949 г., КС ИИМК, XXXVII, стр. 170—171, рис. 55—56). Набор Неаполя имеет почти то же количество блях (38), что и керченский набор. Датируется он найденной в погребении амфорой и другими материалами рубежом II и III вв. н. э., т. е. тем же временем, что и погребение в кургане Ашика. Аналогичный конский набор найден Тизенгаузеном в кургане близ Анапы в 1881 г.

(ОАК, 1881, СПб, 1883, стр. IV и сл.). Здесь же находились крупные халцедоновые бусы, совершенно аналогичные бусам из погребения в Неаполе (КС ИИМК, XXXVII, рис. 56, 1). Датировка анапского погребения та же, что и керченского (рубеж II и III вв.). Находки хранятся в Эрмитаже. В конце XIX в. сходный конский набор обнаружен в некрополе Пантикапеи. Он опубликован Э. Р. Штерном (ЗОО, 1898, т. XXI, стр. 271 и сл., табл. Б). Набор находится в Керченском музее. Привлеченные аналогии свидетельствуют о принадлежности данного круга изделий, относящихся к рубежу II и III вв. н. э., сармато-аланским конным дружинникам, связанным с Боспорским царством (три комплекса из четырех обнаружены на Боспоре). Именно в это время Савромат II одержал победу над скифами. Может быть, с этим событием и связано погребение аланского воина у центральных ворот скифской столицы, близ руин разрушенного уже в то время мавзолея.

⁶³ Г. Ф. Дебедц. Антропологические материалы Неаполя Скифского. Свои выводы по данному вопросу Г. Ф. Дебедц изложил в докладе, прочтенном на пленуме ИИМК АН СССР в 1949 г. Тезисы доклада хранятся в архиве ИИМК.

⁶⁴ М. М. Герасимов. Из тьмы веков. „Советский Союз“, 1950, август, № 6, стр. 21.

О результатах восстановления головы скифа по черепу, найденному в каменной гробнице, М. М. Герасимов впервые доложил на сессии по истории Крыма в г. Симферополе, созданной Крымским филиалом АН СССР в 1948 г. На объединенном заседании Музея и Института антропологии МГУ в 1949 г. М. М. Герасимов выступил с развернутой аргументацией в пользу принадлежности черепа, найденного в каменной гробнице, Скилуру. Для обоснования своих положений М. М. Герасимов привлек портретные изображения Скилура на монетах и на мраморном рельефе, найденном

Бларамбергом в Неаполе Скифском близ мавзолея. М. М. Герасимов сопоставил эти изображения с черепом из гробницы и с реконструкцией головы скифа, восстановленной на основании черепа. Антропологи, анатомы и археологи, выступавшие по докладу, признали гипотезу М. М. Герасимова вероятной и убедительной. Местоположение мавзолея у центральных городских ворот, близ общественного сооружения, в котором была установлена статуя Скилура и рельеф с его изображением, а также дата гробницы (вторая половина II в. до н. э.), совпадающая с временем смерти Скилура, дают дополнительный материал в пользу правильности этой гипотезы. Таким образом, не только антропологические, но и археологические данные подтверждают вероятность предположения М. М. Герасимова и ни в какой мере не противоречат ему. Помимо М. М. Герасимова и совершенно независимо от него в пользу принадлежности мавзолея семье Скилура высказался М. И. Артамонов в статье «Скифское царство в Крыму» («Вестник ЛГУ», 1948, № 8, стр. 72).

⁶⁵ При сопоставлении головы скифа на скарабее с традиционными более ранними изображениями скифов на золотом гребне из кургана Солоха (ОАК, 1913—1915, стр. 111—112, рис. 184, а, б, в) не трудно уловить в них наличие общих черт. В еще большей мере общность типических и этнических черт выступает при сопоставлении головы на скарабее с изображениями скифов на знаменитой вазе из Куль-Обы. Детали вазы воспроизведены в работе Б. З. Рабиновича о скифских шлемах (ТОИПК, т. I, изд. Гос. Эрмитажа, 1948, табл. XXVIII; там же и гребень Солохи, табл. XXVII). Следует также сравнить голову на скарабее с изображениями скифов на широко известной и неоднократно воспроизводившейся Чертомлыцкой или Никопольской вазе. Лучшая ее публикация дана О. Ф. Вальдгауэром (O. Waldhauer. Die Silber vase von Nikopol. Antike Denkmäler,

1929, стр. 83 и сл., табл. 85). Существенное различие привлеченной серии изображений IV в. до н. э. с более поздней головой скифа на гемме из мавзолея заключается в том, что данная голова, сохраняя традиционный этнический тип, дает элементы портретной характеристики, что сказалось в особенности в трактовке глаз, носа и губ. Иконография скифов IV—III вв. в Боспорской тореvтике, так же как и изображения силенов и кабиров, ограничивается выявлением типических, в частности этнических, черт.

⁶⁶ Ложную версию о внеевропейском, монгольском происхождении скифов поддерживали Нибур («Untersuchungen über die Geschichte der Skythen...») и Нейман («Die Hellenen im Skythenland»). В XX веке эту ошибочную концепцию разделял английский ученый Dalton O. M. («The Treasure of the Oxus with other objects from ancient Persia and India», 1905, стр. 14). Еще в XVIII в. против «теории» монгольского происхождения скифов высказался М. В. Ломоносов в своей «Древней Российской истории» («Собр. соч. М. В. Ломоносова», под ред. акад. Сухомянинова, 1891—1902, т. V, стр. 248 и сл.). В 1879 г. А. П. Богданов обосновал европеоидный характер антропологического облика скифов на краниологическом материале из скифских курганов. Он подчеркнул отсутствие в скифских черепах монголоидных черт (А. П. Богданов. О могилах скифо-сарматской эпохи в Полтавской губернии и о краниологии скифов. Антропологическая выставка, т. III, ч. I, 1879). Он же обратил внимание на общие черты черепов из скифских курганов с более ранними черепами той же территории Левобережья из курганов эпохи бронзы и с последующим средневековым антропологическим материалом. Исследования Г. Ф. Дебеца скифских черепов из районов Никополя (Г. Ф. Деб е ц. Палеoантропология СССР, изд. АН СССР, 1948, стр. 160) подтвердили правильность основного вывода А. П. Богда-

нова об европеоидном облике скифов. Дополнительная аргументация в этом же направлении дана в упомянутом выше докладе Г. Ф. Дебеца, в котором он рассмотрел черепа из погребений мавзолея и некрополя Неаполя Скифского.

⁶⁷ Геродот, IV, 72.

⁶⁸ Данные о погребениях домашних рабов в скифских курганах сведены в работе М. И. Ростовцева „Скифия и Боспор“ (П., 1925, стр. 318, 331, 366, 382, 459). Н. И. Веселовский при описании обряда погребения в скифском царском кургане Солоха в свое время писал: „Мужское царское погребение у скифов отличалось сложной обстановкой и сопровождалось свитой; в данном случае она состояла из трех человек: служителя, оруженосца и конюха“ (ОАК, 1913—1915, II, 1918, стр. 107). Погребение конюха в мавзолее Неаполя является своего рода пережитком. Этот пережиток был унаследован скифской знатью государственного периода от скифских погребальных обычаев предшествующего времени военной демократии, когда в скифском быту были широко распространены формы домашнего рабства.

⁶⁹ Деревянные погребальные ящики, обильно представленные в мавзолее, встречались в скифских курганах Крыма („Скифия и Боспор“, стр. 389; ОАК, 1891; ИТУАК, 13, 1891, стр. 67—68). Обычай хоронить в ящиках является одной из характерных черт погребального обряда крымских скифов.

⁷⁰ В. И. Цалкин. Домашние и дикие животные в костном материале Неаполя Скифского. Рукопись хранится в архиве ИИМК АН СССР.

⁷¹ Об этом в работе П. Н. Шульца „Скульптурные портреты скифских царей Скилура и Палака“ (КС ИИМК, XII, 1946, стр. 56 и сл.). Значительная роль, принадлежавшая коню в культе и искусстве поздних скифов, повидимому, отражала в надстроечных явлениях не только реальное значение коня в хозяйственной и военной

жизни скифских племен, но и роль конной дружинной знати в общественном быту скифской державы как опоры государственной власти.

⁷² „Скифия и Боспор“, стр. 389, 483; „Античная декоративная живопись на юге России“, стр. 42. Собака и конь нередко фигурируют в скифских надгробных рельефах (ОАК, 1909—1910, стр. 10; рис. 146).

⁷³ На одном из скифских надгробий, найденном в окрестностях Симферополя, в среднем поясе изображены две собаки, бегущие по полю битвы, среди трупов убитых. На верхнем поясе изображена битва всадника с пешим воином, в нижнем — скиф-всадник, предстоящий перед алтарем, на котором пылает священный огонь (КС ИИМК, XII, 1946, стр. 56, прим. 3). Двум коням соответствуют в композиции надгробия две собаки и два трупа. Конь и собака тесно связаны с погребальным культом скифов.

⁷⁴ П. Н. Шульц. Раскопки Неаполя Скифского в 1945—1946 гг. „Доклады АН СССР. Новая серия“, 1947, т. VIII, № 1, стр. 176, рис. 1.

⁷⁵ ОАК, 1897, стр. 36 и сл. Сходный обряд, повидимому, типичный для крымских скифов, встречен в 1891 г. в кургане близ дер. Саблы (ОАК, 1891, стр. 76). Аналогичные погребения по ярусам обнаружены в 1892 г. в курганах близ Симферополя (ОАК, 1895, стр. 9 и сл.), а в 1897 г. в кургане близ селения Чотты (ОАК, 1897, стр. 38 и сл.). Привлеченный сравнительный материал наглядно свидетельствует о том, что обряд погребения в мавзолее является лишь наиболее богатым и пышным примером погребальных обычаев поздних скифов в Крыму II—I до н. э., сохранявшихся и в первые века н. э. Отличие заключается лишь в том, что в Тавеле, Саблах, под Симферополем и в селении Чотты этот обряд представлен в подкурганных склепах, а в мавзолее погребения совершались уже в надземном каменном сооружении.

⁷⁶ ОАК, 1889, стр. 20 и сл. В архиве ЛОИИМК за 1889 г. хранится отчет Н. И. Веселовского о раскопках земляных склепов и подбойных могил в Петровской балке близ Неаполя Скифского (дело 1889). В отчете имеется план и зарисовка подобных поярусных погребений. Сходные погребения обнаружены В. П. Бабенчиковым в 1947—1948 гг. в земляных склепах юго-восточного участка некрополя (В. П. Бабенчиков. Новый участок некрополя Неаполя Скифского. ВДИ, 1949, № 1, стр. 111 и сл.).

⁷⁷ П. Н. Шульц. Тавро-скифская экспедиция в 1946 г. Раскопки склепов Неаполя („Советский Крым“, 1947, № 5). Наибольшее количество костяков обнаружено в склепе № 7 в 1946 г. Их здесь оказалось 27. Однако точной картины расположения погребений восстановить не удалось, так как склеп был еще в древности разграблен, причем грабители в поисках вещей разбросали кости.

⁷⁸ Н. И. Репников. Разведки и раскопки в Крыму в 1907 г. ИАК, вып. 30, стр. 99 и сл.; его же „Предполагаемые древности тавров“, ИТОИАЭ, 1927, т. 1, стр. 138 и сл.

⁷⁹ Н. И. Репников. Раскопки некрополя Эски-Кермена. „Изв. ГАИМК“, т. XII, вып. 1—8, 1932, стр. 164, 162, 176.

⁸⁰ Совпадение головы богини на бляшках из мавзолея и на штампе из Тиритаки было замечено Л. П. Харко. Он посвятил этому вопросу специальную работу (хранится в архиве КФ АН СССР). Штамп воспроизведен в книге В. Ф. Гайдукевича „Боспорское царство“ (изд. АН СССР, 1948, стр. 119, рис. 14) и в книге Т. Н. Книпович „Танаис“ (изд. АН СССР, 1949, на стр. 63, рис. 21). Детальное описание штампа дано В. Ф. Гайдукевичем в статье „Античный бронзовый штамп, найденный в Тиритаке“ (СА, VI, стр. 998 и сл.).

⁸¹ Т. Н. Книпович. Танаис, изд. АН СССР, 1949, стр. 62 и сл., рис. 20. Т. Н. Книпович датирует набор золотых блях из

Недвиговки с изображением богини II веком до н. э. (ук. соч., стр. 63). Бляхи из мавзолея относятся к тому же времени, они найдены в одном из наиболее ранних его погребений (ящик № II) близ каменной гробницы.

⁸² G. Boroffka. Scythian Art, London, 1928, стр. 36, табл. 3, А и 4.

⁸³ Сравни с глиняными изображениями зверей на ручках сарматских сосудов (К. М. Скалон. Изображение животных на керамике сарматского периода, ТОИПК, I, изд. Гос. Эрмитажа, 1949, стр. 172 и сл., табл. XIII, 1). Фигурки животных на сарматских фибулах часто украшались характерными кружками, что имеет место и на фигурке из мавзолея. Так, например, на баране из золотой пластины на фибуле из Армавира имеются аналогичные кружки (К. М. Скалон. Ук. соч., табл. XII, 3; ОАК, 1889, стр. 26, рис. 11).

⁸⁴ Н. И. Веселовский. Скифский всадник, ИТУАК, 14, С., 1891, стр. 81—83, табл. 1; ОАК, 1889, стр. 26, рис. 11. Н. И. Веселовский склонен относить фигурку всадника к первым векам н. э. на основании сходных мотивов на монетах Боспора. Далеко не уверен в правильности столь поздней датировки. Вполне допускаю, что бронзовый всадник Неаполя Скифского относится к последним векам до н. э. В его профиле, между прочим, чувствуются общие черты с головой Скилура на монетах из Ольвии. В монументальной скульптуре и торевтике Неаполя Скифского, в изображениях бородатых скифов, очевидно, доминировал некий общий иконографический тип. Вероятнее всего, что фигурка всадника из Петровской балки, опубликованная Веселовским и хранящаяся в Эрмитаже, является выразительным образцом художественных изделий местных скифских торевтов времени расцвета государства поздних скифов. В этих изделиях явно чувствуются признаки влияния греческого художественного ремесла эллинистической эпохи.

⁸⁵ Особым мастерством и реалистической выразительностью отличается изображение всадника в стенной росписи склепа № 9, относящегося к периоду вторичного расцвета скифского государства (I в. н. э.) (П. Н. Шульц. Раскопки Неаполя Скифского в 1946 г., КС ИИМК, XXI, 1947, стр. 21, табл. 1).

⁸⁶ А. А. Бобринский. Курганы и случайные археологические находки близ Смелы, 1887—1904. — I, табл. XIV, 23, 27.

⁸⁷ ОАК, 1897, стр. 11, рис. 42; стр. 12, рис. 44.

⁸⁸ ОАК, 1876, стр. 431 и сл.; ОАК, 1877, стр. 9 и сл.; ОАК, 1875, X и сл.; „Скифия и Боспор“, стр. 349, 350, 354, 356.

⁸⁹ План склепа кургана Куль-Оба опубликовался неоднократно. За последние годы этот план воспроизведен в работе В. Ф. Гайдукевича „Боспорское царство“ (Изд. АН СССР, 1948, стр. 269, рис. 45). Там же приведена литература (стр. 527, прим. 65—69).

⁹⁰ С. А. Кауфман в работе „Об уступчатых склепах Боспора“ („Сообщения Института истории и теории архитектуры Акад. арх. СССР“, вып. 6, М., 1947, стр. 1 и сл.) дала обстоятельный архитектурный разбор боспорских черт в структуре склепов с уступчатыми сводами и уделила несколько строк и Куль-Обскому склепу (ук. соч., стр. 9, рис. 10). Однако местные особенности этого склепа, восходящие к традициям скифских погребальных сооружений (квадратный план, наличие входа не в центре стены, но с некоторым отклонением от центра и т. д.) недооценены автором.

⁹¹ ОАК, 1894, стр. 78 и сл., рис. 110—111; „Скифия и Боспор“, 1925, стр. 434, прим. 1; ОАК, 1914, стр. 196, рис. 89. 111, 113.

⁹² Значение характерных угловых камней-пандативов, пересекающих по диагонали угол склепа и в отдельных случаях являвшихся переходным звеном к купольному перекрытию, освещено в работе С. А. Кауфман (ук. соч., стр. 3). В скле-

пах Боспора эти угловые камни иногда подтесывались. В Огузском кургане пандативы выступают наружу, пересекая угол склепа.

⁹³ На Кубани примитивный уступчатый свод применен в каменном склепе второго Разменного кургана, относящегося к эпохе поздней бронзы. На эту сторону дела обратил внимание М. И. Артамонов в работе „Третий Разменный курган у ст. Костромской“ (СА, X, 1948, стр. 162). Н. И. Веселовский в отчете о раскопках кургана воспроизвел в беглой схематической зарисовке структуру склепа (Архив ЛОИИМК, дело 1896/204, л. 59). При анализе склепа следует учесть соображения А. А. Иессена о датировке кургана (А. А. Иессен. К хронологии „больших кубанских курганов“, СА, XII, 1950, стр. 157 и сл.). Примитивный уступчатый свод имел место в погребальном каменном сооружении одного из курганов эпохи рубежа поздней бронзы и раннего железа в районах Днепропетровска („Збірник Дніпропетровського краєвого історично-арх. музею“, т. I, Дніпропетровськ, 1929, стр. 204, рис. 4). Привлеченный материал, пока еще немногочисленный, дает все основания искать корни уступчатых склепов Боспора не в Эгейском море („Античная декоративная живопись на юге России“, стр. 93 и сл.), не в Этрурии (В. Ф. Гайдукевич. Боспорское царство, стр. 263) и не во Фракии (С. А. Кауфман. Ук. соч., стр. 25), но на местной причерноморской почве. В этом отношении ближе к истине подошел В. Д. Блаватский, выдвинувший предположение о том, что прототипом структуры уступчатых склепов Боспора являлись срубные погребальные сооружения Северного Причерноморья, восходящие еще к эпохе бронзы (В. Д. Блаватский. Античное искусство Северного Причерноморья, изд. ГМИИ, 1948, стр. 59). Сходную мысль в свое время высказал Е. Миппс, считавший, что уступчатые склепы Боспора происходят от скифских

подкурганых срубов (E. Minns. *Scythians and Greeks*, Cambridge, 1913, стр. 194). Полагаю, однако, что принцип уступчатого перекрытия мог независимо возникнуть и в деревянных и в примитивных каменных конструкциях. Этот принцип, в частности, широко применялся при сооружении каменной кольцевой обкладки горловин скифских зерновых ям (А. Н. Карасев. Раскопки Неаполя Скифского в 1948 г., ВДИ, 1950, № 4, стр. 183 и сл., рис. 6).

⁹⁴ П. Н. Шульдц. Тавро-скифская экспедиция в 1947 г. Работы Белогорского отряда, КС ИИМК, XXVII, 1949, стр. 65 и сл. Отчет П. Н. Шульдца о работах Белогорского отряда за 1947 г. хранится в архивах ИИМК АН СССР и КФ АН СССР.

⁹⁵ Мы уже упоминали о рассказе, изложенном Геродотом, об ответе скифского царя Иданфирса посланцу персидского царя Дария, в котором подчеркнуто почитание скифами могил своих предков (Геродот, IV, 127). Культ предков долго сохранялся в скифской среде. В качестве пережитка он сохранял известное значение даже тогда, когда скифские племена в результате роста в общественном строе скифов непримиримых классовых противоречий перешли на государственную ступень развития. Наглядным свидетельством этого является мавзолей, а позже и фамильные склепы Неаполя Скифского.

⁹⁶ Декрет в честь Диофанта (IosPE, I², 1916, № 352), подкрепляемый данными Страбона (VII, 3, 17), свидетельствует о том, что роксоланы и тавры объединились вместе со скифами в общей борьбе против херсонесских колонизаторов и понтийского вторжения в Крым.

⁹⁷ Обзор надписей, свидетельствующих об активизации борьбы скифов против Боспора и Херсонеса в первые века н. э., дан в неоднократно упоминавшейся статье Б. Н. Гракова „Термин „Σκῆραι“ и его производные в надписях Северного Причерноморья“ (КС ИИМК, XVI, 1947, стр. 84

и сл.). На основании одной из надписей мы узнаем, что в 60-х гг. I в. н. э., очевидно при царе Фарзое, скифы осадили Херсонес и только после прибытия сюда римской эскадры и римских легионов во главе с легатом Мезии Плавтием Сильваном осада была снята. Правящие слои херсонесцев, таким образом, вторично жертвовали свободой и независимостью своего государства ради отпора скифам и призвали на помощь силы иноземных захватчиков. В этом проявилась реакционная роль Херсонеса позднеэллинистического и римского времени, задерживавшего процесс развития скифских племен, сплотившихся в народность, создавших уже к этому времени свое государство, которое в острые моменты столкновений с внешним врагом объединяло скифские, таврские и сарматские племена в общей борьбе против иноземных поработителей.

В начале II в. н. э., может быть при царе Инисмее, скифы усилили нажим на Боспорское царство (IosPE, II, № 26, 27). В конце II в. н. э. вновь усилилась активность скифов, и Боспору при Савромате II опять пришлось мобилизовать силы для борьбы против скифского государства. Об этом свидетельствует надпись из Танаиса, датированная 193 г. н. э., в которой упоминается победа, одержанная боспорцами над скифами (IosPE, II, № 123). На основе договора, заключенного, по видимому, между Боспором и римлянами, Таврика, т. е. горные районы полуострова и его южное побережье, была поставлена под известную временную зависимость от Боспора. Скифы, таким образом, вплоть до конца II в. н. э. выступают на арене исторического развития в Северном Причерноморье как вполне определенная этническая категория, как народность, как сила, с которой и Боспору и Херсонесу в течение многих веков приходилось считаться и прибегать даже в отдельных случаях к помощи понтийских (конец II в. до н. э.) и римских завоевателей (60-е гг. I в. н. э.).

Из фактора прогрессивного, некогда способствовавшего развитию местных племен путем ускорения среди них процессов разложения родовых отношений, античные причерноморские государства, включая Херсонес и Боспор, в условиях кризиса рабовладельческих отношений и укрепления скифского государства превращались в фактор реакционный, задерживавший дальнейшие процессы развития местных племен и народностей. Ряд ценных соображений по данному вопросу имеется в статье Б. Н. Гракова „Скифский

Геракл“ (КС ИИМК, XXXIV, 1950), а также в статье Э. И. Соломоник „О скифском государстве и его взаимоотношениях с греческими городами Северного Причерноморья“ (Сборник Гос. Керченского историко-археологического музея, Археология и история Боспора, Крымиздат, 1952). Эти же вопросы были освещены в моем докладе на майской сессии по истории Крыма в 1952 г. (П. Н. Шульц. О роли местных племен и народностей в истории древнего Крыма. Тезисы доклада. Крымиздат, 1952).

ОПИСАНИЕ ТАБЛИЦ

ЦВЕТНАЯ ВКЛЕЙКА I

Деревянный саркофаг. Торцовая сторона (I в. до н. э. — I в. н. э.)

Акварель.

Реконструкция О. И. Домбровского.

ЦВЕТНАЯ ВКЛЕЙКА II

Находки в деревянном саркофаге (I в. до н. э. — I в. н. э.)

1—3. Золотая сегментовидная пластина с рельефным точечным орнаментом в виде выходящего растения в центре, выпуклыми овалами вдоль ободка и точками по краю последнего. Два отверстия для нашивки.

Дл. от 5 см до 5,3 см, выс. от 2 см до 2,1 см. Н. в.

4. Золотая реберчатая биконическая бусина с рубчатыми валиками вокруг отверстий.

Помята и прорвана. Выс. 2 см. Н. в.

5. Золотой витой перстень из восьми витков массивной круглой проволоки с уплощенными концами, украшенными овальной и грушевидной вставками из темно-красного стекла в пластинчатой оправе.

Выс. 3,2 см, диаметр 1,9 см. Н. в.

6. Золотая плоская бляшка в виде двенадцатилепестковой розетки, середина и

лепестки выполнены из напаянных рубчатых проволочек. Четыре отверстия для нашивки.

Диаметр 2 см. Н. в.

7. Золотая игла с овальным ушком.

Дл. 8 см, шир. головки 0,3 см. Н. в.

8. Низка золотых миниатюрных украшений.

1 фрагмент золотой треугольной бляшки с сетчатым орнаментом и четырьмя отверстиями для нашивки.

Помят. Выс. 1,5 см, шир. 0,7 см. Н. в.

То же с 2 отверстиями для нашивки.

Выс. 0,9 см, шир. 0,8 см. Н. в.

Две плоские круглые подвески с ушком, с выпуклостью в центре и точечным орнаментом по ободку.

Диаметр 0,9 см. Н. в.

1 пронизь в виде трубочки, свернутой из пластинки листового золота.

Дл. 0,8 см, диаметр 0,2 см. Н. в.

2 пронизи в виде трубочек, свернутых из пластинки листового золота.

Дл. 0,8 см, диаметр 0,2 см. Н. в.

1 пронизь в виде трубочки, свернутой из пластинки листового золота. Орнаментирована поперечными насечками.

Дл. 1,3 см, диаметр 0,2 см. Н. в.

2 биконические бусины.

Выс. 0,5 см, диаметр 0,5 см. Н. в.

1 подвеска в виде полумесяца, с ушком, с тремя выпуклостями в центре и по углам полумесяца и с точечным орнаментом по ободку.

Дл. 1,3 см, шир. 0,5 см. Н. в.

9. Золотая круглая плоская подвеска на двойной цепочке с колечком, с ушком.

Диаметр 0,9 см, дл. (вместе с цепочкой и колечком) 5 см. Н. в.

10. Золотая пронизь из двух цилиндрических трубочек, свернутых из пластины листового золота, с профилированными пластинчатыми бортиками.

Дл. 2,7 см, шир. 1,4 см. Н. в.

11. То же.

Дл. 3,1 см, шир. 1,2 см. Н. в.

12. Низка из 18 сердоликовых бус эллипсоидной формы. Н. в.

13. Низка из 37 бус округлой, цилиндрической, кольцевидной, биконической, эллипсоидной формы из янтаря, цветной пасты и цветного стекла. Н. в.

Цветное фото В. В. Борисова.

ЦВЕТНАЯ ВКЛЕЙКА III

Золотые изделия и бусы из погребения III (конец II в. до н. э.)

1. Золотые овальные лицевые пластины с выпуклостью в середине, имитирующей глазное яблоко, с ресницами вокруг в виде рельефных полосок.

Пластины помяты, края немного повреждены. Дл. 3,7 см, шир. 2 см. Н. в.

2. Низка из 17 бус округлой, эллипсоидной, кольцевидной, пирамидальной и каплевидной формы из горного хрусталя, сердолика, янтаря, цветной пасты, золоченого стекла и 1 подвески из финикийского стекла в виде гротескной бородатой головы. Н. в.

3. Низка золотых украшений:

2 пронизи в виде цилиндрических трубочек, свернутых из пластинок листового золота. Дл. 1 см, диаметр 0,2 см;

3 пронизи в виде трубочек, свернутых из пластинок листового золота. Дл. 1,5 см, диаметр 0,2 см;

2 миниатюрные бусины. Диаметр 0,4 см, дл. 0,3 см;

1 бусина шаровидной формы с филигранными напаянными колечками. Выс. 0,5 см, шир. 0,7 см. Н. в.

4. Золотая круглая бляшка с рельефным изображением крылатого божества (Эрот?), точечным орнаментом по ободку и пятью отверстиями для нашивки.

Сильно помята. Диаметр 2,5 см. Н. в.

5. Низка из 29 бус округлой, шаровидной, пирамидальной, эллипсоидной, грушевидной, цилиндрической и оваловидной формы из граната, сапфира, сердолика, янтаря, мрамора, цветной пасты и цветного стекла. Н. в.

6. Низка из 27 бус округлой, шаровидной, оваловидной и цилиндрической формы из горного хрусталя, белой и цветной пасты и цветного стекла и 1 янтарная подвеска грушевидной формы. Н. в.

7. Круглый плоский медальон из бледного золота (электра?) с ушком, с семью круглыми выпуклостями в центре и двумя рядами точечного орнамента по ободку.

Диаметр 3,2 см. Н. в.

8. То же, с шестью круглыми выпуклостями в центре. Н. в.

Цветное фото В. В. Борисова.

ТАБЛИЦА I

Погребение в каменной гробнице (конец II в. до н. э.):

а) расположение костей и инвентаря в каменной гробнице (рисунок О. И. Домбровского);

б) восстановление расположения костяка и инвентаря в каменной гробнице (реконструкция О. И. Домбровского).

ТАБЛИЦА II

Золотые изделия из каменной гробницы (конец II в. до н. э.)

1. Спираль, свернутая из узкой пластинки, перевивавшая рукава и штаны погребенного.

Шир. 0,3 см. Н. в.

2. Пластинка овальной формы с точечным орнаментом по ободку. Из насыпи гробницы.

Дл. 7 см, шир. 3,5 см. Н. в.

3. Бляшки в виде шестиконечных звезд, полые, с колечком из напаянной проволоки в центре и с тремя ушками для нашивки, припаянными с обратной стороны.

Шир. 1,5 см. Н. в.

4. Бляшки в виде бутона, полые внутри, с тремя ушками для нашивки, припаянными с обратной стороны.

Дл. 1 см, шир. 0,7 см. Н. в.

5. Бляшки выпуклые в виде львиной головки, с колечком в пасти, к которому прикреплена дискообразная подвеска на цепочке. Глаза инкрустированы цветной пастой.

Пастовая инкрустация и колечки с подвесками не везде сохранились.

Диаметр основания 1,3 см. Выс. рельефа 1,6 см. Н. в.

6. Бляшки плоские в виде капель, со сплошным точечным орнаментом и гладким ободком.

Дл. 2,2 см, шир. 1 см. Н. в.

7. Бляшки плоские, в виде мухи, с четырьмя ушками, припаянными с обратной стороны.

Дл. 1,4 см, шир. 1,2 см. Н. в.

8. Бляшки круглые, выпуклые, в виде щитов, с двумя ободками из ложновитой и гладкой проволоки, с орнаментом в виде колечка в центре и четырех полумесяцев, из напаянной ложновитой проволоки. Внутри орнамента следы цветной пасты. С обратной стороны припаяны три ушка для нашивки.

Диаметр 1,3 см. Н. в.

9. Бляшки круглые, выпуклые, в виде щита, с двойным ободком и колечком в центре из напаянной гладкой или ложно-

витой проволоки. С обратной стороны припаяны три ушка для нашивки.

Диаметр 1,3 см. Н. в.

10. Бляшка плоская, в виде волны, обращенной влево, со сплошным точечным орнаментом и гладким ободком.

Выс. 1,8 см, дл. основания 2 см. Н. в.

11. То же.

Выс. 2,1 см, дл. основания 2 см. Н. в.

12. То же.

Выс. 2,3 см, дл. основания 2 см. Н. в.

13. То же в виде волны, обращенной вправо.

Выс. 2 см, дл. основания 1,8 см. Н. в.

14. Сорок две пронизи в виде цилиндрических трубочек, свернутых из пластинок листового золота.

Дл. 1—1,5 см, диаметр 0,2 см. Н. в.

15. Низка из тридцати четырех бочковидных полых бус с валиками из ложновитой проволоки вокруг отверстий.

Некоторые сильно помяты. Н. в.

Фото Ф. А. Тимофеева.

ТАБЛИЦА III

Золотые изделия из каменной гробницы (конец II в. до н. э.)

1. Медальон с изображением головы Аполлона(?).

Круглая бляшка из золотой пластины с рельефным погрудным изображением мужского божества в центре (Аполлон?). По ободку точечный орнамент. Четыре отверстия для нашивки.

Диаметр 2,5 см. Сильно помята. Ув. в 3 раза.

а) Изображение в фас.

б) Изображение в профиль.

в) Изображение в три четверти.

2. Львиная головка с подвеской.

Золотое украшение одежды в виде полый рельефной львиной головки со схематически обозначенной гривой, глазами, инкрустированными цветной пастой, и дискообразной подвеской на цепочке. Вокруг головки плоский гладкий ободок.

Диаметр 1,3 см, выс. рельефа 1,6 см.
Ув. в 5 раз.

- а) Изображение в фас.
 - б) Изображение в профиль.
 - в) Изображение в три четверти.
- Фото Ф. А. Тимофеева.

ТАБЛИЦА IV

Бронзовые крючки и золотые украшения колчана из каменной гробницы (конец II в. до н. э.)

1. Бронзовое кольцо для подвешивания с крючком в виде головы водоплавающей птицы; на кольце остатки железной пластины.

Диаметр кольца 3 см, толщина 0,5 см, дл. (вместе с крючком) 4,5 см. Н. в.

2. Бронзовое кольцо для подвешивания с крючком в виде головы водоплавающей птицы; на кольце остатки бронзовых и железных пластин.

Диаметр кольца 3 см, толщина 0,5 см, дл. (вместе с крючком) — 3,5 см. Н. в.

3, 4, 5. Золотые плоские бляшки в виде вытянутого треугольника со сплошным точечным орнаментом по поверхности, ободок гладкий.

Дл. 4,2 см, шир. основания 1,5 см. Н. в.
6 — 17. То же.

Дл. 2,8 см, шир. основания 1,3 см. Н. в.
18. То же.

Края повреждены. Дл. 1,6 см, шир. 1 см. Н. в.

19. Золотая выпуклая пластина треугольной формы, с широким плоским ободком, загнутым внутрь, орнаментированная четырьмя рельефными косо расположенными полосками, с тремя отверстиями для нашивки.

Дл. основания 10,5 см, выс. 7,7 см. Н. в.
Фото Ф. А. Тимофеева.

ТАБЛИЦА V

Находки из каменной гробницы (конец II в. до н. э.)

1. Обломок железного трехлопастного наконечника стрелы.

Дл. 3,5 см, шир. 0,5 см. Н. в.

2. То же.

Дл. 5 см, шир. 1 см. Н. в.

3. То же.

Дл. 3,1 см, шир. 0,5 см. Н. в.

4. Железный нож с закругленной спинкой. Рукоятка не сохранилась.

Дл. 9,2 см, шир. 1,4 см. Н. в.

5. Обломок железного трехлопастного наконечника стрелы.

Дл. 3,5 см, шир. 0,6 см. Н. в.

6. То же.

Дл. 5,2 см, шир. 0,5 см. Н. в.

7. То же.

Дл. 3 см, шир. 0,5 см. Н. в.

8. То же.

Дл. 3,5 см, шир. 0,6 см. Н. в.

9. То же.

Дл. 3,7 см, шир. 0,8 см. Н. в.

10. То же.

Дл. 3,5 см, шир. 0,5 см. Н. в.

11. То же.

Дл. 2,3 см, шир. 0,6 см. Н. в.

12. Серебряная фибула с широкой пластинчатой орнаментированной дужкой и спиральной пружинкой.

Фрагментирована. Дл. 4 см, шир. 1,4 см. Н. в.

13. Золотая ромбовидная фибула с четырехлепестковой розеткой из гладких напаянных пластинок и розетками из псевдозерни.

Две розетки и игла утрачены. Дл. 5 см, шир. 4 см. Н. в.

14. Бусина из цветной пасты с глазками. Из насыпи гробницы.

Выс. 2,1 см, диаметр 2,5 см. Н. в.

15. Серебряная обкладка навершия меча с кольцевидным перехватом в центре, орнаментированная каймой в виде трех отогнутых лепестков по краям.

а) Вид сверху.

б) Вид сбоку.

Дл. 7,5 см, шир. 1,8 см, выс. 1 см. Н. в.

Фото Ф. А. Тимофеева.

ТАБЛИЦА VI

Наконечники железных копий из каменной гробницы (конец II в. до н. э.)

1. Железный втульчатый наконечник копья с пером лавролистной формы.

Дл. 41,2 см, шир. 5,5 см. 1/2 н. в.

2. То же.

Край пера обломан.

Дл. 44 см, шир. 4,8 см. 1/2 н. в.

3. Железный втульчатый наконечник копья с пером лавролистной формы. Фрагментирован. Дл. 37 см, шир. 6 см. 1/2 н. в.

Фото Ф. А. Тимофеева.

ТАБЛИЦА VII

Железный меч из погребения II (конец II в. до н. э.)

Длинный железный меч с закругленным концом, с перекрестием в виде опрокинутой чаши и ребром вдоль полосы (костяк № 30).

Навершие утрачено. Фрагментирован.

Дл. 1,02 м, шир. перекрестия 4 см. 1/5 н. в.

Фото Ф. А. Тимофеева.

ТАБЛИЦА VIII

Деревянный саркофаг. Продольная сторона (I в. до н. э. — I в. н. э.)

Черным обозначены восстановленные в гипсе детали.

Реконструкция О. И. Домбровского.

ТАБЛИЦА IX

Деревянный саркофаг. Продольная сторона (I в. до н. э. — I в. н. э.)

Восстановление продольной стороны.

Реконструкция О. И. Домбровского.

ТАБЛИЦА X

Железный меч из погребения XXIV (I в. до н. э.) и железный кинжал из погребения XXXII (I—II в. н. э.)

1. Железный меч с кольцевым навершием и прямым перекрестием. Погребение XXIV, костяк № 20. I в. до н. э.

Фрагментирован. Дл. ок. 43 см, шир. перекрестия 5,5 см. Н. в.

2. Железный кинжал с плоским широким черенком и следами деревянных ножен, окрашенных красной краской. Погребение XXXII, костяк 16. I—II вв. н. э.

Навершие утрачено. Дл. 39 см, шир. перекрестия 4,4 см. 1/2 н. в.

Фото Ф. А. Тимофеева.

ТАБЛИЦА XI

Железные изделия из погребения II и III (конец II в. до н. э.)

1. Железное массивное навершие удлиненной формы, круглое в сечении, с двумя кольцевидными перехватами и витым орнаментом. Погребение III, костяк № 5.

Фрагментировано. Дл. 22 см, шир. ок. 3,2 см. 1/2 н. в.

2. Железное навершие в виде полого шара на изогнутом стержне. Погребение II, костяк № 30.

Склеен из двух фрагментов. Дл. 23,8 см, шир. головки 3,8 см. 1/2 н. в.

3. Железная секира со втулкой. Погребение II, костяк № 30.

Состоит из трех фрагментов. Дл. ок. 26 см, шир. лезвия 5,5 см, дл. втулки ок. 12 см. 1/2 н. в.

Фото Ф. А. Тимофеева.

ТАБЛИЦА XII

Воинское снаряжение из разных погребений

1. Железный нож с закругленной спинкой. Рукоятка не сохранилась. Погребение XI. I в. до н. э. Дл. 8,4 см, шир. 1,3 см. Н. в.

2. То же.

Дл. 8 см, шир. 1,5 см. Н. в.

3. Обломок головки железного трехлопастного наконечника стрелы из каменной гробницы. Конец II в. до н. э.

Дл. 2,9 см, шир. 0,5 см. Н. в.

4. То же.

Дл. 3,2 см, шир. 0,6 см. Н. в.

5. Железный наконечник стрелы, трехлопастный черенковый. Погребение XXV. I в. до н. э. — I в. н. э.

Дл. 2,5 см, шир. 0,9 см. Н. в.

6. Железные кольчатые удила с восьмеркообразными псалиями. Погребение II. Конец II в. до н. э.

Фрагментировано. Дл. 14,5 см, диаметр колец 3,7 см. Н. в.

Фото Ф. А. Тимофеева.

ТАБЛИЦА XIII

Стрелы и уздечные наборы из погребения I и II (конец II в. до н. э.)

1. Бронзовые части конского уздечного набора, состоящие из колец и надетых на них сдвоенных зажимов от уздечного ремня. Погребение I.

Зажимы фрагментированы. Диаметр колец 2,3—2,5 см, дл. зажимов 5 см. Н. в.

2. Обломок железного наконечника стрелы, трехлопастного, втульчатого. Погребение I.

Дл. 4,6 см, шир. 0,6 см, диаметр втулки 0,5 см. Н. в.

3. Обломок железного наконечника стрелы трехлопастного черенкового. Оттуда же.

Дл. 7 см, шир. 1,1 см. Н. в.

4. Обломок железного наконечника стрелы трехлопастного, втульчатого. Оттуда же.

Дл. 4,9 см, шир. 0,7 см, диаметр втулки 0,4 см. Н. в.

5. Обломок железного трехлопастного наконечника стрелы. Оттуда же.

Дл. 2,3 см, шир. 1 см. Н. в.

6. Бронзовые части конского уздечного набора: кольца в виде колес с четырьмя спицами и с четырьмя округлыми выступами; на кольцах сдвоенные зажимы от уздечных ремней. Погребение II.

Зажимы фрагментированы. Диаметр колец 2,5 см. Н. в.

7. Бронзовая литая пряжка от уздечного набора в виде фигурки животного на прямоугольной подставке. Фигурка живот-

ного орнаментирована вдавленными кружками с углублениями в центре. Так же трактованы и глаза. Погребение II.

Дл. 5,7 см, выс. 2,5 см, шир. 1,7 см. Н. в.

Фото Ф. А. Тимофеева.

ТАБЛИЦА XIV

Бронзовые изделия с изображением зверей из разных погребений

1. Бронзовое втульчатое навершие в виде трезубца с бараньими головками на боковых зубцах. Погребение XXI, костяк № 2. I в. до н. э. — I в. н. э.

Выс. 3,5 см, шир. 4,5 см. Н. в.

2. Бронзовое кольцо для подвешивания с крючком в виде головы водоплавающей птицы; на кольце остатки железной пластины. Каменная гробница. Конец II в. до н. э.

Диаметр кольца 3 см, толщина 0,5 см, дл. (вместе с крючком) 4,5 см. Н. в.

3. Бронзовое кольцо для подвешивания с крючком в виде головы водоплавающей птицы; на кольце остатки бронзовых и железных пластин. Каменная гробница. Конец II в. до н. э.

Диаметр кольца от 2,5 до 3 см, дл. (вместе с крючком) 3,5 см. Н. в.

4. Бронзовая пряжка в виде фигурки животного с повернутой назад головой, на прямоугольной подставке. Каменная гробница. Конец II в. до н. э.

Выс. 3,7 см, дл. 4,2 см, шир. 2,3 см. Н. в.

5. Бронзовая пряжка в виде животного, стоящего на прямоугольном основании. Фигурка животного орнаментирована штампованными кружками с углублениями в центре. В виде таких же кружков трактованы и глаза. Погребение II, костяк № 30. Конец II в. до н. э.

Дл. 5,7 см, выс. 2,5 см. Н. в.

а) Вид слева.

б) Вид в фас.

в) Вид справа.

Фото Ф. А. Тимофеева.

ТАБЛИЦА XV

Серебряные и бронзовые изделия из разных погребений

1. Бронзовый ложновитой браслет с уплощенными концами. Погребение III. Конец II в. до н. э.

Диаметр от 4,2 см до 4,7 см. Н. в.

2. То же.

Диаметр от 5,3 см до 5,5 см. Н. в.

3. Бронзовый ложновитой браслет с закрученными концами. Погребение XXIX, костяк № 10. I в. до н. э. — I в. н. э.

Диаметр от 6,5 см до 6,8 см. Н. в.

4. Бронзовый крючок с кольцом сверху и дисковидным выступом внизу. Погребение I. Конец II в. до н. э.

Дл. 5,5 см, диаметр кольца 2 см. Н. в.

5. Серебряный медальон (щиток от фибулы) с рельефным погрудным изображением Артемиды. На ободке точечный орнамент в виде волны. Погребение XIII. II—I в. до н. э.

Игла утрачена. Сохранность плохая. Диаметр 4,5 см.

6. Фрагмент бронзовой фибулы с широкой дужкой и спиральной пружинкой. Погребение XV, костяк № 69. Конец II—I в. до н. э.

Дл. 5,5 см, шир. дужки 0,8 см.

7. Бронзовая прямоугольная пряжка с вогнутыми внутрь сторонами. Погребение XXVI, костяк № 1. I в. до н. э.

Язычок утерян. Дл. 4 см, шир. 2,5 см. Н. в.

8. Бронзовая пряжка из двух колец, соединенных в центре ромбовидной пластиной с рельефным изображением маски. Погребение XXIV, костяк № 20. I в. до н. э.

Дл. 7 см, диаметр колец 2,3 см. Н. в.

Фото Ф. А. Тимофеева.

ТАБЛИЦА XVI

Бронзовые изделия из разных погребений

1. Бронзовая детская гривна из проволоки круглой в сечении, один из концов

которой украшен вдавленными кружками, а другой—вдавленными точками. Погребение XXVIII, костяк № 25. I в. до н. э. — I в. н. э.

Диаметр ок. 10 см. Н. в.

2. Бронзовое кольцо с овальным щитком. Найдено около погребения коня № 3. Конец II—I в. до н. э.

Диаметр кольца 2 см, диаметр щитка от 1,2 см до 1,4 см. Н. в.

3. Бронзовый пластинчатый витой детский перстень. Погребение III. Конец II в. до н. э.

Диаметр 1,1 см, выс. 1,2 см. Н. в.

Фрагмент бронзового пластинчатого перстня с круглой вставкой из граната. Погребение III. Конец II в. до н. э.

Дл. 1 см, диаметр вставки 0,5 см. Н. в.

4. Бронзовая арбалетовидная фибула с многовитковой пружинкой. Погребение XIII, костяк № 57. Конец II в. до н. э.

Дл. 8,5 см, шир. 2,6 см. Н. в.

5. Бронзовая пряжка полуовальной формы с язычком. Погребение XXV, костяк № 41. I в. до н. э. — I в. н. э.

Дл. 3,7 см, шир. 3 см. Н. в.

6. Бронзовая пряжка полуовальной формы с язычком. Погребение XXVIII, костяк № 19. I в. до н. э. — I в. н. э.

Дл. 3,4 см, шир. 3,2 см. Н. в.

7. Бронзовый пластинчатый браслет с несомкнутыми концами, найден на ноге детского костяка. Погребение IV, костяк № 49. I в. до н. э.

Диаметр от 5 см до 5,5 см. Н. в.

Фото Ф. А. Тимофеева.

ТАБЛИЦА XVII

Бронзовые зеркала из разных погребений

1. Бронзовое круглое зеркало с рубчатым ободком и длинной ручкой, с головкой кабана на конце. Погребение II, костяк № 51. Конец II в. до н. э.

Разбито на 3 куска. У края трещина.

Диаметр 13,5 см, дл. (вместе с ручкой) ок. 27 см. 1/2 н. в.

2. Бронзовое круглое зеркало, гладкое, с черенком для ручки. Погребение III. Конец II в. до н. э.

Разбито на 2 фрагмента. Диаметр 6,5 см. $\frac{1}{2}$ н. в.

3. То же без ручки. Погребение XIII (у черепа № 58). Конец II—I в. до н. э. Склеено из 4 фрагментов. Диаметр 8 см.

$\frac{1}{2}$ н. в.

4. То же, с широким ободком и короткой ручкой. Погребение XV, костяк № 69. Конец II—I в. до н. э.

Склеено из нескольких фрагментов. Диаметр 16 см, дл. (вместе с ручкой) 22 см. $\frac{1}{2}$ н. в.

5. То же с небольшим черенком для ручки и легкой закраиной. Погребение XIII (у черепа № 58). Конец II в. до н. э. Разбито на 2 фрагмента. Диаметр 14 см.

$\frac{1}{2}$ н. в.

Фото Ф. А. Тимофеева.

ТАБЛИЦА XVIII

Глиняные флаконы из разных погребений (конец II—I в. до н. э.)

1. Краснолаковый флакон с вытянутым узким горлом, слегка скошенным венчиком, яйцевидным туловом и узкой ножкой на круглой подставке. Глина оранжевая, лак коричневатого тона хорошего качества. Погребение XI. I в. до н. э.

Часть венчика отбита. Лак местами сбит.

Выс. 19,5 см, диаметр венчика 4 см. $\frac{1}{2}$ н. в.

2. Флакон с вытянутым туловом, со скошенным венчиком. Глина желтовато-серая. Покрыт серой обмазкой с тремя белыми полосами. Погребение III, костяк № 40. Конец II в. до н. э.

На поверхности имеются незначительные сбой. Выс. 22,3 см, диаметр венчика 3,3 см. $\frac{1}{2}$ н. в.

3. Красноглиняный флакон со скошенным венчиком. Погребение XXIV. I в. до н. э.

Склеен из трех фрагментов. Выс. 17,8 см, диаметр венчика 3 см. $\frac{1}{2}$ н. в.

4. Глиняный флакон со скошенным вен-

чиком. Покрыт серой обмазкой с тремя белыми полосами. Погребение X, костяк № 53. II—I в. до н. э.

Выс. 19 см, диаметр венчика 3 см. $\frac{1}{2}$ н. в.

5. Красноглиняный флакон с высоким горлом, скошенным венчиком, яйцевидным туловом и узкой ножкой на круглой профилированной подставке. Погребение XII. I в. до н. э.

Склеен из трех фрагментов. Выс. 14,5 см, диаметр венчика 2,5 см. $\frac{1}{2}$ н. в.

Фото Ф. А. Тимофеева.

ТАБЛИЦА XIX

Глиняные сосуды из разных погребений

1. Красноглиняный кувшин с широким округлым туловом, отогнутым наружу венчиком, уплощенной ручкой и кольцевидным поддоном. Покрыт неравномерно красной обмазкой. Фрагментированный. Погребение XVII, костяк № 55. I в. н. э.

Склеен из многих фрагментов. Выс. 18,5 см, диаметр венца 8,5 см. $\frac{1}{2}$ н. в.

2. Кувшин из светлокоричневой глины с округлым туловом, отогнутым наружу венчиком, уплощенной ручкой и кольцевидным поддоном. Погребение XXXII, костяк № 16. I в. н. э.

Выс. 18,5 см, диаметр венца 7,7 см. $\frac{1}{2}$ н. в.

3. Сероглиняная чаша полушаровидной формы с плоским краем и кольцевидным поддоном. Покрыта черной краской. Погребение XXV, костяк № 41. I в. до н. э.—I в. н. э.

Склеена из 8 фрагментов. Краска местами стерта. Выс. 8,2 см, диаметр 17,5 см. $\frac{1}{2}$ н. в.

Фото Ф. А. Тимофеева.

ТАБЛИЦА XX

Глиняные сосуды из разных погребений

1. Кувшинчик из коричневой глины с расширяющимся сверху горлом, узким венчиком, округлым туловом, уплощенной ручкой и незначительно выступающим

плоским дном. Неравномерно покрыт жидким бурым лаком. Погребение III. Конец II в. до н. э.

Края доньшка местами отбиты. Выс. 10,6 см, диаметр венчика 3 см. $\frac{1}{2}$ н. в.

2. Красноглиняная фрагментированная чашка с плоским краем и кольцевидным поддоном. Снаружи и внутри покрыта красной обмазкой. Погребение XXXVII, костяк № 8. I — нач. II в. н. э. (?)

Склеена из 4 фрагментов. Края местами повреждены. Снаружи обмазка сохранилась лишь местами. Выс. 4,4 см, диаметр 9,5 см. $\frac{1}{2}$ н. в.

3. Красноглиняная чашка полушаровидной формы со скошенным внутрь краем и высоким кольцевидным поддоном. Погребение XII. I в. до н. э.

Склеена из 3 фрагментов. Выс. 4,2 см, диаметр 9 см. $\frac{1}{2}$ н. в.

4. Глиняный однорожковый светильник лепной работы с уплощенной ручкой. Погребение X. Конец II — I в. до н. э.

Края рожка немного сбиты. Поверхность закопчена. Выс. 5,3 см, дл. 11 см, шир. 8 см. $\frac{1}{2}$ н. в.

5. Краснолаковая фрагментированная чашка из светлой глины, полушаровидной формы, на кольцевидном поддоне. Лак хорошего качества, коричневатого оттенка, покрывает сосуд неравномерно. Найдена около погребения коня № 3. Конец II в. до н. э.

Склеена из многих фрагментов. Лак местами сбит. Выс. 6 см, диаметр 10,9 см. $\frac{1}{2}$ н. в.

6. Красноглиняная чашка с высоким поддоном. Погребение XXV, костяк № 41. I в. до н. э.

Выс. 3,9 см, диаметр 10,5 см. Н. в.
Фото Ф. А. Тимофеева.

ТАБЛИЦА XXI

Лепной сосуд — курильница из погребения III (конец II в. до н. э.)

Массивный лепной чернолощенный сосуд из грубой серой глины, с коротким горлом

и широким плоским краем, на низкой ножке, расширяющейся в массивный плоский поддон. На краю сосуда два сквозных отверстия (для подвешивания). Орнаментирован круглыми углублениями и врезанными линиями, образующими концентрические круги и горизонтальные и вертикальные полосы. Резной орнамент заполнен белой пастой.

Склеен из 2 фрагментов. Поверхность местами сильно сбита.

Выс. 14 см, диаметр венца 7 см. Н. в.
Фото Ф. А. Тимофеева.

ТАБЛИЦА XXII

Золотые изделия и бусы из погребения XIII (конец II — I в. до н. э.)

1. Золотая круглая, плоская бляшка с рельефной шестилепестковой розеткой и двумя отверстиями для нашивки.

Диаметр 1,6 см. Н. в.

2. Низка из 16 бус округлой, бочковидной, эллипсоидной, биконической и кольцевидной формы из сердолика, янтаря, цветной пасты, простого и золоченого стекла. Н. в.

3. Золотая круглая бляшка в виде умбона со сплошным точечным орнаментом и четырьмя отверстиями для нашивки.

Диаметр 2 см. Н. в.

4. Две золотые плоские бляшки (а, б) в виде ромбов в средней части и двух примыкающих к его вершинам треугольников, с орнаментом из псевдозерни на поверхности ромба, с двумя розетками на треугольниках и с шестью напаянными по углам гнездами, заполненными цветной пастой.

В одном гнезде пастовая инкрустация утрачена. Дл. 1,4 см, шир. 0,7 см. Н. в.

5. Бусина неправильно удлиненной формы из белой стеклянной пасты с глазками из концентрических синих и белых кружков.

Дл. 4,2 см, диаметр 1,8 см. Н. в.

6. Золотая бляшка со стилизованным изображением пучка молний в виде пяти

рельефных полосок, с точечным орнаментом на центральной и крайних из них и с четырьмя отверстиями для нашивки.

Дл. 2,5 см, шир. 1,3 см. Н. в.

7. Две золотые пластинки трапециевидной формы, составляющие вместе бляшку в виде пучка молний, аналогичную с предыдущей, но с пятью отверстиями для нашивки.

Общ. дл. 2,4 см, шир. 1,4 см. Н. в.

8. Золотая круглая бляшка в виде умбона с точечным орнаментом по ободку и крест-накрест по поверхности умбона, с четырьмя отверстиями для нашивки.

Диаметр 2 см. Н. в.

9. Золотая круглая, плоская бляшка с рельефной шестилепестковой розеткой и двумя отверстиями для нашивки.

Диаметр 1,6 см. Н. в.

10. Золотая круглая, плоская бляшка с рельефной семилепестковой розеткой из напаянной проволоки с выпуклостью в центре, окруженной валиком из перекрученной пластинки.

Диаметр 1,5 см. Н. в.

11. Золотая круглая, плоская бляшка с шестью выпуклостями в центре и точечным орнаментом по ободку, с тремя отверстиями для нашивки.

Диаметр 1,6 см. Н. в.

12. Золотая круглая бляшка в виде умбона со сплошным точечным орнаментом и пятью отверстиями для нашивки.

Диаметр 2 см. Н. в.

13. Низка из 77 бус биконической, округлой, кольцевидной и цилиндрической формы из золоченого, цветного и простого стекла. Н. в.

14. Низка из 107 бус округлой, шаровидной, кольцевидной и цилиндрической формы из гагата, цветной пасты, цветного и золоченого стекла. Н. в.

15. Бусина цилиндрическая из синего стекла с белым пояском и бородавчатыми налестками в виде выпуклых глазков из белого и синего стекла.

Дл. 1,6 см, диаметр 1,5 см. Н. в.

16. Янтарная плоская подвеска овальной формы.

Поверхность янтаря сильно разложилась. Дл. 3,3 см, диаметр 2 см. Н. в.

17. Бусина округлая из пестрой цветной пасты.

Выс. 1,4 см, диаметр 2,1 см. Н. в.

18. Низка из 24 бус округлой, эллипсоидной, оваловидной, грушевидной и кольцевидной формы из янтаря, гагата и цветной пасты (из погребения XIV, костяк № 68, I в. н. э.?). Н. в.

Фото Ф. А. Тимофеева.

ТАБЛИЦА XXIII

Золотые изделия из погребения VIII (I в. до н. э.)

1. Низка из 102 бус округлой, цилиндрической, кольцевидной, биконической и оваловидной формы из цветной пасты и цветного золоченого стекла и 2 кувшинообразные подвески из цветного стекла. Н. в.

2. Низка из 47 бус округлой, эллипсоидной и шаровидной формы из сердолика, горного хрусталя, янтаря, белой и цветной пасты и стекла. Н. в.

3, 4, 5. Золотые круглые бляшки с выступом в виде умбона, точечным орнаментом по ободку и четырьмя отверстиями для нашивки. Н. в.

6, 7, 8. Золотые круглые бляшки с выступом в виде умбона и точечным орнаментом по ободку, с тремя отверстиями для нашивки.

Помяты, края местами повреждены. Диаметр 1,5 см. Н. в.

9. Золотая двойная пронизь в виде двух спаянных вместе трубочек с точечным орнаментом.

Дл. 3 см, шир. 0,7 см. Н. в.

Фото Ф. А. Тимофеева.

ТАБЛИЦА XXIV

Золотые изделия и бусы из погребений II (конец II в. до н. э.) и XXII (I в. до н. э.)

1. Низка из 89 бус округлой, кольцевидной, биконической, бочковидной, оваловидной, шаровидной и цилиндрической формы из сердолика, горного хрусталя, янтаря, гагата, цветной пасты и цветного, золоченого и простого стекла. Н. в.

2, 8. Две золотые круглые, плоские бляшки с рельефными лучами и с тремя отверстиями для нашивки.

Диаметр от 1,5 см до 1,7 см. Н. в.

Диаметр от 2 см до 2,1 см. Н. в.

4, 6. То же, с четырьмя отверстиями для нашивки.

Диаметр от 2 см до 2,1 см. Н. в.

3, 5, 7. Золотые круглые бляшки в виде умбонов с точечным орнаментом по ободку и с отверстиями для нашивки.

Диаметр от 1,7 см до 1,8 см. Н. в.

9, 10. Две золотые плоские бляшки в виде „пучка молний“ с точечным орнаментом по ободку и с четырьмя отверстиями для нашивки.

Дл. 2,5 см, шир. 1,2 см. Н. в.

11. Низка из 20 бус округлой, эллипсоидной и шаровидной формы из сердолика и цветной пасты. Н. в.

12. Низка из 31 бусины округлой, эллипсоидной, шаровидной, биконической, кольцевидной, цилиндрической и неправильно удлиненной формы из сердолика, белой и цветной пасты и золоченого стекла. Н. в.

13. Низка из 18 бус эллипсоидной, битрапецидной и округлой формы из сердолика, гагата, цветной пасты и стекла. Н. в.

Фото Ф. А. Тимофеева.

ТАБЛИЦА XXV

Золотые изделия из разных погребений (конец II—I в. до н. э.—I—II вв. н. э.)

1. Золотая двойная пронизь в виде двух спаянных вместе трубочек, покрытых точечным орнаментом. Погребение VIII. I в. до н. э.

Дл. 3,1 см, шир. 0,7 см. Н. в.

2—7. Золотые подвески в виде полых амфорок, прикрепленных венцами к рубча-

тым трубочкам. Погребение XX, костяк № 4. I в. до н. э.

Сильно помяты. Дл. 2,1 см, шир. 1,2 см. Н. в.

8, 13. Золотые круглые плоские бляшки с орнаментом в виде семи рельефных концентрических кружков и точечным орнаментом по ободку. Три отверстия для нашивки. Погребение XIII, костяк № 57. Конец II—I в. до н. э.

Диаметр 1,6 см. Н. в.

9. Золотая круглая плоская бляшка с рельефной многолепестковой розеткой в обрамлении из рельефных точек и с таким же точечным орнаментом по ободку. Четыре отверстия для нашивки. Диаметр 1,8 см. Н. в.

10, 12, 14, 15—19, 21, 22, 26, 27. Золотые круглые бляшки в виде умбонов с точечным орнаментом по ободку и отверстиями для нашивки.

Диаметр от 1,4 см до 1,8 см. Н. в.

11. Золотая круглая плоская бляшка с восемью рельефными лучами. Четыре отверстия для нашивки.

Диаметр 2 см. Н. в.

20. Золотая подвеска в виде шаровидного сосулика с цилиндрическим горлом и припаянным к последнему овальным ушком.

Стенки сильно смяты и порваны. Выс. 1,6 см, диаметр ок. 1,2 см. Н. в.

25. Золотая биконическая реберчатая пронизь с пластинчатыми валиками вокруг отверстий. Погребение XV. Конец II—I в. до н. э.

Выс. 1,4 см, диаметр 1,2 см. Н. в.

23. Пронизи в виде трубочек, свернутых из пластинок листового золота. Погребение XXIII, костяк № 33. I в. до н. э.

Ср. дл. 1,3 см, диаметр 0,2 см. Н. в.

24. Двойная пронизь в виде двух широких трубок, свернутых из пластины листового золота. Найдена около погребения коня № 3.

Дл. 2,9 см, шир. 1,4 см, диаметр трубок 0,6 см. Н. в.

28, 32. Золотые рубчатые пронизи в виде трубочек. Погребение XXVII. I в до н. э. — I в. н. э.

Дл. 2,5 см, диаметр 0,4 см. Н. в.

29, 31. Золотые рубчатые пронизи в виде трех трубочек, спаянных вместе. Оттуда же.

Дл. 2,5 см, диаметр трубочек 0,4 см. Н. в.

30. То же в виде четырех трубочек, спаянных вместе. Оттуда же. Н. в.

Фото Ф. А. Тимофеева.

ТАБЛИЦА XXVI

Золотые изделия и бусы из погребения X (конец II—I в. до н. э.)

1. Низка из 99 бус бочковидной формы из темного стекла с белым пояском. Н. в.

2—5, 8—11. Золотые круглые бляшки в виде умбонов с гладкими ободками и тремя отверстиями для нашивки.

Вершины бляшек повреждены. Диаметр 1,3 см. Н. в.

6. Золотая пронизь в виде волнообразного завитка с рельефным ободком.

Дл. 1,1 см, шир. 0,6 см. Н. в.

7. Золотая бляшка в виде пятилепестковой розетки с тремя отверстиями для нашивки.

Диаметр от 1 см до 1,1 см. Н. в.

12. Бусина плоская, ромбовидная, из желтого стекла.

Дл. 2,4 см, диаметр 1,1 см. Н. в.

13. Бусина янтарная, эллипсоидная.

Края отверстия повреждены. Дл. 1,5 см, диаметр 0,5 см. Н. в.

14—20. Золотые круглые бляшки в виде умбонов с выпуклыми точками в середине и точечным орнаментом по ободкам и отверстиями для нашивки.

Диаметр 1,5 см. Н. в.

21, 27. Золотая пронизь в виде пяти напаянных трубочек, длинной внизу и самой короткой сверху.

Дл. 1,2 см, выс. 0,8 см. Н. в.

22, 23, 26. То же из трех трубочек.

Дл. 1,2 см, выс. 0,5 см. Н. в.

24. Золотая подвеска в виде биконического круглодонного сосудика с тремя кольцевидными носиками.

Дно прорвано. Выс. 1,1 см, диаметр 1,1 см. Н. в.

25. Золотая бляшка в виде колпачка с двумя отверстиями для нашивки.

Помята. Выс. 0,5 см, диаметр 0,9 см. Н. в.

28. Низка из 15 бус округлой, бочковидной, цилиндрической и кольцевидной формы из белой и цветной пасты и цветного стекла. Н. в.

29. Низка из 20 бус округлой, бочковидной, шаровидной и кольцевидной формы из сердолика, янтаря, цветной пасты и цветного и золоченого стекла. Н. в.

30. Низка из 17 бус округлой, бочковидной и биконической формы из сердолика, цветной пасты и цветного стекла. Н. в.

Фото Ф. А. Тимофеева.

ТАБЛИЦА XXVII

Золотые изделия и бусы из погребения IX (костяк № 72, конец II—I в. до н. э.)

1, 2. Золотые пронизи из пластин листового золота, свернутых в виде трубочек, с рубчатыми валиками по краям.

Помяты. Дл. 2 см, диаметр 0,5 см. Н. в.

3, 4. Золотые круглые бляшки в виде умбонов с точечным орнаментом по ободку и отверстиями для нашивки.

Диаметр от 1,8 см до 2 см. Н. в.

5. Низка из 19 бус округлой, эллипсоидной и биконической формы из сердолика, янтаря и цветного и золоченого стекла. Н. в.

6, 7. Золотые выпуклые лицевые пластины для наложения на глаза погребенного, с прорезью в центре, окаймленной рядом рельефных полосок, имитирующих ресницы, с точками по углам.

Помяты. Дл. 4,2 см, шир. 2,5 см. Н. в.

8. Золотая выпуклая лицевая пластина для наложения на рот погребенного, с прорезью в центре и с тремя точками в каждом углу.

Дл. 6,5 см, шир. 2,8 см. Н. в.
9—14. Золотые плоские ромбовидные
бляшки с рельефными ободками из напаян-
ных пластинок и сплошным точечным орна-
ментом по углам, с четырьмя отверстиями
для нашивки.

Дл. от 2,7 см до 3 см; шир. от 1,8 см
до 1,9 см. Н. в.

15. Низка из 37 бус округлой, эллипсо-
идной и биконической формы из сердолика,
янтаря и цветного и золоченого стекла.
Н. в.

Фото Ф. А. Тимофеева.

ТАБЛИЦА XXVIII

Золотые изделия и бусы из погребения XIX (I в. до н. э.)

1, 2. Золотые лицевые пластинки для
наложения на глаза погребенного с узкой
прорезью, окаймленной рельефными по-
лосками, имитирующими ресницы, и точеч-
ным орнаментом по краю и вокруг ресниц.

Края пластинок местами повреждены.
Диаметр от 3 см до 3,5 см. Н. в.

3. Костяная резная пластинка, схемати-
чески изображающая фигурку сидящего
на корточках человека.

Голова повреждена. Выс. 1,6 см, шир.
1,4 см. Н. в.

4, 7. Золотые выпуклые бляшки овал-
ной формы с перехватом в центре и точеч-
ным орнаментом по ободку, с двумя отвер-
стиями для нашивки.

Диаметр от 1,7 см до 2,4 см. Н. в.

5. То же с пятью отверстиями для на-
шивки.

6. Золотая пронизь в виде двух спаян-
ных вместе рубчатых трубочек.

Дл. 2 см, шир. 0,7 см. Н. в.

8. Золотая биконическая подвеска с че-
тырьмя круглыми отверстиями, окаймлен-
ными зубчатыми валиками, из которых три
верхних — сквозные, а нижние — заложены
и заполнены тремя напаянными шариками.

Помята. Выс. 2,3 см, диаметр 1,7 см.
Н. в.

9. Низка из 108 бус эллипсоидной, округ-
лой, бочковидной, шаровидной, кольцевид-
ной и розеткообразной формы из сердо-
лика, белой и цветной пасты и простого и
золоченого стекла. Н. в.

Фото Ф. А. Тимофеева.

ТАБЛИЦА XXIX

*Золотые лицевые пластины (наглаз-
ники и нагубники) из разных погребений*

1, 2. Выпуклые эллипсоидные лицевые
пластинки для наложения на глаза с узкой
прорезью в центре, окруженной рельефны-
ми полосками, имитирующими ресницы, и
рельефными точками на концах. Погребение
IX, костяк № 72. Конец II—I в. до н. э.

Помята. Дл. 4,2 см, шир. 2,5 см. Н. в.

3. Выпуклая эллипсоидная лицевая пла-
стина для наложения на губы с прорезью
в центре и тремя рельефными точками на
каждом конце из того же погребения.

Дл. 6,5 см, шир. 2,8 см. Н. в.

4. Плоская овальная лицевая пластинка
для наложения на глаза или губы с точеч-
ным орнаментом по ободку и вокруг центра.
Погребение III. Конец II в. до н. э.

Края повреждены. Дл. 6 см, шир. 3 см.
Н. в.

5. Плоская овальная лицевая пластинка
для наложения на глаза с выпуклостью
в центре, имитирующей глазное яблоко, с
ресницами в виде рельефных полосок. То же
погребение.

Помята. Дл. 3,7 см, шир. 2 см. Н. в.

6. Плоская лицевая пластинка для нало-
жения на глаза, в виде овала со срезанными
концами, с рельефной выпуклостью в центре
и точечным орнаментом по ободку. Погребение
VI, костяк № 3. Конец II—I в. до н. э.

Дл. 6,3 см, шир. 3 см. Н. в.

7. Выпуклая лицевая овальная пластинка
для наложения на глаза или губы с широ-
кой прямоугольной прорезью в центре и
точечным орнаментом по ободку и вокруг
прорези. Погребение XXIX, костяк № 10.
I в. до н. э. — I в. н. э.

Дл. 5,7 см, шир. 3 см. Н. в.

8. Круглая плоская лицевая пластина для наложения на глаза с узкой прорезью в центре, окруженной наклонно расположенными рельефными полосками, имитирующими ресницы, и с точечным орнаментом по ободку и вокруг ресниц. Погребение XIX. I в. до н. э.

Диаметр 3,5 см. Н. в.

9. Выпуклая овальная лицевая пластина для наложения на глаза с прорезью в центре, окруженной вертикально расположенными рельефными полосками, имитирующими ресницы, с точечным орнаментом по ободку. Погребение XI, костяк № 9. I в. до н. э.

Дл. 4 см, шир. 3 см. Н. в.

10. Плоская овальная лицевая пластина для наложения на глаза с широкой прорезью в центре, окруженной наклонно расположенными рельефными полосками, имитирующими ресницы, с точечным орнаментом по ободку и в два ряда вокруг ресниц. Погребение II, костяк № 30. Конец II в. до н. э.

Дл. 6,2 см, шир. 3,7 см. Н. в.

11. Плоская овальная лицевая пластина для наложения на глаза, с узкой прорезью в центре, окруженной расположенными елочкой полосками, имитирующими ресницы, с точечным орнаментом по ободку. Погребение XI. I в. до н. э.

Дл. 4 см, шир. 3,3 см. Н. в.

12. Выпуклая овальная лицевая пластина для наложения на глаза с прорезью в центре, окруженной вертикально расположенными рельефными полосками, с точечным орнаментом по ободку. Погребение XIII. Конец II—I в. до н. э.

Дл. 4,6 см, шир. 3 см. Н. в.

Фото Ф. А. Тимофеева.

ТАБЛИЦА XXX

Золотые медальоны и бляшки с изображениями божеств из разных погребений

1—8. Золотые овальные бляшки с рельефными изображениями женской головы, с двумя отверстиями для нашивки. Погребение II. Конец II в. до н. э.

Диаметр от 1,4 см до 1,8 см. Н. в.

9, 13. Золотые бляшки неправильной округлой формы с рельефным погрудным изображением богини в фас, с тремя отверстиями для нашивки. Погребение XIII, костяк № 56. Конец II—I в. до н. э.

Помяты. Диаметр ок. 2,2 см. Н. в.

10. Золотой круглый медальон с рельефным схематическим изображением головы горгоны в лучах, которые воспроизведены напаянными проволочками; по краю медальон отделан двумя поясками из гладкой круглой проволоки, двумя рядами витой проволоки и одним рядом круглой проволоки с насечками. Вверху припаяно широкое пластинчатое ушко, украшенное розеткой с рельефной точкой в центре и пятью лепестками из напаянных проволочек. Погребение в деревянном саркофаге. I в. до н. э. — I в. н. э.

Диаметр 2,6 см. Н. в.

11. Золотая круглая бляшка с рельефным изображением головы богини в фас, в круглом головном уборе; бляшка окаймлена двумя рядами точечного орнамента, внутренним из вдавленных и наружным из рельефных точек. Пять отверстий для нашивки. Погребение I. Конец II в. до н. э.

Сильно помята. Край поврежден. Диаметр 2,6 см. Н. в.

12. Золотая круглая бляшка с рельефным изображением головы божества в венке, в три четверти. По ободку точечный орнамент. Три отверстия для нашивки. Погребение III. Конец II в. до н. э.

Помята. Диаметр 2,5 см. Н. в.

14. Золотая круглая бляшка с рельефным изображением женской головы в центре. По ободку точечный орнамент. Четыре отверстия для нашивки. Из деревянного саркофага. I в. до н. э. — I в. н. э.

Диаметр 1,6 см — 1,4 см. Н. в.

15, 16. Золотые круглые бляшки с рельефными погрудными изображениями мужских божеств в центре. По ободку точечный орнамент. По четыре отверстия для нашивки. Из каменной гробницы. Конец II в. до н. э.

Сильно помяты. Диаметр 2,5 см. Н. в.

17. Золотая круглая бляшка с рельефным погрудным изображением божества с неясно различимыми атрибутами в руках. Пять отверстий для нашивки. Погребение III. Конец II в. до н. э.

Сильно помяты. Диаметр 2,7 см. Н. в.

18, 19. Две золотые круглые бляшки с рельефным погрудным изображением божества в венке. По ободку точечный орнамент. Из каменной гробницы. Конец II в. до н. э.

Сильно помяты. Диаметр 2,3 см. Н. в.

а) Вид в фас.

б) Вид в профиль.

в) Вид в три четверти.

Фото Ф. А. Тимофеева.

ТАБЛИЦА XXXI

Фигурные изделия и скарабей из стеклянной пасты из погребений III (конец II в. до н. э.) и XIII (II—I в. до н. э.)

1. Фигурка из стеклянной пасты, изображающая обнаженную женщину, сидящую на корточках. Погребение III.

Выс. 2,3 см, шир. 1,2 см.

а) Изображение в фас. Ув. в 4 раза.

б) Изображение в профиль. Ув. в 4 раза.

в) Изображение в фас. Н. в.

г) Изображение в профиль. Н. в.

2. Скарабей из зеленой стеклянной пасты с египетскими иероглифами. Два отверстия для пронизки. Погребение XIII, костяк № 57.

Склеен из двух фрагментов. Дл. 1,3 см, шир. 1,1 см.

а) Верхняя сторона. Ув. в 4 раза.

б) Нижняя сторона. Ув. в 4 раза.

в) То же, гипсовый слепок.

г) Верхняя сторона. Н. в.

д) Нижняя сторона. Н. в.

е) То же, гипсовый слепок. Н. в.

Фото Ф. А. Тимофеева.

ТАБЛИЦА XXXII

Сердоликовые скарабей из погребений III и VI (конец II в. до н. э.)

1. Сердоликовый скарабей с резным изображением головы бородатого скифа в остроконечном головном уборе. На нижней стороне два отверстия для пронизки. Погребение III.

Дл. 1 см, шир. 0,7 см. Ув. в 5 раз.

а) Верхняя сторона.

б) Нижняя сторона.

в) Гипсовый слепок изображения на нижней стороне.

То же. Н. в.

г) Верхняя сторона.

д) Нижняя сторона.

е) Гипсовый слепок изображения на нижней стороне.

2. Сердоликовый скарабей с изображением фантастического животного на нижней стороне. Два отверстия для пронизки. Погребение VII, костяк № 58. Ув. в 5 раз.

а) Верхняя сторона.

б) Нижняя сторона.

То же. Н. в.

в) Верхняя сторона.

г) Нижняя сторона.

Фото Ф. А. Тимофеева.

ТАБЛИЦА XXXIII

Сердоликовый скарабей с изображением головы бородатого скифа из погребения III (конец II в. до н. э.)

Дл. 1 см, шир. 0,7 см. Ув. в 22 раза.

Фото Л. И. Цукерман.

ПЕРЕЧЕНЬ ИЛЛЮСТРАЦИЙ

- Рис. 1.* План Неаполя Скифского. Съемка Е. А. Столяревского. 1946 г. Чертеж С. К. Себекина
- Рис. 2.* Вид на руины мавзолея с запада. Фото П. Н. Рябова. 1946 г.
- Рис. 3.* План мавзолея. Съемка и чертеж О. И. Домбровского
- Рис. 4.* Северная стена мавзолея. Вид с юга. Фото М. Г. Агаронян. 1948 г.
- Рис. 5.* Восточная стена и остатки двери мавзолея: а) вид с востока. Фото М. Г. Агаронян. 1948 г.; б) восточная стена и остатки двери мавзолея. Обмеры А. Н. Карасева. 1948 г.
- Рис. 6.* Стены мавзолея: а) северная стена с внутренней стороны; б) южная стена с внутренней стороны. Обмеры О. И. Домбровского
- Рис. 7.* Дверь мавзолея. Вид с востока. Фото М. Г. Агаронян. 1948 г.
- Рис. 8.* Расположение погребений в мавзолее. Нижний ярус. Обмеры О. И. Домбровского. 1946 г. Чертеж С. К. Себекина
- Рис. 9.* Каменная гробница после раскопок. Вид с востока. Фото П. Н. Рябова. 1947 г.
- Рис. 10.* Расположение золотых украшений на поле кафтана в погребении из каменной гробницы. Реконструкция О. И. Домбровского
- Рис. 11.* План расположения частей деревянного саркофага. По обмерам О. И. Домбровского
- Рис. 12.* Рельеф на крышке деревянного саркофага. Гипсовая отливка. Фото К. А. Трапезарова
- Рис. 13.* Фигура львиноголового грифона. Деталь деревянного саркофага. Гипсовая отливка. Фото К. А. Трапезарова
- Рис. 14.* Угловой столбик деревянного саркофага. Гипсовая отливка. Фото К. А. Трапезарова
- Рис. 15.* Бронзовая херсонесская монета, найденная в мавзолее. Фото П. М. Агафонова
- Рис. 16.* Скифская курильница лепной работы. Из погребения XIX. Фото Т. В. Касаткиной
- Рис. 17.* Бусина из цветной пасты из конского погребения. Фото Ф. А. Тимофеева

Рис. 18. Костяная выкружка из погребения XIII. Фото Т. В. Касаткиной

Рис. 19. Серебряный медальон с изображением Артемиды. Из погребения XIII. Фото П. М. Агафова

Рис. 20. Херсонесская амфора, найденная на полу мавзолея около каменной гробницы. Фото Т. В. Касаткиной

Рис. 21. Ромбовидный щиток фибулы. Золото. Из каменной гробницы. Фото Ф. А. Тимофеева

ТАБЛИЦЫ

ЗОЛОТЫЕ ИЗДЕЛИЯ И ВСЯК ИЗ ПОРФЕВЕНА III

13.26

9

ТАБЛИЦА I

а

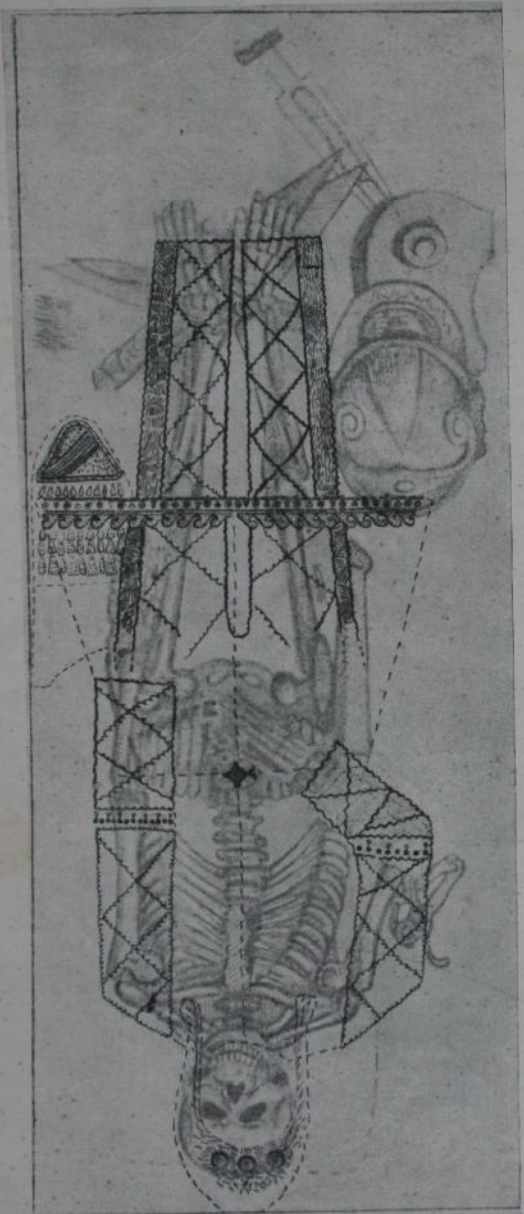

ТАБЛИЦА II

1а

1б

1в

2а

2б

2в

ТАБЛИЦА III

ука в L, 15 P.

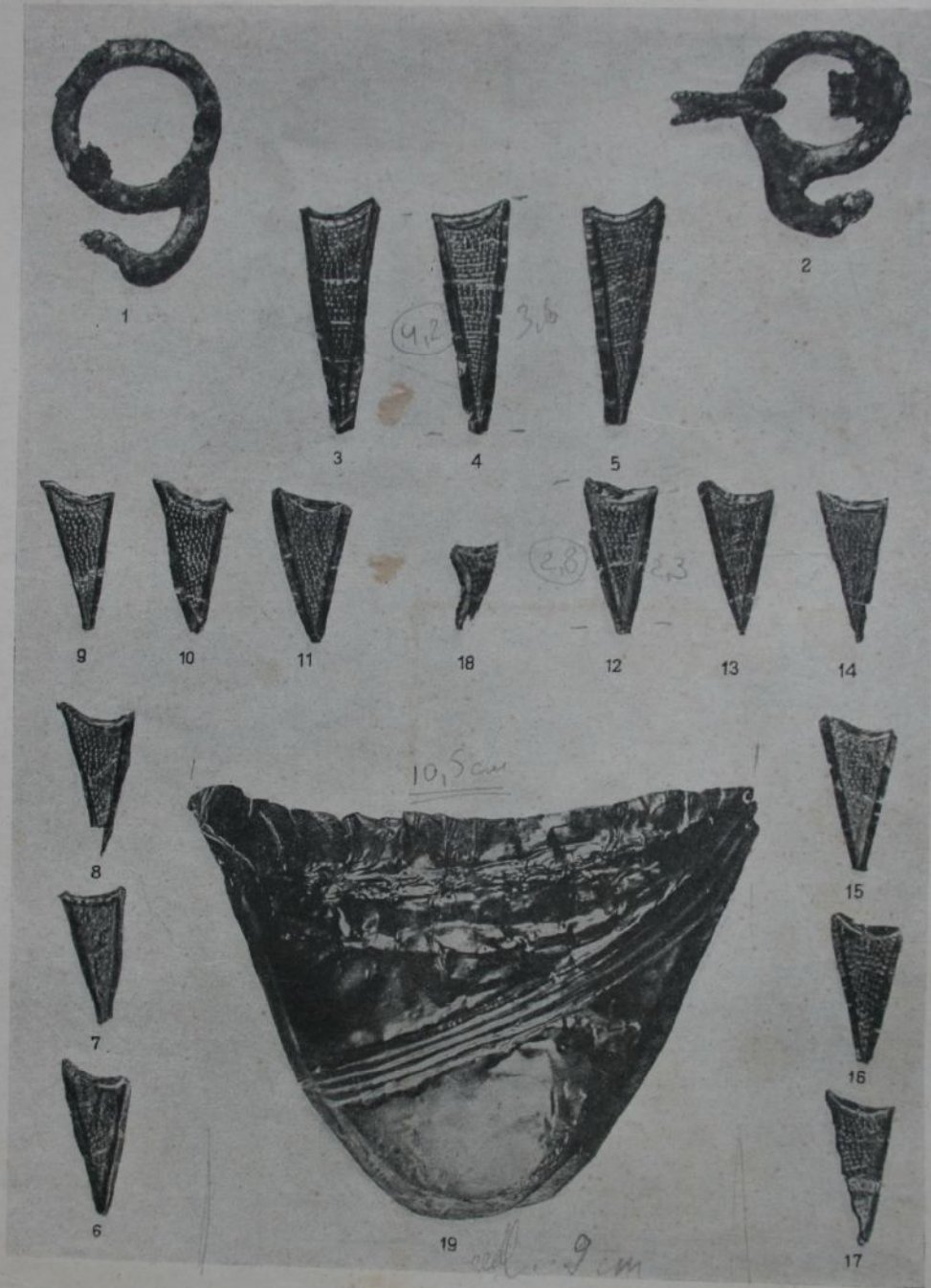

ТАБЛИЦА IV

ТАБЛИЦА V

4606 2.27 157

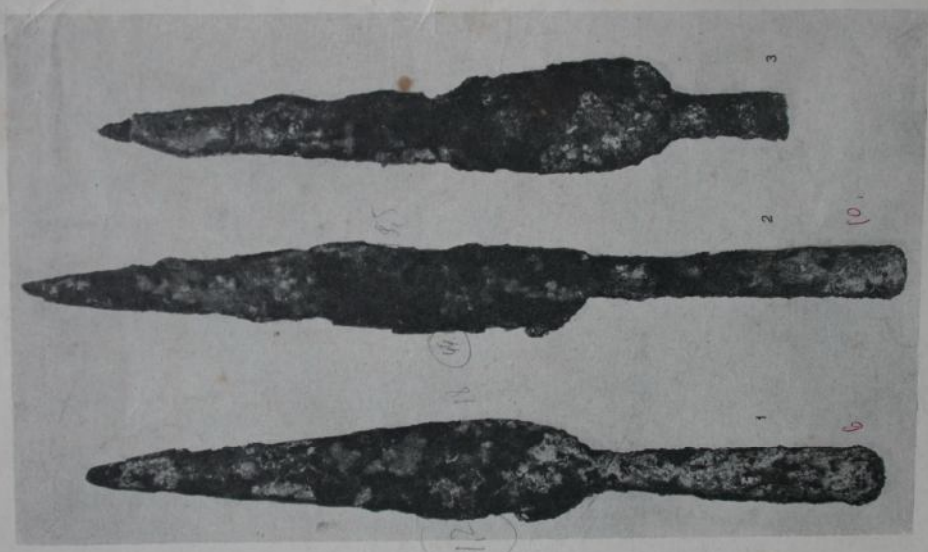

ТАБЛИЦА VI

ТАБЛИЦА X

ТАБЛИЦА XII

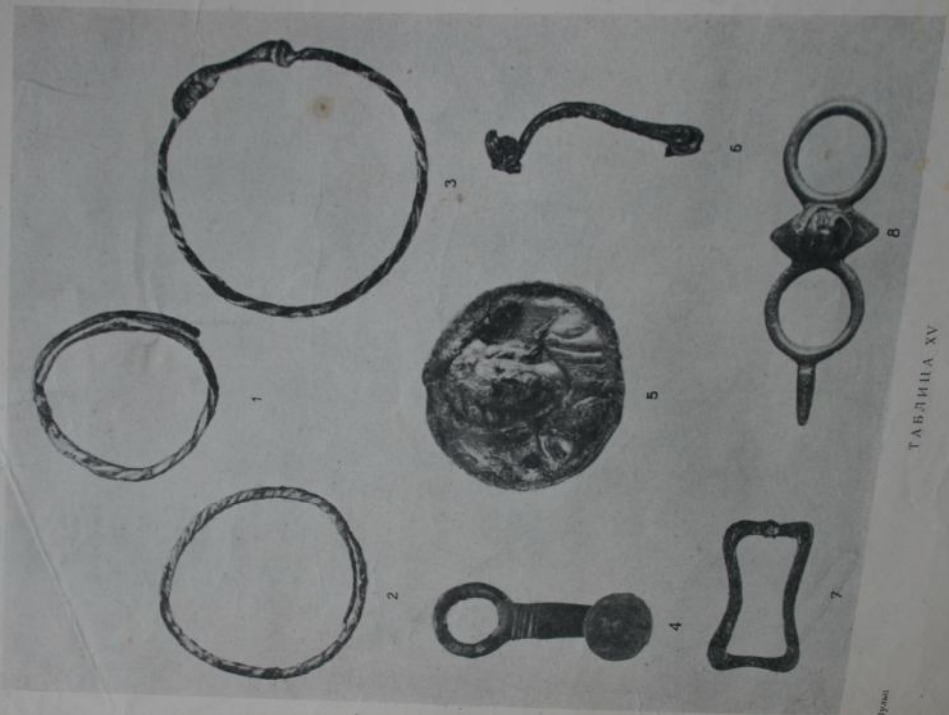

ТАБЛИЦА XV

Израи

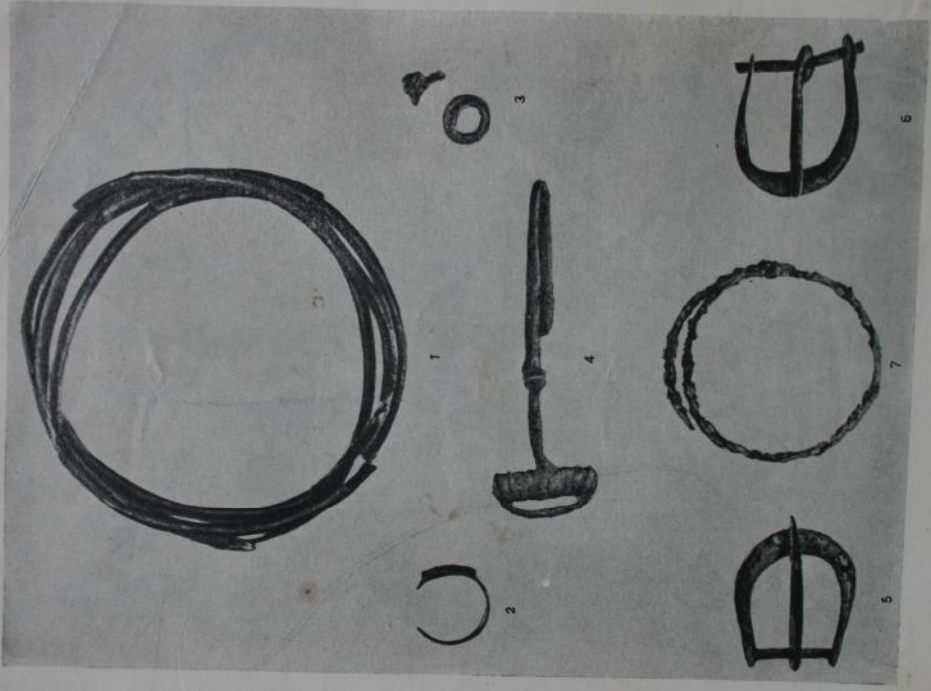

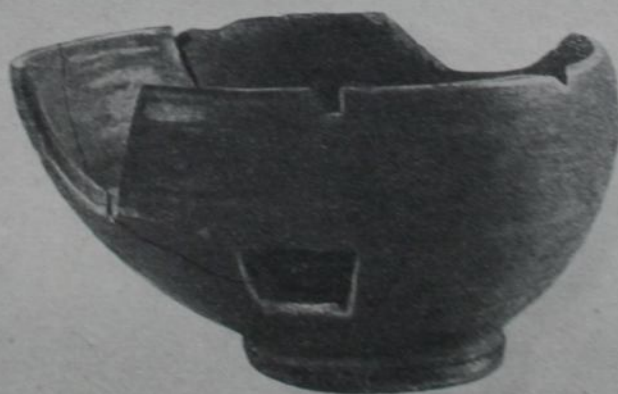
ТАБЛИЦА XVI

1

2

3

ТАБЛИЦА XIX

XX MINUTAT

1

2

3

4

5

6

ТАБЛИЦА XX

ТАБЛИЦА XXI

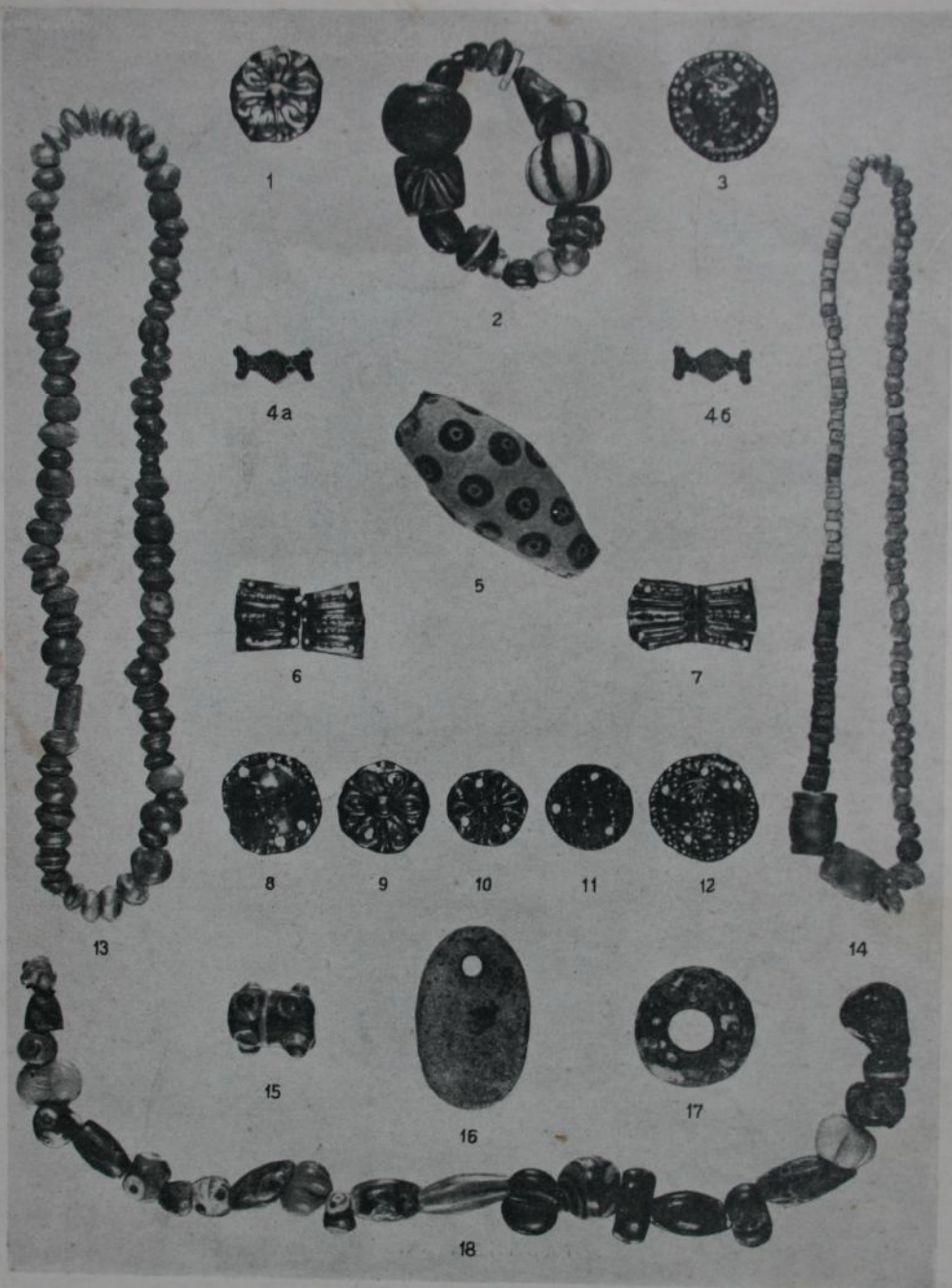
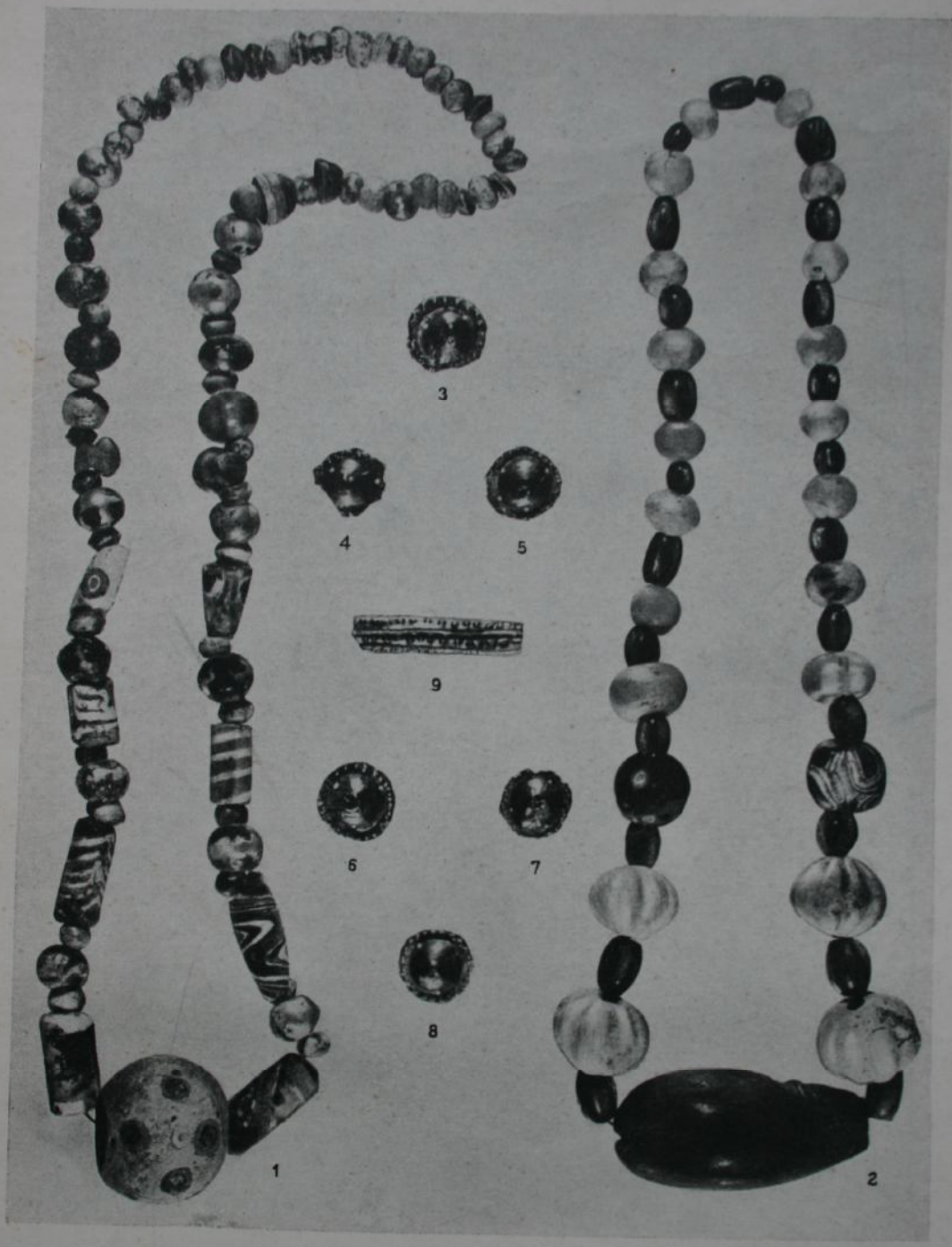

ТАБЛИЦА XXII

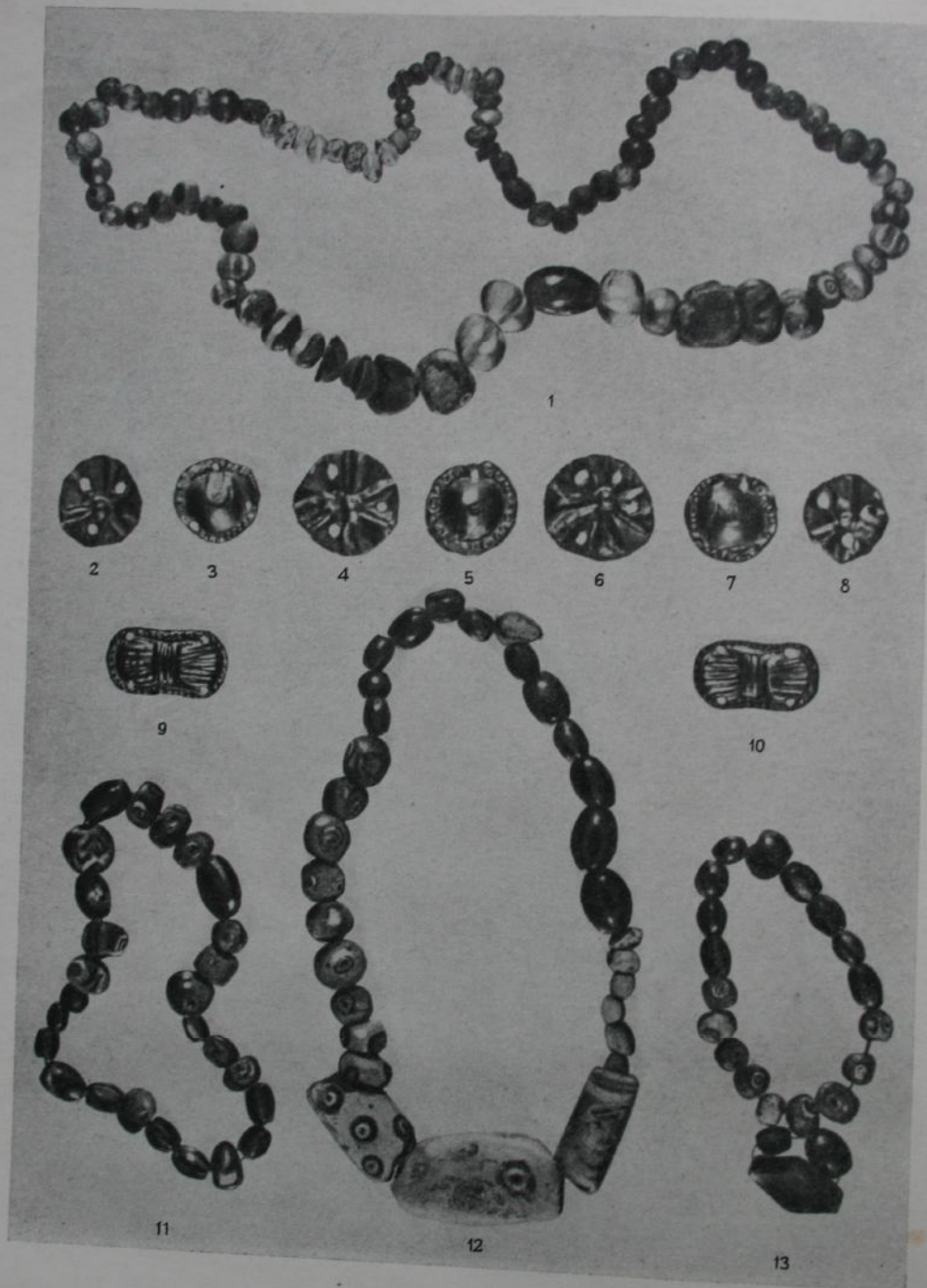

ТАБЛИЦА XXIV

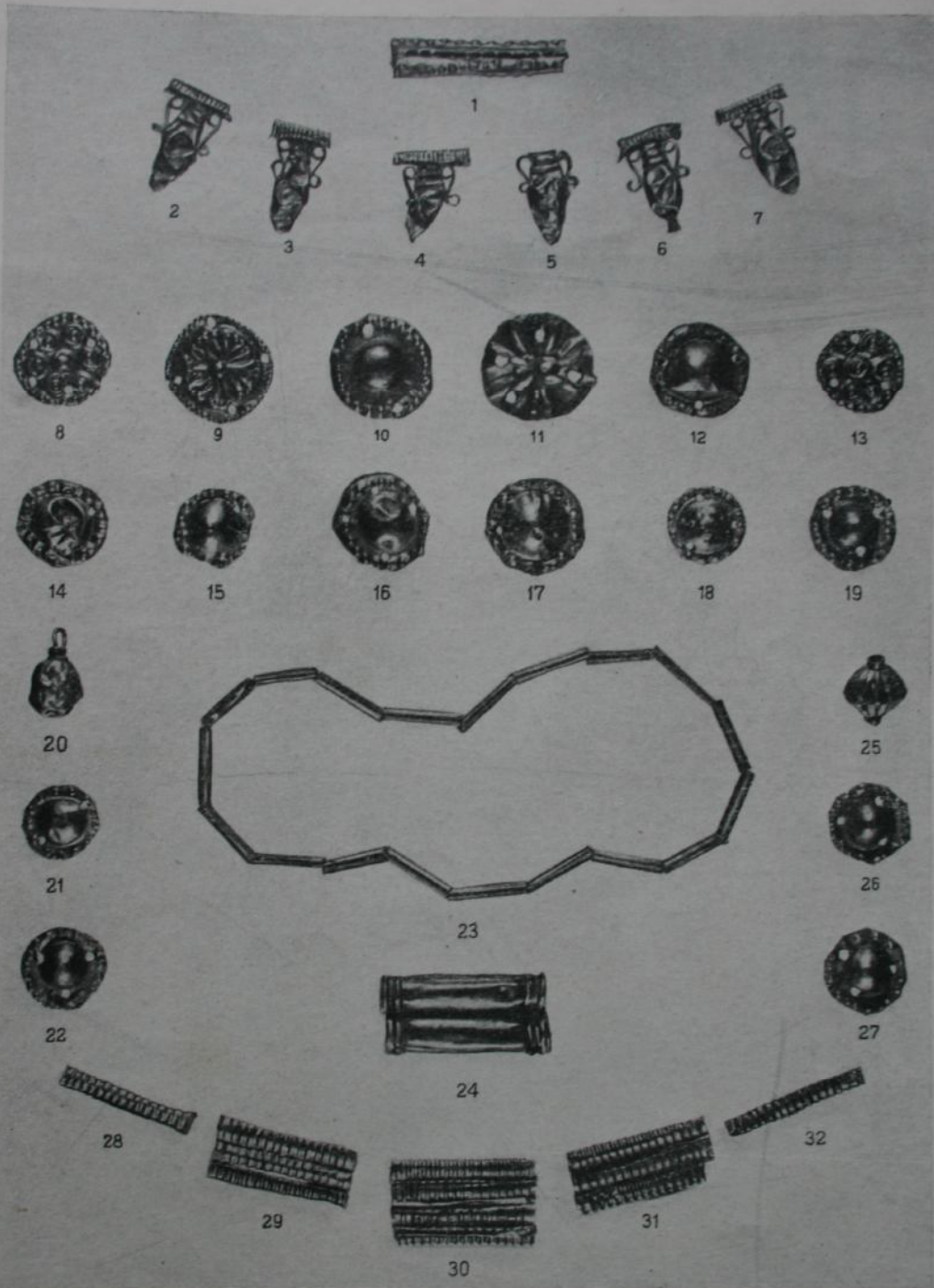
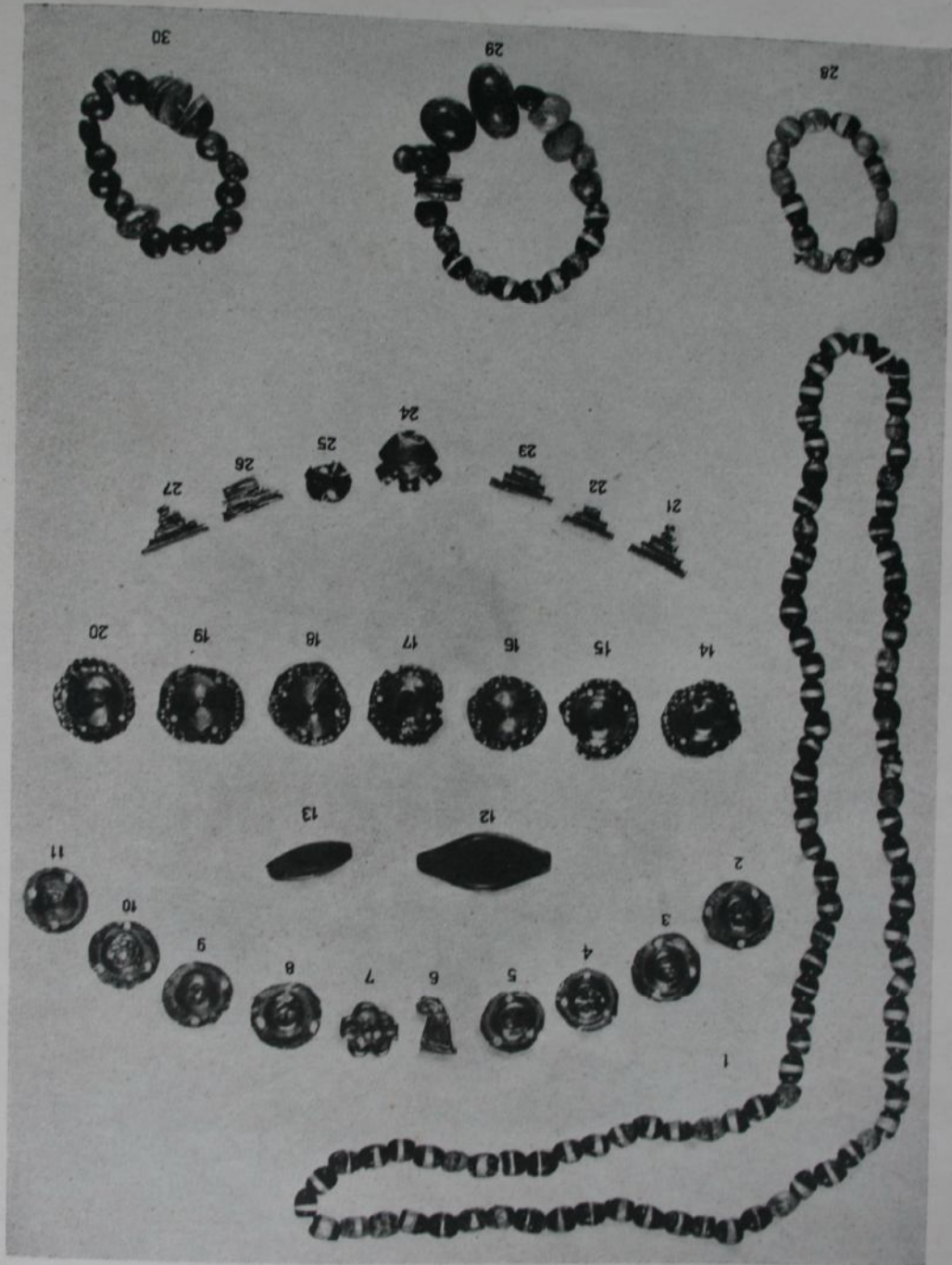

ТАБЛИЦА XXV

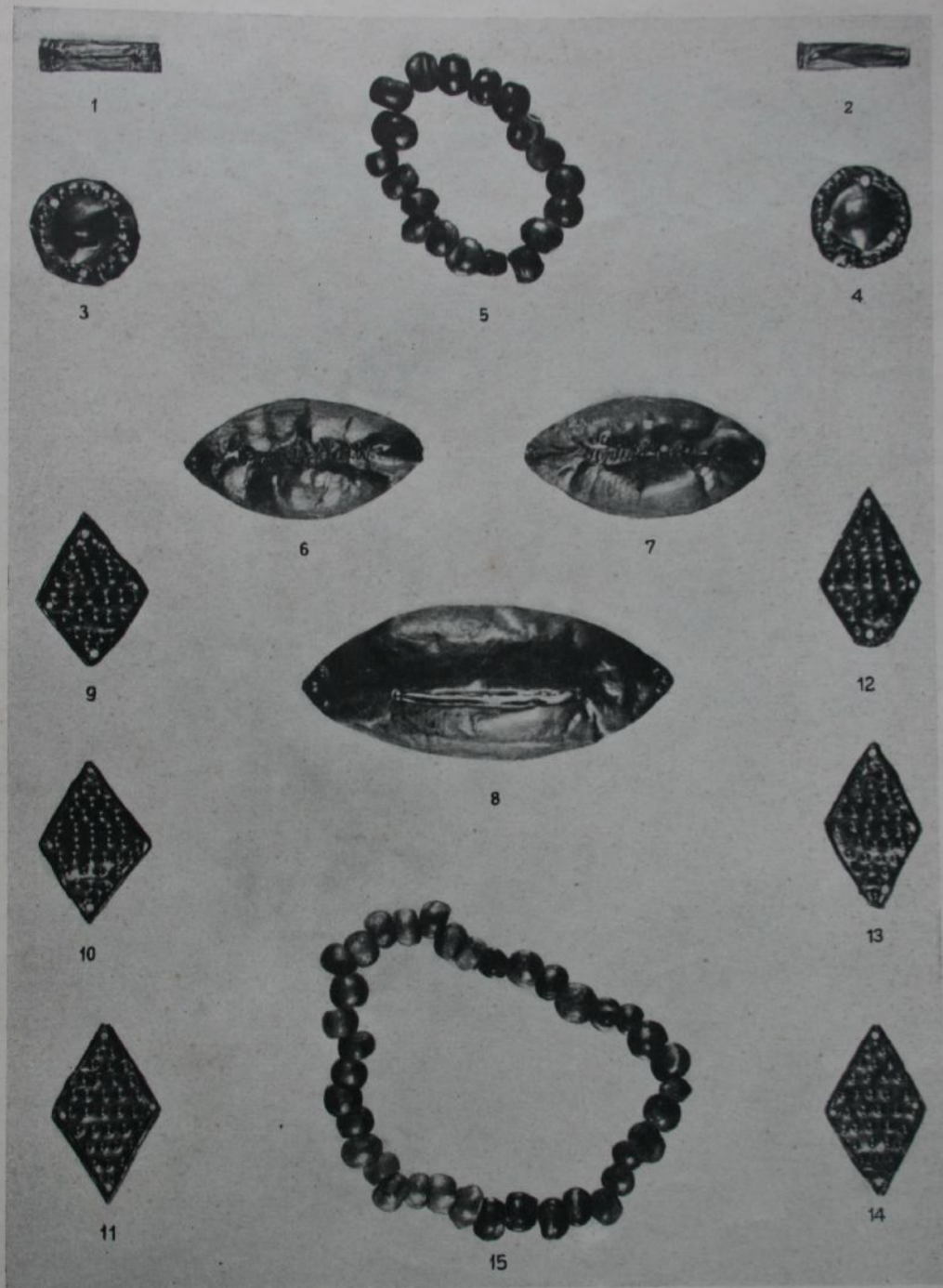

ТАБЛИЦА XXVII

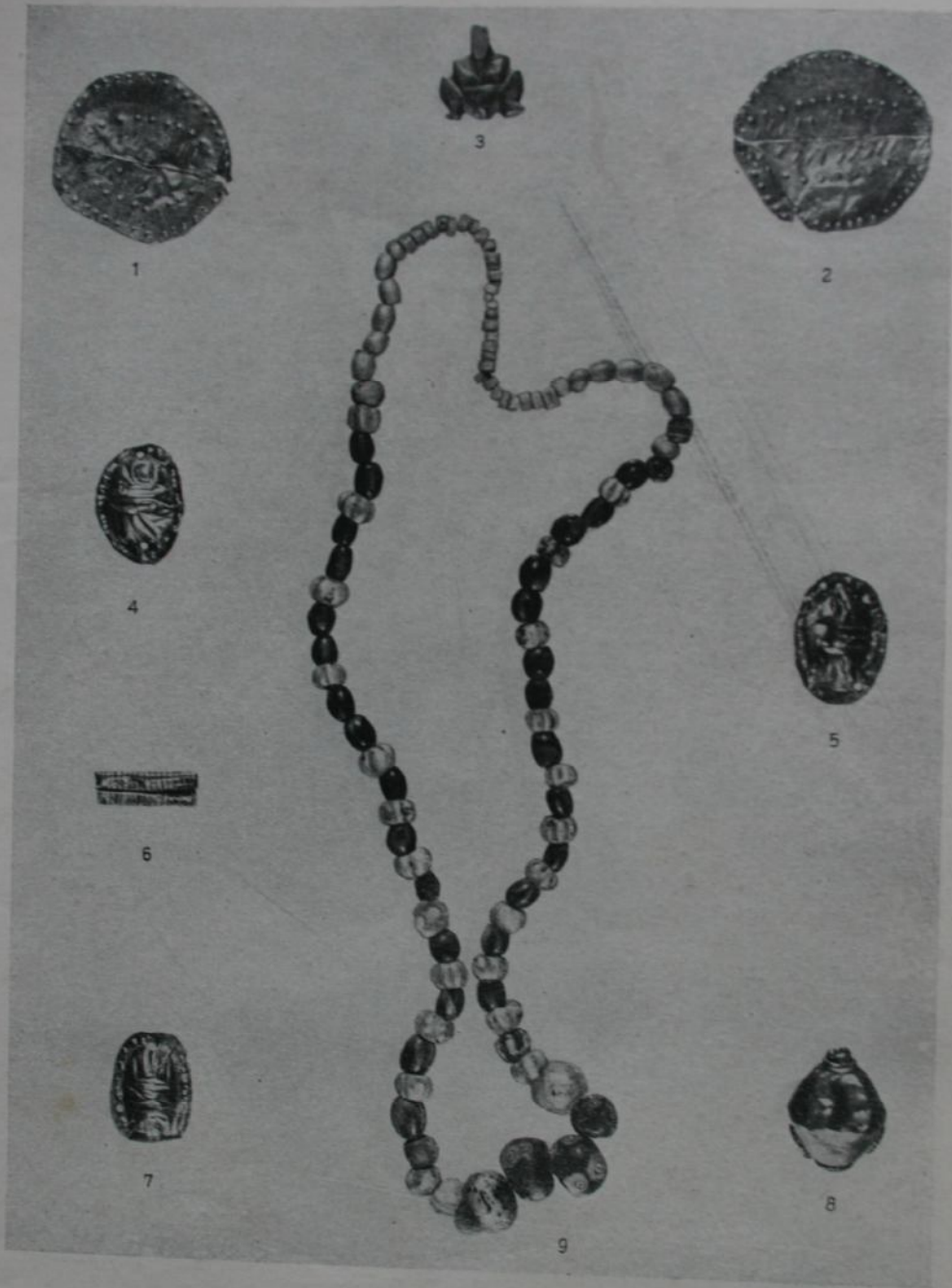

ТАБЛИЦА XXVIII

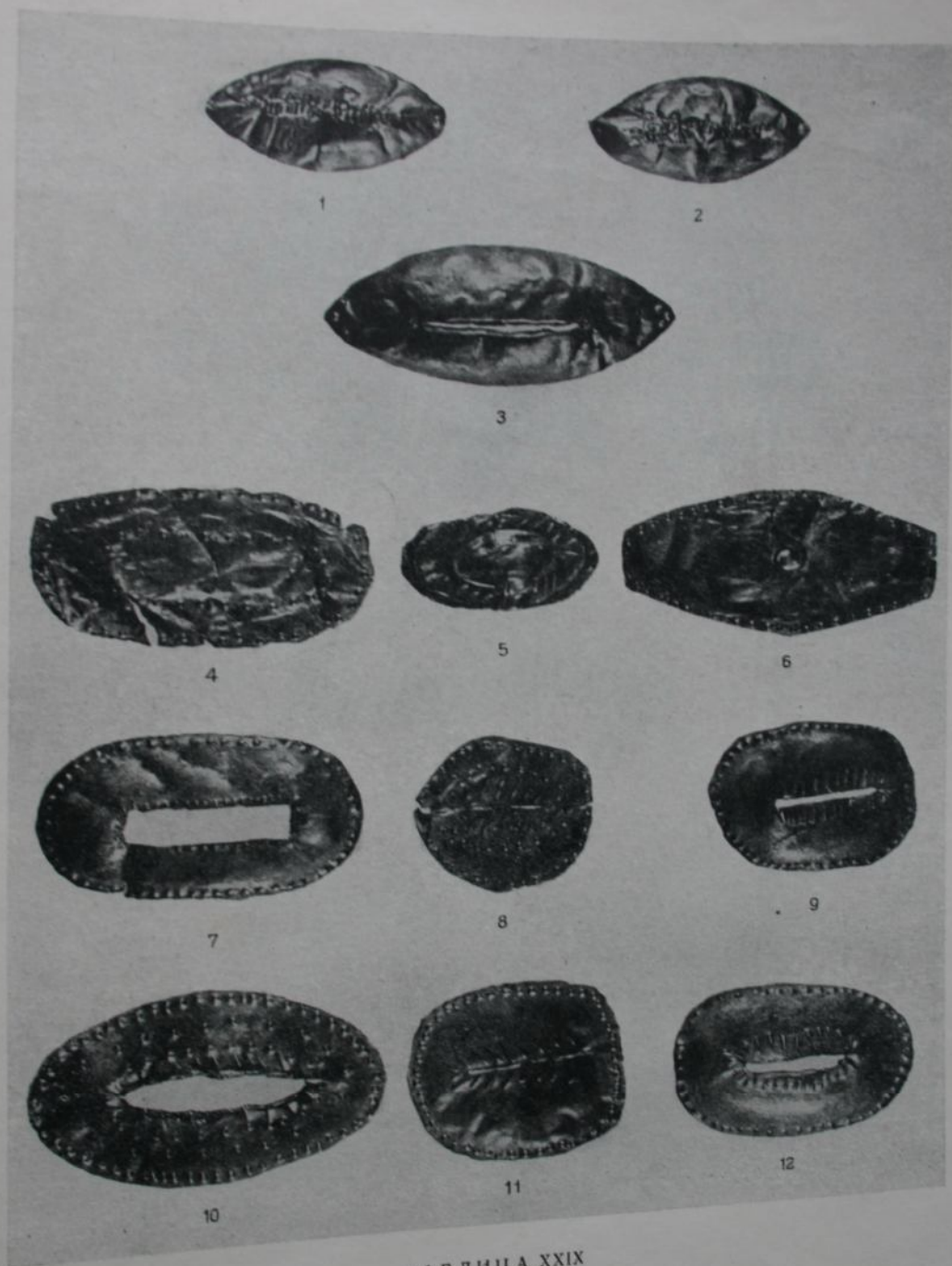

ТАБЛИЦА XXIX

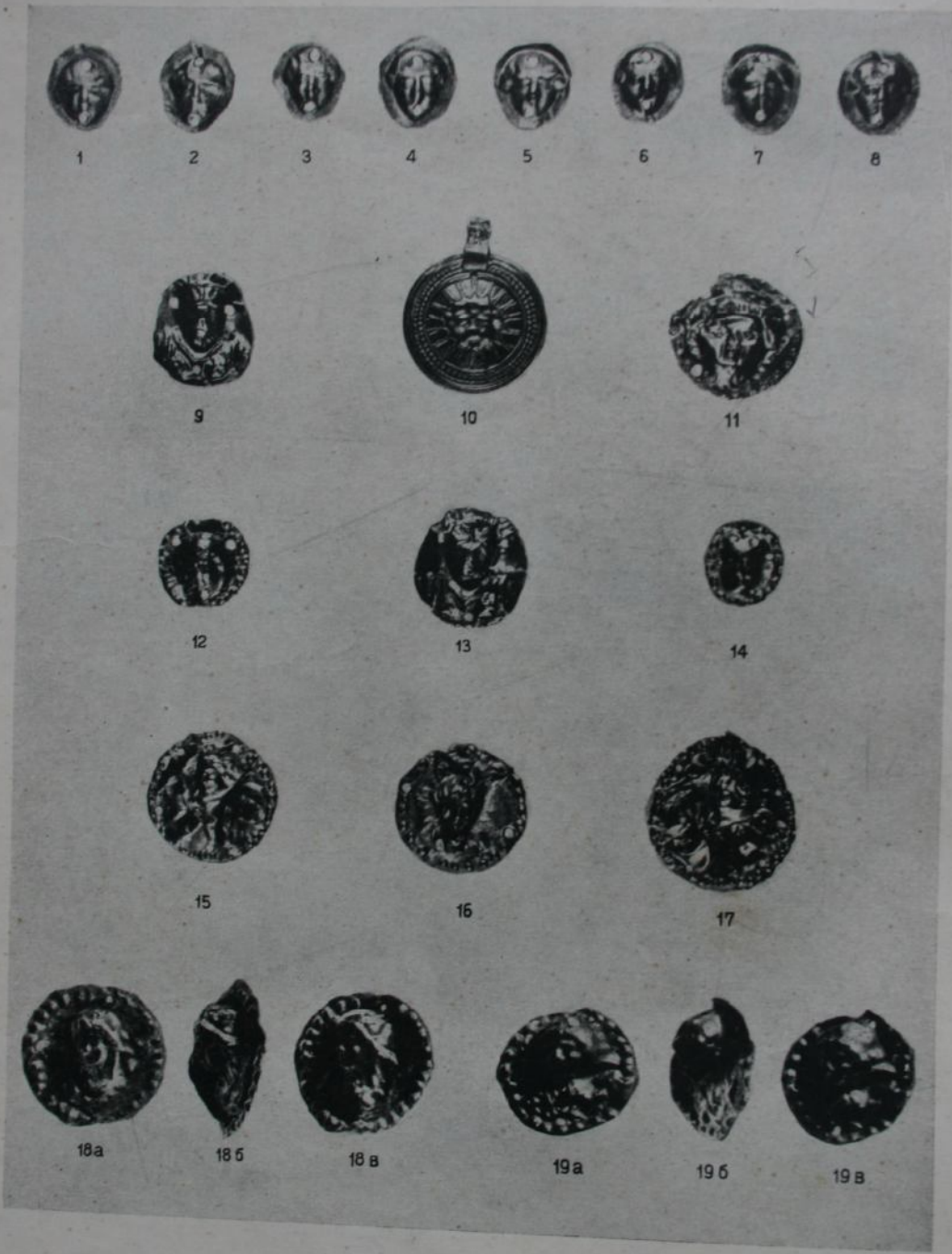

ТАБЛИЦА XXX

1а

1б

1в

2а

2б

1г

1д

1е

2в

2г

ТАБЛИЦА XXXII

№ 100
ОК
2

ТАБЛИЦА XXXIII

ОГЛАВЛЕНИЕ

	Стр.
Предисловие	3
Введение	5
Открытие и раскопки мавзолея	9
Архитектура мавзолея	13
Расположение погребений	20
Каменная гробница	21
Деревянный саркофаг	25
Погребения в деревянных ящиках и конские захоронения	30
Вопрос о времени постройки и разрушения мавзолея	40
О социальной принадлежности и этническом составе погребенных	42
Скифские, сарматские и греческие элементы в погребальном обряде и инвентаре	44
Характер местного художественного ремесла	46
Вопрос о генезисе архитектурных форм мавзолея	48
Мавзолей — памятник городской культуры поздних скифов	50
Заключение	52
Примечания	53
Принятые сокращения	54
Описание таблиц	72
Перечень иллюстраций	87
Таблицы	89

Редактор *Р. Б. Климов*
Оформление художника *Е. А. Ганмушкина*
Художественный редактор *Н. П. Глазунова*
Технический редактор *Е. И. Шалина*

Ш 01701. „Искусство“ № 13231. Подп. в печ. 14/III 1953 г. Форм. бум. 60x92¹/₄. Заказ 591.
Кол. печ. л. 15,5 + 3 вклейки. Кол. бум. л. 8,13. Уч.-изд. л. 10,06. Тираж 2000 экз.
Цена 15 р. Переплет 3 р.

21-я типография имени Ивана Федорова Союзполиграфпрома Главиздата Министерства
Культуры СССР, Ленинград, Звенигородская, 11